

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е. А. Реферовская

*ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
СТРУКТУРЫ
ТЕКСТА*

Отв. редактор
чл.-корр. АН СССР А. В. Десницкая

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1983

Книга посвящена новой отрасли языкознания — «лингвистике текста». Изучаются механизмы структурирования единицы текста — «сверхфразового единства» и способы языкового оформления их в связном тексте. Рассматриваются употребление видовременных и модальных форм глагольной системы, расположение слов в предложении в составе сверхфразового единства, определяемое требованиями коммуникативного членения и построения связного текста, а также различные глагольные временные формы в качестве форм повествования. Теоретические положения строятся на материале современного литературного французского языка.

Книга предназначена для специалистов в области лингвистики текста, теоретической грамматики и стилистики.

Рецензенты

д. ф. н. Г. З. Черданцева, к. ф. н. Е. Е. Корди,
к. ф. н. И. А. Короленко

Лингвистика текста — относительно молодая область нашей науки, подготовленная и обусловленная идеей необходимости принципиального различения языка и речи. Эта идея известна в языкознании со времен Гумбольдта, она отражена в работах Штайнталя, Габеленца, Потевни и с особой настойчивостью сформулирована Соссюром, представившим язык и речь как «две полярные формы существования многообразных и противоречивых в своей совокупности речевых явлений» (Кацнельсон).

Отношение между языком и речью обусловлено функционированием последней как средства коммуникации. «Язык представляет собой совокупность систем, постоянно присутствующих в сознании говорящего, речь реализует во времени данные языка» (Гийом).

Язык представляет собой некую абстракцию, выводимую в конечном счете из структурных элементов речевого потока, доступного нам в общении и воспринимаемого нашими органами чувств — слухом и зрением. Речь, которая является «единственной осязаемой реальностью» (Потье), зависит от языка, поскольку то, что появляется в речи, определяется языковой системой, из которой говорящий черпает необходимое для выражения его мысли.

Все элементы синтаксической системы языка, все кодифицированные ее единицы — словосочетания и предложения — находятся в «лингвистической памяти» говорящего на данном языке коллектива и служат ему для построения речи, которая состоит из «актуализованных элементов языка» (Балли). Предложение, которое можно рассматривать как крупную синтаксическую единицу языка, определяется содержательными и формальными признаками. Члены предложения и словосочетания представляют собой конструктивные элементы предложения. Формальным признаком, ограничивающим предложение в тексте, служит пунктуация (в устной речи — пауза). М. Р. Майенова отмечает, что «до недавнего времени очевидным считалось утверждение, что языкознание кончает свои наблюдения там, где кончается предложение. Тексты, состоящие из многих предложений, ускользают от наблюдений этой научной отрасли, которая целиком и полностью исчерпывается рамками широко понимаемой грамматики».¹

¹ *Mayenowa M. R. Teoria tekstu a tradycyjne zagadnienia poetyki. — In: Tekst i język. Problemy semantyczne. Praca zbiorowa pod redakcją M. R. Mayenowej. Wrocław, 1974, s. 299 (цит. по: Синтаксис текста. М., 1979).*

По-видимому, следует принять, что предложение — максимальная единица языка, но минимальная единица речи. Заключенное в тексте между точками (в устной речи между паузами), оно не обязательно соответствует полному, законченному в смысловом отношении высказыванию. Чаще последнее охватывает ряд последовательно расположенных в речи и связанных между собой предложений. Речь пользуется языковой моделью предложения, но, как правило, не ограничивает им рамок высказывания. В отдельных случаях, хотя и реже, предложение может выражать в речи совершенно законченное отдельное высказывание. Предложения служат моделями, формами, в которые отливается мысль, и она сочетает их для того, чтобы поместиться в них полностью. В речи непосредственно отражается движение мысли, последовательно выражающейся в языковых единицах, конструктивные схемы которых постоянно присутствуют в сознании говорящего.

Высказывание состоит, как правило, из серии связанных между собой предложений, образующих некие «сверхфразовые единства», которые в свою очередь связаны друг с другом семантически и могут быть связаны формально и образуют в конечном счете текст. Но текст — это не просто письменная фиксация речи в любом ее проявлении. Текст обладает определенными законами построения, смыслового и формального соединения и разграничения составляющих его единиц. Выявление механизмов образования текста и является задачей лингвистики текста, которая предполагает изучение речевой деятельности, фиксированной в виде любого письменного жанра (от эпистолярного и делового до произведений художественной литературы). Связный текст, в любом его виде, имеет свои «формы организации, выработанные и кодифицированные общественной практикой».²

Текст привлекал и раньше внимание исследователей. Он служил предметом науки текстологии, которая занималась филологическим изучением древних текстов. Обращалась к текстам и стилистика — объектом служили, как правило, художественные произведения, и изучались они с точки зрения стилистических (экспрессивных) эффектов, достигаемых в результате искусного использования авторами лексических и грамматических элементов языка.

«Лингвистика текста» рассматривает текст под другим углом зрения. Предметом ее изучения служит построение, порождение текста, его конституирующие элементы с точки зрения как формальной, так и содержательной его структуры, с точки зрения формирования его смысла. Для нас существенно то, что текст получает сейчас новое определение в соответствии с новыми задачами, которые ставит перед собой лингвистика текста, делающая из него предмет особого изучения.

² См.: Брандес М. П. Синтаксическая семантика текста. — Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1977.

Что же представляет собой текст как целостный объект изучения с позиций лингвистики текста?

Исследователями предложен целый ряд определений текста как объекта лингвистического изучения. Но все они, в сущности, сводятся к тому, что рассматривают текст как некое структурированное по определенным законам единство, состоящее из языковых единиц — предложений, объединенных между собой и образующих более крупные единицы — сверхфразовые единства — тематические отрезки текста, параграфы, главы, разделы и т. д., служащие для передачи определенного законченного содержания, отвечающего целям коммуникации.³

Вот, например, как определяет текст М. Пфюце: «Я понимаю, — пишет он, — под текстом определенную организованную по цели и смыслу совокупность фраз или фразовых элементов, между которыми имеются значимые отношения и функции, т. е. структурированное единство, представляющее в сознании, в виде лингвистической единицы, какое-либо комплексное явление действительности в его относительно законченной смысловой целостности». Примерно так же пишет Р. Барт, считая, что предметом лингвистики текста является «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый в целях коммуникации и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию».

А. Богуславский⁴ определяет предмет науки о тексте как «высказывание, состоящее из нескольких предложений». Главное для науки о тексте он считает не то, что говорит автор, не содержание высказывания, а то, как это высказывание строится, из каких элементов оно состоит.

Процесс речи (устной или письменной) приводит к порождению текста — речевого произведения, сообщения, развертывающегося в последовательное описание ряда ситуаций (совпадающих по времени или не совпадающих), в изложение цепи событий, в рассуждение на определенную тему и т. п. Основной линией текста, основным его содержанием может служить описание перипетий жизни героя или героев повествования и многое другое. В эту основную линию, как правило, вплетаются побочные линии, отдельные отступления от основной темы, рассуждения автора, описания природы местности или описания места, где происходят данные события, упоминания любых возникающих у автора ассоциаций и соображений, личных воспоминаний и т. п. Целостный текст состоит из множества отдельных элементов, отдельных отрезков текста, которые хотя и входят в общую смысловую и формальную структуру текста, а следовательно, между собой

³ См.: *Гальперин И. Р.* О понятии текст. — ВЯ, 1974, № 6; *Pfütze M.* Grundgedanken zu einer funktionalen Textlinguistik. — Textlinguistik. Dresden, 1970, I; *Barthes R.* La linguistique du discours. — Sign, Language, Culture. La Hague; Paris, 1970; *Benveniste E.* Les niveaux de l'analyse linguistique.

⁴ *Boguslawski A.* W sprawie przygotowania tomu poświęconego wynikom nauki o tekście. — In: *Semantyka tekstu i języka.* Wrocław, 1976.

связаны, но в то же время представляют собой некоторые относительно законченные или во всяком случае отграниченные друг от друга отрезки повествования или описания. Они могут либо лежать на основной линии текста, либо примыкать к одной из побочных линий, либо, наконец, вклиниваться в виде отдельных сообщений в общий поток речи. Эти отрезки текста состоят в свою очередь из серии предложений (редко из одного предложения), связанных между собой не только логически, семантически, но и формально, лингвистически. Такие серии предложений определяются как «сверхфразовые единства».

Наиболее кратко и точно формулирует свое понимание сущности рассматриваемых явлений А. А. Леонтьев, говоря, что «текст есть функционально завершенное речевое целое».⁵ Автор замечает, что невозможно лингвистически определить понятие целостности текста, что она определяется только его содержанием, которое должно представляться отправителю и получателю как некое «осмысленное целесообразное единство». К. Кожевникова,⁶ считая также текст «целостной, замкнутой высшей коммуникативной единицей», совершенно справедливо настаивает на том, что основным конституирующим признаком текста является связность — семантическая, которая наличествует обязательно, и формальная, которая может эксплицировать семантическую применением грамматических и лексических средств языка.

К. Кожевникова формулирует понятие текста так: «... текст — идеальная высшая коммуникативная единица, тяготеющая к смысловой замкнутости и законченности, конституирующим признаком которой, однако, является связность, проявляющаяся каждый раз в других параметрах, на разных уровнях текста и в разной совокупности частных связей».⁷

Глубоко прав М. П. Йоницэ,⁸ подчеркивающий, что связность является неотъемлемым признаком всякого текста, признаком, проявляющимся в смысловой его целостности и имеющим языковые способы выражения. Эти-то способы выражения связности текста, т. е. языковые механизмы, соединяющие воедино отдельные элементы текста и образующие в результате некое формально-смысловое единство, и служат в первую очередь объектом изучения лингвистики текста.

Если соглашаться с тем, что текст — это высшая коммуникативная единица и что слагается она из отдельных, связанных между собой частей, то, видимо, эти части также являются единицами текста, но более низкого уровня. Такими единицами речевой деятельности (а текст — это продукт речевой деятельности в широком смысле этого слова) А. А. Леонтьев считает высказывание,

⁵ Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации. — В кн.: Синтаксис текста. М., 1979.

⁶ Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом. — Там же.

⁷ Там же, с. 66.

⁸ Йоницэ М. П. Глоссарий контекстуальных связей. Кишинев, 1981, с. 27, 75 и др.

законченное с точки зрения содержания и интонации и имеющее определенную смысловую и грамматическую структуру. Именно такую единицу принято именовать сверхфразовым единством.

Думается, что наиболее четко, хотя и кратко, содержательная сторона понятия «текст» сформулирована К. Кожевниковой, подчеркнувшей его «смысловую законченность». Что же касается отмеченной ею «связности», то она может быть отнесена как ко внутренней, смысловой, стороне текста, так и к его языковому оформлению, которое предполагает как использование определенных лексико-грамматических средств, формально осуществляющих эту связность, так и все особенности употребления языковых единиц, обуславливаемые их участием в построении текста.

Строя текст, говорящий выбирает слова, сочетания слов, грамматические формы и располагает их в предложениях, образующих сверхфразовые единства, так, чтобы сообщение, которое служит конечной целью речевого акта, могло быть воспринято слушателем и переработано его сознанием в представления, отвечающие коммуникативному намерению говорящего. Однако для того, чтобы текст «на выходе» (выражая мысль говорящего) способствовал созданию соответствующей картины «на входе» (в сознании слушающего), одного текста недостаточно. Для установления полного взаимопонимания между отправителем и получателем недостаточно лингвистически оформленного сообщения (или серии сообщений = текста). Для слушающего необходима опора, которую он находит в таком существенном экстралингвистическом факте, как «пресуппозиция». В сущности, всякое (или почти всякое) сообщение распадается на две части: лингвистически оформленную и неоформленную, которая определяется термином пресуппозиция. Лингвистическую часть образуют собственно сообщение и окружающий лингвистический контекст. Пресуппозиция охватывает все то, что должно иметься в сознании получателя лингвистически оформленного сообщения, все то, что лежит за пределами этого сообщения, имея, однако, к нему определенное отношение, и что может гарантировать правильную и исчерпывающее понимание сообщения. В широко понимаемую пресуппозицию войдут не нашедшие своего языкового выражения, но обязательно присутствующие в сознании слушателя предварительные сведения, необходимые для понимания содержания сообщения: 1) знание языка, на котором делается сообщение, 2) знание ситуации (в устной речи) или лингвистического контекста (в письменном тексте). Также необходим комплекс сведений, обычно обобщаемый термином «знание мира» или «энциклопедические знания».

Прежде чем говорить о сверхфразовом единстве как единице речи и текста, следует напомнить о сходстве и различии между этими двумя понятиями. Речь — понятие широкое, включающее любое устное или письменное произведение речевой деятельности, следовательно, обязательно предполагающее производящего субъекта (говорящее или пишущее лицо), передающего слушателю (или читателю) некое законченное сообщение или ряд таких сооб-

щений, образующих речь (или текст). Таким образом, понятие речи включает как любую разновидность устного, но обязательно связного и осмысленного говорения, так и фиксацию его на письме.

Понятие текста чаще всего ограничивают письменной фиксацией авторской речи, а когда дело идет о литературных произведениях, то и фиксацией речи его персонажей. Текст строится по определенным законам и правилам литературной нормы, имеющей свои, лишь ей присущие лингвистические построения, отличающие ее от речи в широком значении этого слова.

СВЕРХФРАЗОВОЕ ЕДИНСТВО — ЕДИНИЦА РЕЧИ (ТЕКСТА)

Что касается собственно текста как продукта речевой деятельности, обязательно имеющего лингвистическую форму, то он строится из слов, предложений, сверхфразовых единств, отрезков текста, содержащих отдельные, относительно самостоятельные отрезки, непременно между собой связанные общей сюжетной линией текста в целом. Сверхфразовое единство как единица речи вычленяется из текста семантически и формально и представляет собой некий структурированный комплекс. Ряд предложений, входящих в сверхфразовое единство, может быть замкнут формально, однако число составляющих его компонентов заранее не определяется и зависит от смыслового объема высказывания, количества включенных деталей, ассоциативных связей и т. п. Последовательно расположенные СФЕ состоят из серии предложений, связанных единством смыслового содержания всего высказывания, частными семантическими связями между ними и формальными языковыми средствами — лексическими и грамматическими скрепами, в устной речи — интонацией. Первое предложение СФЕ, относительно самостоятельное, связано с последующими, которые от него зависят семантически и формально.⁹ Да и первое предложение, в сущности, не может считаться вполне самостоятельным, так как оно предполагает продолжение. Первое предложение катафорично, оно вызывает «ожидание», которое разрешается в последующем тексте. Зависимые, синсемантические

⁹ Логическая необходимость связывания отдельных предложений в некие более крупные единицы, образующие в конечном счете текст, была очевидна для ученых еще в давние времена. Так, Э. Кондильяк, французский просветитель — филолог и философ — XVIII в., писал о том, что между отдельными мыслями, заключенными в тексте, должны быть обеспечены средства связи, представленные, например, такими словами и выражениями, как *dans ce temps-là* (в то время), *de la sorte* (таким образом), *par conséquent* (следовательно), *ainsi* (так) и т. п. Связанные таким путем группы предложений Кондильяк не называл никаким особым термином, но, соотнося речь с мыслями, он полагал, что связь между ними необходимо имеет и свое языковое выражение (*Condillac E. Oeuvres complètes, corrigées par l'auteur. I—XXI. Paris, 1803, t. II*; см. об этом: Пумпянский А. Л. Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. М., 1974, с. 18—20).

предложения имеют выраженные языковыми средствами признаки своей смысловой и формальной зависимости от предыдущих предложений.

В наибольшей мере явление «сверхфразового единства» как единицы речи — устной или письменной — изучалось в советском языкознании. Принципиальное начало этих исследований, основанных на понимании особенностей построения живой речи в любом ее проявлении, положено корифеями русской лингвистики, среди которых почетное место занимают А. Н. Пешковский и позднее Л. В. Щерба.

Из наших современников структурные особенности живой речи и текста привлекали внимание прежде всего академика В. В. Виноградова и профессора Н. С. Поспелова. Так, В. В. Виноградов писал о том, насколько существенно для понимания развития синтаксиса изучение структуры речевых единиц, периодов и абзацев. Изучение этих явлений и есть изучение речи, в отличие от системы языка, дающей модели для речевых построений. Автор считал, что изучение литературного русского языка, а следовательно, и литературного текста, должно включать элементы стилистики, т. е. объяснять все возможные варианты построений и соединений типовых моделей предложений в речи, что непосредственно зависит от целевой (коммуникативной) установки говорящего, от его собственного отношения к содержанию его речи, от отношения к ней слушателя, наконец, от объема ее содержания и возможностей его речевого членения, от возможности помещения сообщения в определенные рамки предложения или серии предложений.

В. В. Виноградов придерживался того мнения,¹⁰ что в экспрессивном синтаксисе литературного языка заслуживает особого внимания синтаксический строй сложных речевых единиц, которые он отождествлял с «высказыванием», строй, включающий множество синтаксических вариаций, передающих разнообразные экспрессивные оттенки в рамках сверхфразового единства.

Большое значение изучению речевых единиц, противопоставляемых языковым единицам — предложениям, придавал Н. С. Поспелов, выдающийся советский лингвист, в основном работавший на материале русского языка. Он считает, что исходной величиной при изучении синтаксического строя речи не может быть предложение, ибо в связном тексте оно лишено самостоятельности, выступает лишь в связи с другими предложениями. Относительной независимостью в контексте обладает серия связанных между собой предложений, служащих для выражения сложной законченной мысли.¹¹ Разумеется, законченность мысли

¹⁰ Виноградов В. В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII—XIX вв. — Изв. АН СССР, 1946, т. V, вып. III.

¹¹ Поспелов Н. С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке. — Учен. зап. МГУ. Вып. 137. Труды каф. русского языка, кн. 2, 1948.

в пределах сверхфразового единства следует понимать как условное выражение. Сверхфразовое единство, как и предложение, связано семантически с предыдущим и с последующим текстом, но отличается от одного предложения тем, что, располагая серией предложений неограниченной длины, оно может полнее выразить мысль в доступных быстрому схватыванию слушателем (читателем) структурах, без непомерного увеличения длины предложений, без усложнения периодов, без умножения числа придаточных, сочиненных и вводных предложений, что утяжелило бы стиль и затруднило бы понимание содержания сообщения (коммуникации).

У академика В. В. Виноградова и у профессора Н. С. Поспелова в их отношении к изучению синтаксиса речи, и в частности основной единицы ее — сверхфразового единства, оказалось довольно много последователей среди молодых советских лингвистов. Они исследовали природу сверхфразового единства главным образом на материале русского, а также английского, французского и немецкого языков.¹²

Что касается французского и других романских языков, то, насколько мне известно, специальных работ на тему о структурах речи и текста, в частности о сверхфразовом единстве, в зарубежной лингвистической литературе нет. Таково же впечатление ныне покойного Марселя Коэна, упомянувшего в одной из своих последних работ,¹³ что, к сожалению, особенности современных синтаксических построений, встречающихся в тексте буквально на каждом шагу, изучены совершенно недостаточно, что имеющиеся о них сведения разрозненны и неполны.

Известны статья М. Кресо (автора специального исследования по вопросам стилистики современного французского языка) о межфразовых связях в романе Флобера «Саламбо»¹⁴ и исследование видного французского ученого Ж. Антуана на ту же тему, произведенное с позиций стилистики на материале произведений А. Жюльена.¹⁵

Эти работы, однако, не исчерпывают всей проблематики речевого синтаксиса, оставляя не только нерешенными, но даже незатронутыми множество вопросов о возможности выделения речевых синтаксических единиц, противопоставив их языковым единицам (слову, словосочетанию, предложению), о возможности определения свойственной этим единицам структуры или структур, о механизмах построения речевых единиц, наконец, об их положении в потоке речи (или текста) и об их взаимоотношениях.

¹² Не буду приводить здесь списка имен и работ (в основном статей по диссертациям) на данную тему, появившихся на страницах советской лингвистической литературы. Подавляющая часть этих работ, несомненно, заслуживает внимания, и перечень ее можно найти в специальных изданиях.

¹³ *Cohen M.* Encore des regards sur la langue française. Paris, 1966, p. 228 et sq.

¹⁴ *Cressot M.* — Le français moderne, 1941, N 2.

¹⁵ *Antoine G.* Le rôle impressif de la liaison de phrases chez André Gide. — *Studia Romanica. Gedenkschrift für Eugen Lerch.* Stuttgart, 1955.

До сих пор из вопросов структуры текста больше всего занимались изучением внутреннего структурирования СФЕ. Но как серия предложений объединяется в СФЕ, так и СФЕ объединяются в тематические отрезки текста, из которых он состоит. И так же, как при линейной формальной структуре предложения, отношения между его членами нелинейны, отношения между предложениями внутри СФЕ и между самими СФЕ нелинейны и могут представлять собой весьма сложные переплетения. Особенно в диалогической речи. Тем более что уже сама структура текста, особенно художественного произведения, состоит из сложного сочетания основной тематической линии, побочных линий и множества отдельных вкраплений, лежащих далеко на периферии текста. И если единицей текста оказывается СФЕ, то надо выяснить не только как одна единица отграничивается от другой в тексте, но и как они объединяются в нем в более крупные тематические отрезки, и как эти отрезки текста создают в конце концов весь его объем. Через изучение структуры текста, быть может, можно выяснить скрытый механизм передачи сложных построений мысли, приблизиться к выяснению кардинальной проблемы языкознания — отношения языка и мышления.

Но этого рода конкретных исследований пока еще мало. В основном пока работы делятся на такие, которые ставят общие вопросы, содержат общие рассуждения о природе текста, о необходимости и методах ее изучения, и на работы, изучающие единицу текста, точнее, внутреннюю структуру сверхфразового единства. Остальные вопросы лингвистики текста, видимо, еще ждут своих исследователей.

А вопросов этих множество. Помимо определения структурной единицы текста и изучения ее разнообразных типов, несомненно интересен вопрос употребления в связном тексте глагольных форм времени и склонения, соотношения грамматического времени повествования и времени автора, соотношение грамматического и коммуникативного членения, особенности размещения членов предложения под воздействием коммуникативного задания, принципы построения диалога и многое другое.

За последнее время, однако, растущий интерес советских лингвистов к проблематике лингвистики текста привел к появлению работ, не только обсуждающих проблемы теории лингвистики текста, но и опирающихся в высказываемых теоретических положениях на собственные конкретные исследования авторов. К таким работам относятся прежде всего книги О. И. Москальской, М. П. Йоницэ и И. Р. Гальперина, Н. А. Слюсаревой.

Вышедшая в 1981 г. в Москве, в издательстве «Высшая школа» книга О. И. Москальской «Грамматика текста» богата убедительно обоснованными выводами из изучения конкретного языкового материала, она знакомит читателя с методическими приемами этого исследования. Книга М. П. Йоницэ «Глоссарий контекстуальных связей» также обильно оснащена примерами, иллюстрирующими языковые приемы связывания элементов текста в некое

единство, благодаря чему теоретические положения, приводимые в работе, оказываются точно обоснованными.

В своей чрезвычайно интересной книге И. Р. Гальперин¹⁶ обращает внимание читателя на то, что всякий отрезок текста обнаруживает единство содержания и структуры, выраженные смыслом, грамматическими и лексическими средствами. Таким образом, всякое сообщение более или менее законченного содержания, начиная со сверхфразового единства и кончая текстом в целом, может быть подвергнуто лингвистическому изучению в двух планах: в плане содержания, т. е. коммуникативного членения (с чем непосредственно соприкасаются вопросы композиции, жанрового стиля, особенности авторской манеры изложения и т. п.), и в плане формального — лексико-грамматического построения.

В первой части предлагаемой работы исследуются языковые способы объединения предложений в более крупные комплексы, передающие высказывания, которые превосходят своим объемом возможные объемы предложений, не только простых, но и сложных. Способы эти разнообразны, они используют как грамматические средства, так и лексику. Такие сложные комплексы, отвечающие законченным высказываниям, которые в свою очередь отражают движение человеческой мысли, имеют, следовательно, языковое выражение и носят название сверхфразовых единств, ибо состоят, как правило, из целой серии предложений.

Они-то и образуют языковую ткань текста, который строится вокруг некой единой сюжетной линии. Однако основная сюжетная линия текста может сочетаться с вторичными, побочными линиями. Каждая из этих линий строится из последовательно ее образующих сверхфразовых единств. Но как конструктивные компоненты содержания могут следовать в линейном порядке или переплетаться между собой, так и сверхфразовые единства, их образующие, могут как следовать линейно, передавая тем самым существующие между ними непосредственные смысловые и формально-языковые связи, так и переплетаться между собой. Наконец, одно высказывание, оформленное одним сверхфразовым единством, может оказаться прерванным другим высказыванием, как бы вторгающимся в первое и имеющим свою особую языковую структуру. Таким образом, перед исследователем языкового формирования текста встает вопрос не только структуры образующих текст сверхфразовых единств, но и отношения между ними и способы их языкового разграничения и связывания в единое целое.

Вторая часть исследования посвящена рассмотрению употребления некоторых грамматических форм французского языка в тексте, употребления, которое всегда зависит от понятийного, системного значения этих грамматических форм, которые, однако,

¹⁶ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования, М., 1981, с. 403 и мн. др.

в тексте, в сочетании со значением лексических единиц, облекаемых в эти формы, могут получать целый ряд значений (а отсюда и употреблений), подчас широко расходящихся друг от друга, образуя некий «функциональный веер», и удаляющихся от своего системного значения. Однако следует отметить, что как бы разнообразны ни были эти результативные, контекстные значения грамматической формы, они всегда покрываются единым, наиболее абстрактным понятийным значением, которое является ее системным языковым значением и определяется позицией формы в соответствующей подсистеме языка.

В этой же второй части книги рассматривается употребление некоторых глагольных форм в текстах повествовательного характера, употребление, которое находится в известном противоречии с общепринятой точкой зрения на то, что единственно правильной формой повествования во французском языке является претерит. Разумеется, претерит сохраняется в книжной литературной речи как основная форма повествовательного стиля, но оказывается далеко не единственным в этой функции. Определенные типы ситуаций, которые рассматриваются в работе, приводят авторов к употреблению в повествовании также и некоторых других временных форм глагола.

Особый интерес для изучения лингвистического построения текста представляет порядок следования членов французского предложения, который хотя и замыкается рамками предложения, но определяется в тексте не собственно грамматической его структурой, а факторами, возникающими лишь при порождении текста, строящегося в конечном счете из сверхфразовых единств. Этими факторами являются: 1) построение сверхфразовых единств, т. е. связывание составляющих его компонентов, каковыми служат предложения, 2) требования коммуникативного членения, отвечающего стремлению автора (говорящего субъекта) выдвинуть на первый план (не на первое место в предложении) самое важное в сообщении, его рему, при необходимости, однако, довести до слушателя (читателя) и его тему, 3) соблюдение ритмико-мелодического рисунка предложения и, наконец, 4) необходимость соблюдать, в известной мере, традиционную грамматическую норму.

Подводя итог намерениям автора, предпринявшего написание данной книги, можно сказать, что в первую ее часть помещены факты, свидетельствующие о том, что дает современная грамматика для выяснения объекта лингвистики текста, а во второй части рассматриваются факты, которые сообщаются грамматике лингвистическими исследованиями текста.

Языковым материалом для данного исследования послужили литературные произведения, в основном романы и новеллы, французских писателей различных литературных направлений за период от 30-х гг. XX в. до нашего времени. В отдельных случаях брались примеры из произведений более ранних, иногда даже девятнадцатого века,

СТРУКТУРА СВЕРХФРАЗОВОГО ЕДИНСТВА

ПРИСОЕДИНЕНИЕ

Присоединительные конструкции представляют собой форму компонентов сложной единицы речи — сверхфразового единства.

Логическое обоснование этой структуры заключается в изображении течения речи, отражающей постепенное формирование мысли или корректирование мысли-сообщения. В основной части высказывания в форме полного формально законченного предложения помещается основное сообщение. Когда оно уже оформлено, в сознании говорящего могут возникнуть добавления в виде пояснения или обобщения только что сказанного, в виде его оценки или выражения отношения к нему самого говорящего, в виде уточнения, детализации и т. п.

Еще в 1928 г. Л. В. Щерба писал в статье «О частях речи в русском языке»: ¹ «... союзы могут употребляться в функции, когда они не соединяют те или другие элементы в одно целое, а лишь присоединяют их к предшествующему. Тогда как в случае соединения оба члена присутствуют в сознании, хотя бы в смутном виде, уже при самом начале высказывания, в случае присоединения второй элемент появляется в сознании лишь после первого или во время его высказывания».

Однако настоящее детальное изучение присоединительных конструкций пришло позднее, в связи с изучением «сложного синтаксического целого» или «сверхфразового единства», одним из средств оформления которого являются присоединительные конструкции.

Сложные единства с присоединительной связью — прежде всего принадлежность живой разговорной речи, непринужденной, неторопливой, в которой говорящий постепенно добавляет к основному высказыванию какие-то детали, какие-то пояснения и уточнения. Предложение обрастает элементами, не вошедшими в его первоначальную структуру, а присоединяемыми к нему по мере поступательного движения мысли. Линейный характер речи определяет единственную возможность расположения таких

¹ Русская речь. Изд. 2-е, Л., 1928, с. 23.

дополнительных добавлений и пояснений: помещение их после законченного предложения, т. е. расположение их после точки.

Еще в 1950 г. в сборнике «Вопросы синтаксиса современного русского языка» С. Е. Крючков (статья «О присоединительных связях в современном русском языке»), определяя присоединительные связи в их отличии от подчинительных и сочинительных, очень хорошо говорил о том, что «при присоединении второй элемент возникает в сознании как бы в самом процессе высказывания дополнительно; при этом очень часто бывает пропуск некоторых промежуточных звеньев; присоединение обычно сопровождается той или иной экспрессией; значения присоединительных связей вскрываются в широком контексте. Присоединение представляет собой как бы добавочное суждение».

Присоединенные конструкции передают целую гамму значений, начиная от аффективно и логически нейтрального добавления, не подчеркивающего никакого особо выразительного оттенка значения, связывающего его с предыдущим высказыванием, и до яркого, эмоционально подчеркнутого добавления.

Хорошо формулирует свою мысль Ж. А. Винтман, когда она пишет, что «всякий присоединенный член предложения оказывается выделенным, подчеркнутым в силу того, что формально он представлен как отдельное сообщение».²

Присоединительные конструкции наиболее изучены в русском языке, почему они вошли и в учебники русской грамматики. Несмотря на то что такие структуры свойственны и другим европейским языкам, они, как правило, не фигурируют в учебных пособиях по этим языкам, так как, очевидно, еще недостаточно изучены. В последнее время в учебных пособиях по французскому языку, составленных советскими романистами, присоединительные конструкции стали описывать наряду с другими способами оформления сверхфразовых единств.³

Для французского языка эти конструкции очень характерны. Но они находятся скорее в сфере интересов стилистов, рассматривающих их как особую черту литературного направления, распространившегося по всей Западной Европе в «период между двумя мировыми войнами» (1918—1939) и имевшего огромное влияние на развитие литературных языков этого времени.

Французские писатели эпохи «между двумя войнами», провозгласившие принцип «письма под диктовку мысли» с целью передачи ее постепенного продвижения, ввели употребление присоединительных конструкций в качестве стилистического приема. Сейчас присоединительные конструкции уже не стилистический прием какого-то литературного направления, они превратились в особенность синтаксиса литературного француз-

² Боевц И. А., Винтман Ж. А. Присоединительные конструкции в современном французском языке. Л., 1971, с. 13.

³ См.: Andrievskaia A. Syntaxe du français moderne. Киев, 1973.

ского языка и появляются под пером писателей любого литературного направления.

Однако при общей распространенности приема «присоединения» он используется далеко не всеми писателями в равной мере. Это свидетельствует о том, что еще ощущается его стилистическая природа.

Есть авторы, которые совсем или почти совсем не применяют присоединительных конструкций, а если и применяют, то главным образом союзные присоединительные конструкции (Ануй, Плинье, Моруа, Куртад, Эме, Саган, Гари, Бернанос, Дрюон и мн. др.). И наоборот, некоторые прибегают к ним довольно часто, что делает их стиль особенно живым и выразительным, приближая их язык к живой речи; это такие современные писатели, как Лану, Мерль, Арагон, Сименон, Карко, Кл. Мориак, Кено, Жиано, Дюра, Кюртис, Сент-Экзюпери и др.

Как и всякое приближение к живой разговорной речи, эти конструкции значительно оживляют литературный язык, делают изложение более выразительным, непринужденным, словом, сближают книжную речь с живой речью, как бы заставляют ее звучать. К этому надо прибавить еще интонацию, которая не звучит в письменной речи, но находит свое выражение в знаках препинания. Присоединительные конструкции следуют за точкой, которая обозначает более или менее значительную паузу и предполагает интонацию полной завершенности, за которой, однако необычным образом следуют отдельные члены предложения или целые предложения, начинающиеся с союзов.

Присоединительные конструкции можно разделить на два больших класса: 1) те, которые имеют форму отдельных членов предложения, и 2) те, которые начинаются с союзов и имеют вид полных сочиненных или подчиненных предложений; и те, и другие присоединяются после точки, формально закончившей высказывание.

Присоединительные конструкции, строящиеся по модели члена предложения. Этого рода присоединительные конструкции могут строиться по типу любого члена предложения: номинального (прямое или косвенное дополнение, определение, именная часть сказуемого, приложение), адвербиального (обстоятельства любого типа), вербального (сказуемое).⁴

Ж. А. Винтман предлагает разделять подобного рода присоединительные конструкции в зависимости от структурной модели присоединяемого компонента и характера его отношения к основ-

⁴ Присоединительным конструкциям, строящимся по модели члена предложения в современном французском языке, посвящена кандидатская диссертация преподавателя Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена Ж. А. Винтман, защищенная в 1970 г. В данной главе в значительной мере используется материал ее диссертации, опубликованный в виде лекции по спецкурсу теоретической грамматики французского языка (Боевец И. А., Винтман Ж. А. Указ. соч.).

ному предложению на присоединяемые параллельно и последовательно.

При параллельном присоединении присоединенный компонент повторяет морфологическую форму одного из членов предложения, с которым он и находится в отношении непосредственной соотнесенности.

Под последовательным присоединением автор предлагает понимать присоединение элементов, имеющих форму членов предложения, отсутствующих в основном предложении. Они не «укрепляют» структуру основного предложения, повторяя формальные элементы, которые имелись бы в нем, а «расширяют» ее, добавляя синтаксические элементы, в нем отсутствующие.

В соответствии со сказанным присоединенные компоненты номинального характера делятся на присоединенные параллельно и последовательно. Первые можно разбить на 1) конструкции с повторяющейся лексикой и 2) конструкции, не включающие лексических повторов.

Лексические повторы в присоединительных конструкциях. Простой лексический повтор в присоединительной конструкции преследует своей целью служить средством усиления, настойчивого повторения, но без внесения каких-либо содержательных добавлений, т. е. функция такого повтора чисто экспрессивна:

Il est assis à son bureau, penché sur des *papiers*. Des *papiers*! Toujours des *papiers*! La vie c'est donc seulement des *papiers*? (Cesbron)

Mais il n'y avait *aucune* raison de s'affoler. *Aucune*. (Gary)

В тех случаях, когда лексический повтор является «развернутым», существительное в присоединительной конструкции сопровождается определением или детерминативом, обогащающим его содержание.

Ж. А. Винтман объясняет появление такого рода построений тем, что отсутствие определения при существительном соответствует начальному, обобщенному восприятию предмета, что может быть подчеркнуто употреблением в основном предложении определенного артикля в генерализирующей функции:

Le temps ne bougeait pas. Un temps absolument immobile. (Téry)

Индивидуализирующая характеристика появляется позже, по мере уточнения представления о предмете. В приведенном примере она выражена индивидуализирующим артиклем *un* и определением при существительном. Тот факт, что уточняющая характеристика появляется не сразу — что, впрочем, могло бы быть вполне возможным, — а в виде дополнительного (присоединенного) сообщения, объясняется не грамматически, а психологически: говорящий обозначает сперва предмет речи в самом общем виде, а затем, после некоторого, хотя, быть может, и очень краткого раздумья, добавляет некоторые детализирующие признаки, характеризующие и индивидуализирующие предмет, но

все это уже в виде присоединительной конструкции, так как основная, первая фраза грамматически закончена. При этом естественным образом появляется неопределенный артикль, выполняющий функцию индивидуализации:

La nuit descend sur le Palais. Une longue nuit noire. (Triolet)

Присоединительная конструкция входит в рему основного предложения в качестве ее дополнительного компонента.

В обоих случаях возможно употребление определенного артикля, но в разных свойственных ему функциях:

Mais l'actualité tient aussi une place dans ses dessins. Et l'actualité c'est la guerre du Transvaal, le président Kruger, l'insaisissable Dewet, et les défaitistes du général Robert. L'actualité des combinaisons politiques de son temps. (Vaillant-Couturier)

В первом предложении существительное *actualité* употреблено в самом общем значении. Затем начинается его уточнение, его конкретизация, завершающаяся в присоединительной конструкции, где оно сопровождается определенным артиклем, но уже в его индивидуализирующей функции.

Au cours d'un long virage en demi-cercle, Juliette vit mieux le profil de son mari. . . et la main gantée de cuir noir, posée sur le volant, près d'elle. La main droite. Et l'autre main, plus bas, nue. La main droite toujours gantée, la gauche toujours nue. (Lapoux)

Впрочем, индивидуализация предмета, названного существительным в присоединительной конструкции, может осуществляться и без участия артикля. Но в этом случае обязательно присутствие определения, которое и служит уточнению и конкретизации:

On sent chez lui une pauvreté incurable. Pauvreté matérielle, car il est mal payé. Pauvreté intellectuelle, qui ne lui a pas permis d'arriver plus haut. (Vaillant-Couturier)

Tout à coup une absurde image me vient. Celle des horloges en panne. De toutes les horloges en panne. Horloges des églises de village. Horloges des gares. Pendules de cheminées des maisons vides. (Saint-Exupéry)

Присоединительные конструкции без лексических повторов. Относящиеся к этой рубрике присоединительные конструкции могут выполнять ту же роль характеристики или оценки, пояснения и уточнения по отношению к какому-либо существительному, находящемуся в основном предложении, оказываясь в роли приложения к этому существительному:

Le ministre de l'industrie n'est pas venu. Le salaud. (Aymé)

En fait, qui est-ce qui s'occupait de l'édition du Tarnet-Garonne? Le petit Benoît Vallier, bien sûr. Un rédacteur débutant mais qui promettait. (Gamarra)

В подобных случаях присоединительная конструкция содержит дополнительную характеристику персонажа, названного

в основном предложении. Она возникает в сознании говорящего после завершения высказывания, послана ему «вдогонку».

Присоединительная конструкция-приложение может находиться в дистантном положении по отношению к своему существительному:

Il y avait un désaccord, un seul, entre *Isabelle* et son père. *Sa fille aînée*, celle qui tenait le plus de son côté à lui, mais un peu comme sa conscience. (Téry)

Присоединительные конструкции данного типа служат для раскрытия подлинного смысла существительного общего значения, имеющегося в основном предложении:

Nous devons être dix, mais M. Osborne a téléphoné qu'il avait *un empêchement*. *Une réunion* pour son nouveau film. (Cl. Mauriac)

C'est exactement *l'urgence* qui m'a empêché de l'attendre tout à l'heure. *Un suicide manqué*. Il nous est arrivé cette nuit. (Lanoux)

Vous savez peut-être qu'à une certaine époque, Tristan Bernard eut *un théâtre* à lui, dans je ne sais plus quel quartier excentrique. *Une salle* où il ne venait personne et qui, si je me souviens bien, portait son nom. (Cl. Mauriac)

Подобные присоединительные конструкции могут приобретать большое стилистическое звучание, если они содержат уточнение образного характера:

Nous sommes *l'arrière-garde*; et non seulement une arrière-garde, mais une arrière-garde un peu isolée, quelquefois presque abandonnée. *Une troupe en l'air*. (Saint-Exupéry)

Эстетическое воздействие, оказываемое подобными присоединительными конструкциями на читателя, основано на том, что они содержат яркие метафоры, художественные образы.

Присоединительные конструкции детализирующего характера часто содержат перечисления:

A mon tour, à la dérobée, je regardai *ces jeunes filles*. *Leur finesse, leur rire*, silencieux, derrière le paisible visage. (Saint-Exupéry)

Elle l'avait nourri, veillé et caressé, non pour elle même, mais *pour cette nuit* qui allait le prendre. *Pour des luttes, pour des angoisses, pour des victoires* dont elle ne connaîtrait rien. (Saint-Exupéry)

Часть перечислительного ряда может находиться в основном предложении. Но добавление после точки слова в той же форме свидетельствует о стремлении говорящего подчеркнуть, сделать особый акцент на данном члене предложения, усилить производимое им на слушателя (или на читателя) впечатление, обогатить содержание высказывания:

Elle avait *un camarade, un ami, un père*. *Un témoin*. (Téry)
«La Belle Etoile» est un lieu *fabuleux*, dit Aygesparse. *Exactement fabuleux. Mythique. Mental. Imaginaire*. (Lanoux)

Vous êtes *un sadique*. *Une espèce de monstre*. *Un assassin*. (Téry)
Purcell fit de nouveau face à la palissade. Il ne distinguait *rien*, *Pas un visage. Pas une silhouette*. (Merle)

Такие присоединительные конструкции создают постепенное нарастание впечатления от характеристики, данной первым характеризующим членом, находящимся в основном предложении (будь то существительное-приложение или прилагательное). В этом кроется секрет стилистического эффекта подобных структур, основанный на ступенчатости расположения ряда слов эмоционального содержания, идущих по восходящей за пределами первого предложения, в котором дана основная характеристика.

Присоединение таких характеристик в виде ряда последовательных добавлений типично для случаев, когда предметом речи оказываются ощущения, глубоко волнующие говорящего, который стремится передать их слушателю. В этом состоит психологическая мотивированность присоединения.

В самом тексте, в самом содержании присоединительной конструкции может быть подчеркнуто, что добавляемое возникает в сознании говорящего лишь постепенно по мере приближения к концу фразы, или даже после ее завершения, так что включение его в законченную фразовую структуру уже невозможно и ничего не остается, как поместить его после точки, что можно сделать в виде отдельного самостоятельного предложения или присоединительной конструкции:

La neige dansait toujours. Une masse brune dérivait lentement sur sa droite. Une gare sans doute. Oui, une gare. (Lanoux)

Перед путником постепенно возникает здание вокзала. Но сперва он видит его недостаточно отчетливо. Пока это еще какая-то бесформенная масса. Подтверждение приходит позже, и оформлено оно в виде присоединительной конструкции.

Рассмотренные выше типы присоединительных конструкций Ж. А. Винтман называет конструкциями «параллельного подключения». Это такие конструкции, которые имеют форму членов предложения, имеющих в основном предложении. Присоединительными конструкциями «последовательного подключения» являются такие конструкции, которые содержат присоединенные элементы в виде членов предложения, отсутствующих в основном предложении:

— Non, non, il viendra je vous assure. Ce dont je m'étonnais c'était de cette facilité que le temps met à passer. Mais je sais qu'il viendra.

Elle se retourna vers la vallée, puis de nouveau vers M. Andemas.

— *Surtout l'été, surtout en juin, ajoute-t-elle.* (Duras)
Сам автор подчеркивает словами *ajoute-t-elle*, что обстоятельства *surtout l'été, surtout en juin* служат добавлением, уточнением к сказанному ранее.

L'assassin sifflota. *Un très vieil air, un air qui venait de très loin du passé, du fond des souvenirs.* (Gamarra)

Cette fois elle ne s'est pas contentée, pauvre Gigi, de ponctuer le silence de ses méditations par des soupirs rauques et longs, tendres et tristes. Elle a parlé. *De la mort.* (Cl. Mauriac)

— Le passé, soupira-t-il. J'ai peur du passé. . . C'est la seule chose qu'on ne puisse pas nous prendre. Dieu lui-même n'y peut plus rien! Il peut me tuer. Mais il ne peut pas m'empêcher d'avoir été! *D'avoir été ici. Avec Jacques. Et les copains.* (Lanoux)

В тех случаях, когда в положении присоединительной конструкции оказывается дополнение, которое относится непосредственно к глаголу основного предложения, отсутствие его в этом предложении, а затем появление в виде добавления после точки вызывает особое напряженное «ожидание». В. Г. Адмони называет его «грамматическим ожиданием». Затем наступает разрядка напряжения, вызванная разрешением ожидания посредством присоединительной конструкции, в которой и находится дополнение.

Присоединительные конструкции последовательного подключения, содержащие прямое или косвенное дополнение, — явление относительно редкое, но тем сильнее производимый ими стилистический эффект, основанный на разрыве привычных связей (глагол—дополнение) при появлении дополнений после точки в присоединительной конструкции. Между основным предложением и присоединительной конструкцией в этих случаях возникает двусторонняя грамматическая связь: не только конструкция грамматически зависит от основного предложения, повторяя форму одного из ее членов или имея форму, которая была бы свойственна отсутствующему в основном предложении члену, но и основное предложение, содержащее глагол, который привычно связывается с дополнением, без этого дополнения являло бы грамматически незавершенную структуру. «Завершение» структуры глагола осуществляется присоединительной конструкцией, появление которой обусловлено характером глагола, предполагающего наличие дополнения, пусть после паузы, обозначенной точкой, пусть в виде присоединительной конструкции.

Очень употребительны присоединительные конструкции, имеющие значение обстоятельства, как выраженного наречиями, так и сложными наречными словосочетаниями.

Enfin une voyante lui assura qu'il retrouverait son ami *au Canada. Plus précisément à Montréal.* (Cl. Mauriac)

Bernard Kalma a envie de chanter. . . . C'est *pour cette nuit. Plus exactement, pour tout à l'heure* (Laffitte).

C'est environ *ce temps-là* que Maudru eut sa fille. *Un peu plus tard, peut-être un an.* (Giono)

Возможно и последовательное присоединение обстоятельства, т. е. такое построение, в котором основное предложение совсем не содержит обстоятельства, добавляемого лишь после точки в виде присоединительной конструкции:

Nous avons vu Valérie pendant qu'elle retraversait la place toute entière. *Lentement. Prenant son temps. Prenant le temps des autres.* (Duras)

Quelqu'un était entré dans l'antichambre. . . C'était le professeur. . . En tournant la tête, il m'aperçu et a froncé les sourcils. *Légerement.* (Simenon)

... Maillat regardait la morte. Il pensa tout d'un coup qu'un jour il serait semblable à elle, inerte, les yeux fixes, une chose qu'on mettrait dans une boîte, et qui irait pourrir sous terre. *Un jour. Peut-être demain. Peut-être dans les quelques mois. Peut-être dans vingt ans.* Mais ce jour-là arriverait sûrement. Tout dans la vie était imprévisible, sauf cela. Sa propre mort, c'était un événement sur lequel il pouvait compter. (Merle)

Сказуемое реже других членов предложения оказывается повторным или поясненным в присоединительной конструкции. Может быть, это объясняется тем, что оно чаще других членов предложения бывает ремой, а следовательно, выражает цель высказывания, которая, как кажется, должна быть совершенно ясна говорящему уже тогда, когда он только еще начинает фразу. Во всяком случае присоединительная конструкция, содержащая сказуемое, как правило, подключается параллельно:

... Il faut comprendre que l'homme est contradictoire. Beaucoup plus souvent qu'il ne voudrait, que... que... que ses contradictions l'écrasent. *Sont trop lourdes, voilà tout. Sisyphe.* (Lanoux)

Что присоединительные конструкции не представляют собой части независимого предложения, намеренно оторванной от него и помещенной после паузы, обозначенной точкой, как считают исследователи, называющие «присоединение» «парцелляцией», а является пришедшим на ум говорящему позже (или в процессе говорения) дополнением к уже сказанному в грамматически законченном основном предложении, подтверждается тем, что точку между основным предложением и присоединительной конструкцией далеко не всегда возможно заменить запятой, как бы «восстанавливая» таким образом целостность разорванного предложения. Дело в том, что присоединенный компонент может относиться не к непосредственно предшествующим ему словам основного предложения, и даже не к самому этому предложению, а к тому, что было сказано еще раньше:

Et il ne boit pas quand il est ici. Pourtant, il y a du vin et du whisky. *Toujours. A sa portée. Pas une goutte.* Ça ne l'intéresse pas. (Lanoux)

Присоединенный после второго предложения компонент Pas une goutte относится к сказуемому первого предложения: il ne boit pas.

Ce regard coupait bras et jambes à Jacquot. Il ne savait pas si elle était belle. *Sa bouche ressemblait à la bouche de telle ou telle vedette.* Il ne voyait plus très bien laquelle. *En plus grand ou en plus petit.* On ne se rend pas très bien compte sur les journaux. *Une bouche large et mobile, des lèvres épaisses.* (Chabrol)

Присоединенный компонент En plus grand ou en plus petit относится к предложению Sa bouche ressemblait à la bouche de telle ou telle vedette, т. е. находится в дистантном положении.

В этих условиях совершенно очевидно, что заменять точки запятыми, объединяя таким образом в одно предложение основное предложение и присоединенный компонент, невозможно. Этого

не допускали бы ни грамматическая структура, ни смысл предложения:

La cloche tinta dans la boutique. C'était Juliette. Elle devina qu'il s'était passé quelque chose de grave entre les deux hommes, mais elle se garda bien de poser une question. Ses yeux gris souriaient enfin. Elle bavardait. Elle aimait Bruges. Ils reviendraient, pour un prochain voyage. Longtemps. Tous les deux. Au moins quatre jours, ce qui était très longtemps. (Lanoux)

A ma droite, la blonde et jolie et célèbre Marie-Ange, avec coiffés en bandeaux, ses cheveux cendrés. Avec ses immenses yeux dorés. Intimidante. (Cl. Mauriac)

— *Vous avez simplement choisi cette vie parce que cette attitude vous plaît. Par peur de la vie. Par lâcheté.* (Lanoux)

Большинство исследователей, занимавшихся присоединительными конструкциями, согласны с тем, что корни их следует искать в устной спонтанной речи, что они представляют собой некие добавления, пояснения и уточнения к уже сказанному. Как бы услышав сказанную им самим фразу, говорящий замечает, что что-то им упущено, что именно это упущенное должно было бы дойти до слушателя, ибо оно существенно, и посылает это «упущенное» вдогонку сказанному. Будучи в положении отдельной единицы, оказавшись как бы отдельным самостоятельным высказыванием-компонентом сверхфразового единства, присоединительная конструкция получает особый вес, ее содержание несет особо сильное ударение.

Я не думаю, чтобы следовало соглашаться с некоторыми исследователями,⁵ которые различают и разделяют присоединительные конструкции в литературной книжной и литературной живой речи. Разумеется, литературная речь в виде текста — это не спонтанная живая речь, но она является письменным изображением живой речи со всеми ее особенностями, в частности с возможностью подчеркивания тех деталей, тех характеристик, оценок и дополнительных сообщений, которые оформляются в виде присоединительных конструкций.

Равным образом представляется неубедительной теория «парцелляции», согласно которой задуманное первоначально целое предложение, еще не будучи облеченным в слова, разделяется на отдельные отрезки, часть которых помещается после точки, по частичном окончании высказывания. Сторонники этой теории правы, когда они говорят о «несовпадении границ формальных единиц языка и интонационно-семантических единиц речи»,⁶ но трудно с ними согласиться в том, чтобы говорящий, в непонятных целях, отрывал часть готового предложения и помещал ее затем в виде отдельного добавления после точки, хотя содержание

⁵ Например: Хатиашвили Л. Г. Присоединительные связи в русском языке. Тбилиси, 1963.

⁶ Вашиков Ю. В. Синтаксические особенности русской речи. (Явление парцелляции). М., 1969.

этой добавочной части высказывания уже заранее было задумано и могло бы отлично войти в структуру основного предложения.

Я также не думаю, что стоило бы говорить о коммуникативной автономности присоединительной конструкции, которая всегда рематична. Она формально автономна, так как помещается после точки, заключающей предложение, к которому она относится. Но семантически и коммуникативно присоединительная конструкция всегда не только теснейшим образом связана с предложением, за которым она следует, но и невозможна без него. Она всегда синсемантична. Она представляет собой добавление к сказанному и без этого «сказанного» не имела бы ни формальной опоры, ни смысла в потоке речи. Это действительно как для присоединительных конструкций, имеющих форму отдельных членов предложения, так и для тех, которые начинаются с союзов, т. е. имеют форму подчиненных или сочиненных предложений.

Присоединение посредством союзов.⁷ Разновидностью присоединительных конструкций, более распространенной, нежели присоединение в виде отдельных членов предложения, является такая синтаксическая структура, в которой стоящий после точки компонент начинается с союза. Этот тип присоединения, хотя и встречается весьма часто, долгое время не привлекал к себе особого внимания. Исследователи не замечали принципиальной разницы между предложениями, вводимыми союзами после запятой и составляющими часть сложного предложения, и предложениями, начинающимися как будто с тех же самых союзов, но стоящими после точки. Не замечали, что логико-семантические связи основного предложения и присоединительной конструкции таковы, что союзу, начинающему последнюю, может оказываться свойственно совсем другое значение, чем то, которым он располагает, связывая части сложносочиненного или сложноподчиненного предложения. Несомненно, что хотя внешне, а иногда и по существу компоненты, присоединенные союзами, близки к сочинению и подчинению, сочетание основного предложения, законченного точкой, со следующей за ним после точки, а следовательно, после более или менее длительной паузы, присоединенной конструкцией не идентично сложному предложению, имеет свои особенности, позволяющие считать, что в этом случае мы имеем дело с совершенно особой речевой структурой. Характерно, например, что в устной речи интонация основного предложения совпадает с интонацией отдельного законченного предложения и тем отличается от интонации главного предложения, за которым следует придаточное. Как известно, в некоторых условиях два сочиненных предложения могут меняться местами, тогда как

⁷ Этот тип присоединительных конструкций изучен для французского языка в кандидатской диссертации доцента Института им. А. И. Герцена И. А. Боевец, защищенной в 1970 г. В данном разделе частично использован, с разрешения автора, материал ее диссертации, а также изданной ею по курсу теоретической грамматики французского языка, совместно с Ж. А. Винтман, лекции. (Боевец И. А., Винтман Ж. А. Указ. соч.).

присоединенная конструкция, начинающаяся, казалось бы, с такого же союза, имеет строго фиксированное место — позади основного предложения, после закончившей его точки. Особенностью «союзных» присоединительных конструкций является то, что между компонентами образованного с их участием сверхфразового единства возникают различные семантические отношения, невозможные подчас в рамках сложного предложения. Наличие же между компонентами точки создает совершенно особый стилистический эффект, вытекающий из «ожидания» присоединенного компонента, отделенного значительной паузой от основного предложения.

Как и присоединение в виде отдельных членов предложения, присоединительные конструкции, вводимые союзами, наиболее изучены на материале русского языка. Первыми заметили особый характер этих конструкций русские филологи начала нашего века. За последние два-три десятка лет появился ряд работ советских исследователей, чаще всего в виде кандидатских диссертаций и статей в периодических изданиях, посвященный этому типу конструкций, изученных на материале русского, немецкого, английского, реже французского языков.⁸

Интересно отметить не совсем понятное равнодушие французских лингвистов к присоединительным конструкциям. Хотя, конечно, о них иногда и говорят, но, насколько я могу судить, они не изучаются так, как того заслуживают. Лишь изредка можно найти в работах французских романистов упоминание о присоединительных конструкциях.⁹ Так, например, М. Коэн писал о том, что все чаще можно встретить синтаксические структуры, введенные после точки подчинительными союзами. Автор справедливо не считает их придаточными предложениями, поскольку, говорит он, они изолированы точкой от предыдущего предложения, которое в противном случае можно было бы рассматривать как главное. М. Коэн считает, что эти структуры представляют собой гораздо более значительное явление, чем это кажется на первый взгляд, так как «оно затрагивает традиционное понятие логической организации фразы».¹⁰

Примерно то же самое можно прочесть у Ж. Дюбуа, который также отмечает частотность присоединительных конструкций и говорит о необходимости их изучения. Оба французских лингвиста считают, что это явление возникло в языке сравнительно недавно и выросло, очевидно, из сочинения и подчинения.

В 1975 г. в одном из датских журналов появилась очень интересная статья Йенса Расмусена, специально посвященная при-

⁸ Не буду приводить здесь подробного перечня этих работ, который можно легко найти в широко известных библиографических списках.

⁹ *Cohen M.* 1) *Grammaire et style*. Paris, 1954; 2) *Nouveaux regards sur la langue française*. Paris, 1963; 3) *Encore des regards sur la langue française*; *Dubois J.* *Le néo-français. Réalité et illusion*. — *La Pensée. Revue du rationalisme moderne*. Nouv. sér., N 96, 1961.

¹⁰ См.: *Боевец И. А., Виттман Ж. А.* Указ. соч., с. 44 и сл.

соединению. В ней автор опирается на работы советских романистов.¹¹

В статье И. А. Фигуровского «От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста»¹² хорошо показана невозможность отождествления сверхфразового единства, включающего союзную присоединительную конструкцию, и сложного предложения: замена точки, отделяющей присоединительную конструкцию от основного предложения, запятой совершенно невозможна, ибо может привести к лишению смысла сочетанию. Да и грамматические отношения между компонентами сложного предложения и сверхфразового единства различны. Связь между главным и придаточным или между двумя сочиненными предложениями более тесная, чем между основным предложением и присоединительной конструкцией, которая может относиться не к непосредственно ей предшествующему, а к более отдаленному отрезку текста.

В сверхфразовом единстве, как правило, компоненты ни в каком случае не могут поменяться местами, как это возможно для некоторых типов сложносочиненных предложений. Например, в сложноподчиненных предложениях с отношением времени, условия и причины такая перестановка возможна. В комплексах, где аналогичные союзы вводят присоединительные конструкции, последние могут помещаться только после точки, заканчивающей основное предложение.

Замена точки запятой с тем, чтобы превратить присоединительную конструкцию в придаточное предложение, часто просто невозможна: она дала бы недопустимые ни семантически, ни грамматически построения. Ср.:

De boire tellement de vin à la fois, d'un seul coup, en si peu de temps, je n'en avais pas l'habitude. Que j'ai vomî. (Duras)

Относительная грамматическая отдельность присоединительной конструкции, которая может содержать в сущности новое дополнительное сообщение, сказывается, например, в том, что, начиная ее с «подчинительного» союза, авторы «забывают» нормативную необходимость употребления после него форм субъектива:

J'aimerais mieux cent fois que tu te marie avec une jeune fille pauvre. *Quoique*, vraiment, ce n'est pas tout à fait ce que j'avais rêvé pour toi. (Цит. по: G. Antoine. *Coordination*. . .)

В конце 40-х гг. нашего века на страницах французского лингвистического журнала «Le français moderne» разгорелась интересная дискуссия на тему о том, что союзы, стоящие в начале предложения, т. е. после точки, имеют иное значение, чем в тех случаях, когда те же союзы стоят после запятой и вводят сочинен-

¹¹ Rasmussen J. La construction adjectivale ou la phrase amputée. — Copenhagen School of Economics and Business Administration Language Department. Publ. 3. Copenhagen, 1975.

¹² В журнале «Русский язык в школе» (1948, № 3).

ные или подчиненные предложения. К сожалению, спор шел лишь о том, считать ли союзы после точки сочинительными или подчинительными. Вопрос об особом явлении «присоединения» с вытекающими из этой структуры сверхфразового единства особенностями спорившими лингвистами не ставился.

Ж. Эйо¹³ утверждал, что, например, союз *quand* «превращается скорей всего в наречие», когда он помещается в начале предложения после точки. Во всяком случае, в этом положении он может полностью утрачивать свойственное ему временное значение. Автор называл это «ослаблением значения союза».

Вряд ли стоит соглашаться с тем, что какой бы то ни было союз имеет собственное значение. Союзы имеют грамматическую природу, и она проявляется в обозначении иногда очень различных отношений, связывающих два или более компонентов простого или сложного предложения. А так как диапазон этих отношений чрезвычайно широк, то и союзы оказываются грамматически многозначными, т. е. способными обозначать различные отношения, и можно говорить о преимущественном использовании того или иного союза для выражения того или иного отношения между компонентами сложного комплекса. Мысль Ж. Эйо можно сформулировать в терминах сверхфразового единства, сказав, что в роли присоединительного союза *quand*, например, выражает совершенно иное отношение между компонентами сверхфразового единства, чем те, которые ему обычно свойственно обозначать, служа в качестве союза, объединяющего два предложения в одно сложное.

Пример, приводимый в работе Ж. Эйо: *Il a dû se battre contre un sanglier. . . , aperçut même un bicorné. Quand un matin, il arriva enfin au pied d'une très vieille montagne.*

Разумеется, тут нет обозначения временной зависимости между действиями, обозначенными в предложениях. Но в этом и состоит особенность союзного присоединения: союз, выступая в роли присоединительного, может выражать отношения, очень далекие от тех, которые он обозначает, как правило, будучи союзом сочинительным или подчинительным.

Ж. Марузо, отвечая на статью Ж. Эйо, писал:¹⁴ «Я не назвал бы это явление ослаблением значения союза. Здесь имеет место изменение функции, переход от подчинения к сочинению». Думается, нельзя не согласиться с тем, что функция союза здесь действительно изменилась, но это не «переход от подчинения к сочинению», а от подчинения к присоединению, что совсем не одно и то же.

В дискуссии принял участие Ж. Антуан,¹⁵ который, соглашаясь с Марузо, также считал появление подчинительного союза после точки в начале следующего предложения тенденцией к пере-

¹³ *Eyot J. Quand. . . — Le français moderne, 1948, N 2, p. 108.*

¹⁴ *Marouzeau J. Notes de lecture. — Le français moderne, 1948, N 3, p. 162.*

¹⁵ *Antoine G. A propos de «quand». — Le français moderne, 1948, N 4, p. 269.*

ходу от подчинения к сочинению. Может быть, этот взгляд можно в известной степени объяснить тем, что в роли присоединительных союзов чаще всего выступают те союзы, которым свойственно оформлять сочинение. А для того, чтобы признать за ними особую функцию присоединения, надо было прийти к мысли о существовании сверхфразового единства как особой структурной единицы речи, но этого не было сделано. Поэтому в рамках синтаксиса, который ограничивал себя предложением как наиболее крупной единицей, возможность начинать предложение с сочинительного союза стали считать чем-то вроде «ослабленного» сочинения, где пауза между предложениями относительно велика, так как она обозначена точкой. При этом не замечали, что такие структуры обладают какими-то особыми чертами, не свойственными предложению, — например, они могут стоять только позади какого-либо другого предложения, они всегда синсемантически, т. е. не могут начинать никакой новой темы, никакого нового эпизода, никакой новой мысли.

Присоединение может осуществляться любым союзом. Рассмотрим сперва те случаи, когда в присоединительных конструкциях участвуют союзы, обычно выполняющие функцию сочинения.

Et. Наиболее яркая и распространенная функция присоединительной конструкции, начинающейся с союза *et*, — служить заключением, подытоживать предыдущий текст, тем самым заканчивая и сверхфразовое единство.

Ж. Антуан,¹⁶ называющий союз *et*, который начинает предложение, «*et d'accumulation*» или «*et de surajoutation*», но не соотносящий его со структурой сверхфразового единства, приводит яркий пример этой конструкции из пьесы Жироду «Троянской войны не будет» (в сокращенном виде). Ниже приводим этот пример полным текстом:

Ulysse: . . . A la veille de toute guerre, il est courant que deux chefs des peuples en conflit se rencontrent seuls dans quelque innocent village, sur la terrasse au bord d'un lac, dans l'angle d'un jardin. Et ils conviennent que la guerre est le pire fléau du monde, et tous deux, à suivre du regard ces reflets et ces rides sur les eaux, à recevoir sur l'épaule des pétales de magnolias, ils sont pacifiques, modestes, loyaux. Et ils s'étudient. Ils se regardent. Et, tiédés par le soleil, attendris par un vin clair, ils ne trouvent dans le visage d'en face aucun trait qui justifie la haine, aucun trait qui n'appelle l'amour humain, et rien d'incompatible non plus dans leurs langages, dans leur façon de se gratter le nez ou de boire. Et ils sont vraiment comblés de paix, de désirs de paix. Et ils se quittent en se serrant les mains, en se sentant des frères. Et ils se retournent de leur calèche pour se sourire. . . Et le lendemain pourtant éclate la guerre. . . (Giraudoux)

¹⁶ Antoine G. La Coordination en français. Paris, 1959, I—II, p. 914—944.

В двухтомной работе Ж. Антуана, посвященной сочинению во французском языке, значительное место отведено рассмотрению предложений, начинающихся с «сочинительных» союзов. Он, правда, не считает их компонентами сверхфразового единства и останавливается лишь на значении союзов в этой позиции.

Ж. Антуан изучает употребление союза *et*, вводящего предложение, начиная с латыни, исследует его в старофранцузском и в новом французском языке. Автор отмечает чрезвычайную употребительность начального *et* в старофранцузском и возрождение этого употребления в XIX в. Для старофранцузского он отмечает три возможные для *et* функции: 1) обозначение начала нового пассажа, переход к этому новому — например, обычное употребление *et* в начале ответа или в начале речи персонажа, при введении нового эпизода повествования. Характерно частое употребление *et* в вопросах и восклицаниях, что привело Ж. Антуана к мысли о свойственном этому союзу характере аффективности, чем и объясняется употребление его при выражении пожелания, приказания, при вопросе и при ответе; 2) так называемое «библейское» *et* служит в старофранцузском средством связи последовательно расположенных предложений, образуя нечто вроде перечисления и способствуя установлению четкого ритма в группе фраз, и, наконец, 3) *et*, вводящий заключительную фразу.

Это последнее употребление и представляет собой дошедшее до нашего времени употребление предложения с *et* в качестве компонента сверхфразового единства. Ж. Антуан называет это употребление союза *et* «*et de clausule*».

В качестве примера такого «заключительного» *et* Ж. Антуан приводит последние фразы радиопередачи: *Et nos émissions régionales sont terminées; Et voici terminé «Actualités de Paris»,* и т. п.

Компонент, присоединенный союзом *et* после точки, может не быть полным предложением, а состоять лишь из некоторых членов предложения. Функция его в этом случае сближается с функцией присоединительной конструкции, состоящей из отдельных членов предложения, т. е. она носит характер восполнения содержания основного предложения, внесения пояснений, уточнений, детализации:

Gérard paraissait misérable, ses cheveux collés en mèches sur son front mouillé; son veston transpercé, ruisselant; son pantalon plaqué aux jambes. Et pâle, malgré la course, d'une pâleur blafarde, inquiétante. (Plisnier)

C'était le cinquième homme qui mourait depuis la nouvelle lune. Et de la même maladie. (Giono)

C'est la marée montante, c'est le raz de marée. . . Que peut un nageur? . . . Et un mauvais nageur? (Мауроис)

Присоединительным конструкциям с союзом *et* может быть свойственно значение простого «добавления» к сказанному:

Je suis revenu parce que j'avais envie d'embrasser Fabienne et Marcelle. Un peu de nostalgie aussi de tout cela. *Et même de vous.* (Plisnier)

On est donc sensible à la pitié, Fabienne Fraigneux? se disait-elle. *Et sa bouche avait son mauvais pli.* (Plisnier)

Но, конечно, самым ярким и выразительным является употребление присоединительной конструкции, введенной союзом *et*, в качестве заключительной фразы более или менее объемистого отрывка, пассажа, составляющего сверхфразовое единство. Такая конструкция подводит итог сказанному ранее, резюмирует его, добавляя как бы некий заключительный аккорд сверхфразового единства:

On l'entendait distinctement murmurer: — Je ne comprends pas. . . non, je ne comprends pas. . . *Et il levait les épaules dans un geste de bonne foi et d'impuissance.* (Hériat)

Alors M. Fraigneux dit à la servante. Il dit. Tout, la maison, ses enfants, le vol, et que maintenant Fabienne, malgré le prix payé, ne se trouvait pas heureuse. *Et que cette solitude, ah! lui était lourde à porter* (Plisnier).

La gachette a cédé, j'ai touché le ventre poli de la crosse et c'est là, dans le bruit à la fois sec et assourdissant, que tout a commencé. J'ai secoué la sueur et le soleil. J'ai compris que j'avais détruit l'équilibre du jour, le silence exceptionnel d'une plage où j'avait été heureux. Alors, j'ai tiré encore quatre fois sur un corps inerte où les balles s'enfonçaient sans qu'il y parut. *Et c'était comme quatre coups brefs que je frappais sur la porte du malheur.* (Camus)

. . . Tu glisseras ici, la nuit, en tremblant à l'idée d'être surpris. Tu lui donneras des explications sur tes absences, sur tes retards. Tu mentiras. Et mal, naturellement. Je te vois déjà. *Et ta femme sera malheureuse et c'est ainsi que notre bonheur pourrira lentement.* (Roblès)

В такой заключительной присоединительной конструкции может появляться оттенок противопоставления, уступления, которые не характерны для сочиненных предложений с *et*:

Cette absence d'émotions véritables me semblait être la manière la plus normale de vivre. Vivre, au fond, c'était s'arranger pour être le plus content possible. *Et ce n'était déjà pas si facile.* (Sagan)

Бросается в глаза ярко выраженный аффективный характер присоединительных конструкций с *et*, когда они имеют вопросительную или восклицательную форму. Они вводят новую мысль, логически или психологически связанную с предыдущим высказыванием, но мысль необязательную, вызванную неожиданным ее поворотом в поисках убедительности, красочной передачи эмоций говорящего:

Il n'acheva point sa phrase, ce qui, chez lui, dénonçait un grand trouble. — *Et où avez-vous pris, dit-il soudain, qu'il fallût aimer? Et qu'appellez-vous aimer?* (Plisnier)

Je ferai tous les matins ma tournée dans les ateliers; le soir, au bureau, je dicterai: «En réponse à votre honorée . . .» Le plus

terrible est que je n'en souffrirai pas. . . *Et pourquoi? Qui me force à signer?* (Мауроис)

Союз *et*, начинающий вопросительные и восклицательные предложения, иногда называют «эксплетивным». Вряд ли это верно. Здесь союз не только выполняет функцию присоединения, но присоединения, окрашенного аффективно: он 1) присоединяет к предыдущему новое сообщение, 2) служит переходом к новой мысли, 3) привносит оттенок противопоставления (или какого-либо иного логического отношения) или 4) акцентирует аффективный характер вопроса или восклицания.

Elle peint, et j'aime sa peinture qui est extrêmement simple et juste. — Et le lieutenant Beix, en temps de paix, que fait-il? (Мауроис)

Il est banquier, une grande banque d'affaires, mais sa femme ne s'entend pas avec lui. — *Et toi? Tu ne m'as pas répondu. Tu l'aimes?* (Мауроис)

Майс. После союза *et* союз *mais* является наиболее употребительным в присоединительных конструкциях.

При противопоставлении двух фактов — наиболее распространенная функция союза *mais*, — при присоединении новой мысли, противоречащей прежде сказанному, точка, стоящая после основного предложения, в котором содержится первый из противопоставляемых фактов, заканчивает это предложение, а вместе с тем исключает возможность продолжения его. Но вдруг появляется присоединительная конструкция, в которой находится второй компонент противопоставления. Противопоставление звучит тем более выразительно и убедительно, что оно появляется неожиданно и не предусмотрено структурой основного предложения.

В подобных случаях союз *mais* выполняет ту же функцию противопоставления, которая ему свойственна в сложносочиненных предложениях, но в значительно усиленном, акцентированном виде:

Pour moi, les diplômes, la culture, c'est sans importance. Mais toi, tu es une petite nature délicate. (Аймэ)

Моivre prétend descendre du célèbre Abraham de Moivre, auteur d'une formule étonnante sur les nombres imaginaires. En conséquence de quoi, sans doute, il publie ce qu'il appelle des poèmes numériques. C'est un dingue. *Mais il publie.* (Пармелин)

Et tout ce qu'écrit Moivre sur Doyen est pesé avec une conscience, intellectuelle et professionnelle, si scrupuleuse, et si étroitement ramassé dans les mots, que la compréhension en est ardue.

Mais la peinture de Doyen aussi. (Пармелин)

Отдельность присоединительной конструкции позволяет сделать некий мысленный скачок, сопоставляя ее содержание не столько с собственным содержанием предыдущего предложения, сколько с логическим следствием из этого содержания. Как в данном случае: из характеристики писаний Муавра как будто сле-

дует, что живопись Дуаена проста и ясна. Но нет. Она так же туманна и непонятна, как и то, что о ней пишет ее критик.

То же в следующем примере:

— Sais-tu, toi, ce que c'est que l'amour? *Mais Fabienne ne répondait plus.* (Plisnier)

Собеседник ожидает ответа на поставленный вопрос. *Mais* противопоставляет молчание собеседницы этому ожиданию, а не содержанию вопроса.

Содержание присоединительной конструкции с *mais* может противопоставляться мысли, содержащейся в предыдущем контексте, или тому, что из нее вытекает:

Et pourtant je sens bien que je la perdrai si je continue à la voir aussi peu.

— *Mais est-ce que tu pourras quitter l'usine?* (Maurois)

В предложении, предшествующем предложению с *mais*, ничего не говорится о намерении героя произведения оставить фабрику. Это подразумевается, вытекая из всего предыдущего повествования. К этому и относится вопрос собеседницы, спрашивающей, действительно ли хочет герой романа покинуть любимую работу ради любимой женщины.

Как и в сочинительной функции, союз *mais* может употребляться в тех случаях, когда между содержанием основного предложения и присоединительной конструкцией имеет место отношение не столько противопоставления или сопоставления, но и отношение уступления, причины и т. д.:

Il a déclaré, dès le premier abord, qu'il venait d'un réseau gauliste avec lequel il était toujours en liaison. On l'a autorisé à garder le contact avec l'espoir d'obtenir peut-être des armes. *Mais* (=quoique) on a déjà payé assez cher pour apprendre à être prudent dans les liaisons de ce genre. (Laffitte)

Ce droit-là s'achète cher. *Mais* (=parce que) il vaut très cher: c'est le droit d'être. (Saint-Exupéry)

Особо часто присоединительный союз *mais* употребляется для усиления убедительности и выразительности сказанного, тем более если речь идет о подтверждении или опровержении содержания основного предложения; при этом противопоставление превращается в возражение:

... puis il se leva, vint voir ce qu'elle faisait, s'éloigna de quelques pas, revint. — Qu'est ce que tu as? dit-elle. — Moi? *Mais rien.* — *Mais si.* Que tu es nerveux aujourd'hui. (Maurois)

Vous ne vous sentez pas bien? — *Mais non,* pourquoi? — *Mais si,* ça se voit. (Maurois)

Таким же средством повышения выразительности и эмоциональности эта структура служит в восклицаниях:

Elle demanderait une explication, tout de même. *Mais se montrer jalouse d'une dactylo!* (Plisnier)

Оу. Альтернативный союз *ou* выступает как сильное выразительное средство введения присоединительной конструкции. Пауза, сигналом которой служит стоящая перед ним точка, со-

здает впечатление раздумья, ощущение выбора, сомнения, неуверенности. Именно этот психологический оттенок возникает в силу характера самого отношения между двумя компонентами сверхфразового единства, отношения выбора, альтернативы, несомненно требующих некоторого времени на раздумье:

Boris et Ivich dansaient, ils étaient cruels sans même le savoir. *Ou* peut-être qu'ils le savaient un peu. (Sartre)

Ils rentraient bras dessus, bras dessous, le long des vitrines éclairées. Ils rentraient le plus tard possible, car Philippe avait horreur d'être chez lui et il trouvait toujours des prétextes pour s'éterniser dehors. *Ou bien* il avait soif. *Ou bien* il avait faim. *Ou bien*, dans tel café, il espérait rencontrer un type qui pourrait lui être utile. . . (Simenon)

Car. Как правило, союз *car* в присоединительных конструкциях служит для введения мотива, пояснения того, что сказано в предыдущем предложении. А так как указания на мотив или пояснение не являются компонентами высказывания совершенно обязательными (несмотря на несомненность логической связи между любым событием и его мотивом), то понятно, что в этой именно функции *car* оказывается присоединительным союзом, т. е. всегда стоит после точки:

Il prépare la préface de la prochaine exposition de Doyen, dans une galerie assez sévère, dont le marchand est persuadé qu'il est une sorte d'Ambroise Vollard de l'élite des peintres. *Car* les peintres ne sont plus des Géants, ce sont des élites. Nuance. (Parmelin)

Именно в силу своего пояснительного характера, в силу того, что они выражают мотивировку, содержание присоединительных конструкций, введенных союзом *car*, особенно часто относится не к последнему предложению, входящему в сверхфразовое единство, а к целому предшествующему отрезку текста:

. . .le visage qu'elle tient si précieusement tout entier dans son regard. . . la laisse aussi tranquille, aussi rassurée que l'image même du sien lorsqu'il lui arrive de le rencontrer dans l'unique glace de la maison. Oui — il était cela précisément — un double mystérieux de son propre visage, mais plus cher mille fois. *Car*, certains jours, sans avoir besoin d'aucun miroir. . . elle déteste sa figure, elle la méprise. (Bernanos)

Логическая связь между присоединительной конструкцией пояснительного характера и основным предложением может оказаться в условиях определенного контекста ослабленной максимально, так что содержание ее воспринимается почти как отдельное дополнительное сообщение:

Peut-être réussirons-nous à débarrasser la trachée des caillots qui l'encombrent, — du moins je le suppose. *Car* la blessure du poumon n'explique pas les crises aiguës de suffocation que j'observe depuis une heure à peine. Il y a là quelque chose de bizarre. (Bernanos)

Le rachat des fils était d'usage dans cette famille comme dans toutes les familles aisées. Louis le notaire venait de racheter Oscar;

l'agent de change rachèterait Amaury. *Car* pour Edgar, il serait réformé: sa maladie de poitrine avait repris et ses études avaient dû se suspendre pendant plusieurs mois. (Hériat)

Логическая близость «мотива» к «причине» неоспорима. Союз *car* может выражать наряду с мотивом и причину. Но только в этом случае он соединяет придаточное предложение с главным в рамках сложноподчиненного комплекса. Это распределение союза *car* подчеркивает логическую разницу между мотивом и причиной. Мотив близок необязательному пояснению, тогда как причина — это обязательное условие:

Il y a plus d'un an que les Krynker ont divorcé en Suisse, *car* (= parce que) le divorce n'existe pas en Italie. (Simenon)

Donc. Союз *donc*, традиционно считающийся сочинительным, часто выполняет функцию присоединения.

Присоединительная конструкция, введенная союзом *donc*, служит заключением, содержит вывод из предыдущего:

Je ne suis pas si gentille que ça. — Je vous vexe? Les jeunes gens ont horreur d'être gentils. Mais vous ne dites jamais rien de désagréable, ni d'injuste. Et vous aimez bien les gens. *Donc*, je vous trouve parfaite. (Sagan)

M. Vanekem parut un peu impatienté. «Soit, mais vous comprenez que j'ai besoin d'être fixé. S'il faut consulter toute la terre, il devient difficile à manœuvrer. *Donc*, je compte que vous m'écrirez ce soir». (Maurois)

Союз *donc* не является просто союзом следствия. Находясь в присоединительной конструкции, т. е. после паузы, он как бы подытоживает высказывание, возвращая мысль к содержанию предшествующего отрезка текста.

Союзы *et*, *mais*, *car*, выполняющие присоединительную функцию, часто сочетаются с наречиями, которые служат усилению характера логической связи между присоединенным компонентом и предыдущим предложением, привнося в нее оттенок, соответствующий значению наречия. Так, в сочетании *et puis* наречие подчеркивает дополнительный характер последующего сообщения:

Mais moi, je ne suis pas une plante de serre et je sens que les études m'empêchent de pousser. *Et puis*, quand je vois des gens très instruits, j'ai une peur bleue de devenir un jour comme eux. (Aymé)

Et d'ailleurs, *et pourtant* особенно часты в заключительных присоединительных конструкциях, они придают высказыванию оттенок настойчивости, аргументированности:

C'est bien difficile à dire. . . Je ne crois pas. Elle paraît très fière, elle ne voudra pas s'humilier. *Et d'ailleurs*, surtout elle ne vous aime pas. . . Ce n'est pas une lettre de femme amoureuse, ça . . . Elle écrit trop bien. (Maurois)

Nous le voyons bien que l'homme est décidément une assez sale bête. Heureusement l'art, la pensée désintéressée le rachètent. *Et pourtant*, depuis ce jour, j'ai perdu la joie de lire. (Vercors)

Pourtant в сочетаний с *mais* подчеркивает противопоставление; enfin при *mais* и при *car* акцентирует заключительный характер присоединенного компонента:

— Comment, il veut me voir? *Mais* il sait *pourtant* que je l'attends moi-même depuis un grand quart d'heure. (Anouilh)

Pourquoi ne leur as-tu pas dit. . . *Mais enfin*, ne me fais pas devenir folle! Cette cicatrice, tu l'as vue hier, j'en suis sûre, dans une glace? (Anouilh)

Je me réveillai avec la pénible sensation d'un problème urgent à résoudre. *Car enfin*, ce que me proposait Luc, c'était bien un jeu, un jeu séduisant. . . (Sagan)

Присоединение может осуществляться посредством союзов, выполняющих, как правило, функцию подчинения, и относительного местоимения qui (que).

Логическая связь между компонентами сверхфразового единства может носить тот же характер, какой соответствующим союзам свойственно обозначать в сложноподчиненном предложении, т. е. они выражают зависимость, логическую подчиненность сообщения присоединительной конструкции содержанию основного предложения. Но формальная отдельность присоединительной конструкции, отличающая ее от придаточного предложения, отражает большую ее семантическую самостоятельность. А отсюда — гораздо более широкий диапазон оттенков логической связи, которые существуют между присоединительной конструкцией и основным предложением.

Так, союз *parce que* в роли присоединительного не выражает собственно причинную связь, как он это делает в придаточном предложении, а вводит пояснение:

— Vous avez de la chance, maître d'hôtel. *Parce que* c'est une épouvantable sensation d'être en train de tuer quelqu'un pour vivre. (Anouilh)

— Quand même, dit Boudier, je me demande quelle tête on peut bien avoir dans un repas de funérailles. — Au début ou à la fin de repas? dit Arnould. *Parce qu'*il faut distinguer. La psychologie n'est pas la même après le Chateaufort, bien que la situation n'ait pas changé. (Courtade)

— Avez-vous pensé que nous aurions des enfants?

— J'espère bien.

Demande inattendue. Réponse inattendue, instinctive. Certes, Monique aurait pu, aurait dû dire: «Voulez vous avoir des enfants?» Je n'ai pas l'intention d'en avoir pour me conformer à une tradition, à un ordre, mais pour . . . Pourquoi, au juste? Il faut y regarder de plus près. *Parce que* je n'aime pas tricher: ni avant, ni après. *Parce qu'*il me déplairait de rester un descendant et de ne pas devenir un ancêtre. *Parce que* (nous brûlons) l'expérience semble curieuse, intéressante. *Parce qu'*ainsi (nous y voilà) je pourrais connaître le visage qui m'a été interdit. . .

— Des enfants heureux, quelle revanche!

Zut! il ne fallait pas le dire, Monique. (Bazin)

— Toute l'idée du malade imaginaire est à reprendre. Tout malade est aussi imaginaire, tu comprends? Non? Tu verras mieux ça. *Parce que* je compte bien, avec l'autorisation d'Aygesparse, te faire suivre la visite tous ces jours-ci. . . (Lanoux)

Il était satisfait d'apprendre que les Anglais étaient en difficulté là-bas. Il trouvait cela juste. Il détestait les Anglais. Les Anglais en général. *Parce que* celui à qui Gorzone avait fait visiter l'hôtel paraissait plutôt sympathique. (Roblès)

Все вышеприведенные присоединительные конструкции могли бы начинаться со специально пояснительного присоединительного союза *car*.

Присоединяя дополнительное сообщение (разъяснение, уточнение и т. п.) после точки и не выражая тесной связи подчинения, соответствующие союзы часто уходят очень далеко от тех значений, которые им свойственны в сложноподчиненных предложениях. Но даже в тех случаях, когда они передают то же отношение, что и в подчинительных комплексах, к этому непременно прибавляется оттенок необязательной дополнительности сообщения, которое всегда добавлено как бы после некоторого раздумья и чаще всего как факультативное пояснение:

Tout le monde a beau se tenir soigneusement en dehors des questions économiques, ils ne peuvent s'empêcher de penser qu'ils ont eu sur leurs murs pendant un certain temps de toiles d'un ami, qui sont devenues des fortunes, et qui sont en train de redevenir ce qu'elles étaient. *Où à peu de choses près. Si ça continue.* (Parmelin)

— Où est-il donc en ce moment, le cirque Mamar? demanda l'aubergiste.

— A la porte de Chaillot, en face de l'Uni-Parc. *Qui a brûlé,* les journaux en ont parlé. (Queneau)

Peut-être me l'attacher à moi avec la courroie quand nous irons vers les marais. *Pour qu'elle marche* où je marche. C'est plus sûr. (Giono)

Je vous jure que je ne suis pas un voleur! . . . D'ailleurs, j'avais mis Edmond au courant. . . — Au courant de quoi? — Je lui ai déclaré que je ne voulais pas être sans cesse le bouc émissaire. . . *Qu'il fallait* que les autres m'aident. . . *Que, s'ils ne m'avaient pas fait boire,* le jour de l'accident. . . (Simenon)

Ne crois pas que je cherche, dit-elle, je pense à ce que tu attends et je vais te le dire. *Mais tout ça sert. Pour mon excuse. S'il y a excuse* à demander. (Giono)

— Je vais rester avec vous deux ou trois jours pour voir comment vous allez vous y prendre. *Si ça ne vous gêne pas.* (Queneau)

В условном периоде, где связи между компонентами более тесны, чем при присоединении, подчиненное предложение, как правило, стоит в препозиции. При присоединении оно всегда позади основного предложения.

Ог и п'еmрêche que. Во французском языке имеются два союза, употребляемые т о л ь к о в качестве присоединительных. В сложных предложениях они не используются. Это союзы *ог* и *п'еmрêche*

que, которые можно видеть в тексте обычно непосредственно после точки.

N'empêche que — союз новый, появился он, пожалуй, лишь в XX в. И пока еще не очень употребителен:

Une fois dans la maison, Ernest Malik a fait venir son frère on ne sait d'où. . . Certains prétendent qu'il n'était qu'un petit agent d'assurances du côté de Lyon. *N'empêche qu'il* a épousé la seconde des demoiselles et que, depuis lors, les Malik sont de tous les conseils d'administration. (Simenon)

La veille, à la Coupole, William Crosby n'avait pas eu un regard vers le Tchèque. Et, quand Maigret avait prononcé son nom, il n'avait pas tressailli. *N'empêche que* les billets de cent francs avaient passé de la poche de l'un dans la poche de l'autre! (Simenon)

N'empêche qu'il avait des ennuis avec les traites, pour commencer, puis avec les assurances, parce qu'une fois il avait emmené un vieux qui n'était pas inscrit au rôle, puis la fois que, ayant perdu son gouvernail, il avait dû se laisser remorquer en Angleterre où on lui avait réclamé des sommes incroyables. . . (Simenon)

Напротив, союз *or* очень стар. По традиции его помещают среди сочинительных союзов и определяют его значение как «переход к чему-нибудь новому и связывание этого нового с предшествующим высказыванием». Но это и есть функция присоединительного союза:

Elle avait eu presque une attaque de nerfs et s'était formellement juré de se rendre chez le commissaire afin de lui communiquer ses impressions. *Or*, le lendemain, le commissaire ne se trouvait pas dans son bureau lorsque la vieille femme se présenta. (Carco)

Союз *or* может передавать целую гамму различных оттенков значения: противопоставление, заключение, вывод, итог и т. д.

De plus, en même temps que la puissance de leur rôle, nous avons entendu souligner le danger qu'il y aurait à traiter intonation, mélodie et rythme comme un donné grammatical pur, voir comme de véritables morphèmes; le syntacticien y encourrait un nouveau mortel péril: celui de succomber, à peine dégagé de la «tyrannie morphologique», sous le mirage phonologique. *Or*, c'est ce qui est arrivé parfois à Bally et à tels de ses disciples. (Antoine)

Значение адверсативности, передаваемое присоединительным союзом *or*, может обогащаться дополнительным оттенком «совершения действия вопреки ожидаемому»:

— Le nom de Liotard ne figure pas non plus parmi vos clients. *Or* (=néanmoins) il est venu vous voir ce jour-là. (Simenon)

D'où ils se trouvaient, ils eussent fatalement entendu un bruit un peu fort: détonation, éclats de voix, etc. . . *Or*, (=pourtant) ils ont été questionnés en vain. (Simenon)

«Вопреки ожидаемому, они ничего не могли сказать. . .»

Запятая, стоящая после союза, сигнализируя паузу, усиливает итоговый характер вводимого союзом *or* компонента сверхфразового единства.

Le «Lorraine» est toujours amarré au quai même . . . Il se trouve à moins de 20 mètres du poste de douane et des embarcations des douaniers. Or, ceux-ci surveillent le port de nuit comme de jour. (Simenon)

* * *

Итак, присоединительные конструкции — это добавления к предыдущему высказыванию после точки, т. е. после более или менее значительной паузы при соответствующей интонации и формально представленные как отдельные части высказывания. Возможность такого добавления отдельных членов предложения или предложений, начинающихся с союзов и отделенных точкой, еще раз свидетельствует о неполном совпадении единиц языка и единиц речи, представителем которой является текст. Высказывание, не помещаясь в одном или даже в нескольких предложениях, ищет еще других возможностей дополнить ранее сказанное тем, что пришло на ум после формального завершения предложения. Присоединительные конструкции — один из таких «выходов».

Характерно, что присоединительные конструкции возникают в живой речи, склонной к нарушению существующих норм и к созданию новых структур, а уже отсюда переходят в литературный письменный язык.

Во французском литературном языке употребление присоединительных конструкций распространилось, а затем и укрепилось с легкой руки писателей в первой половине нашего века (А. Бретон, Л. Арагон, Ф. Супо, П. Элюар и др.), отвечая одному из выдвинутых ими принципов создания литературного произведения «под диктовку мысли». Они стремились изобразить на письме процесс формирования мысли, которая, постепенно рождаясь, обрастает деталями, присоединяющимися к основному, формально законченному, но не охватившему всей полноты высказывания предложению. Но так как в сознании говорящего присутствуют модели предложений, составляющие синтаксическую систему языка, то эти добавления строятся по типу компонентов этих имеющих в языке моделей: в виде отдельных членов предложения и в виде самостоятельных предложений, начинающихся с союзов.

СОПОЛОЖЕНИЕ

Одной из структур сверхфразового единства является так называемое «соположение». Соположенными предложения оказываются в тех случаях, когда, образуя одно смысловое целое, рисуя единую картину, передавая единый образ, одно событие, серия предложений, при аналогичной синтаксической структуре, имеет различные подлежащие:

Les chiens aboyaient dans le val. La route nue luisait un peu dans la nuit. Le vent maintenant venait de face, froid et solide. (Giono)
Les six bêtes refluaient vers le parapet de la montagne comme

d'énormes vagues de boue rouge et blanche. *Les lanières sifflaient. Les jougs craquaient. Les taureaux* d'attelage frappaient le timon de leurs cuisses. *Le char* pivotait de devant sur la lune de fer, sautait de trois roues, tanguait sur le long gémissement de son essieu d'arrière. *La caisse* de Médéric sautait dans ses cordes. . . (Giono)

Между соположенными предложениями, входящими в одно сверхфразовое единство, формальным средством грамматической связи служит повторение прямого порядка слов, где подлежащее, начинающее предложение, является ремой. Так называемый субъективный порядок слов. Наличие разных подлежащих — непременное условие соположения. Но различные подлежащие могут быть у самостоятельных предложений, не образующих сверхфразового единства.

Этот признак называется значимым при условии семантической связи между содержанием предложений, например при описании в них отдельных деталей одного и того же явления или одной и той же ситуации, сообщение о которых или описание которых составляет содержание текста, заключенного в сверхфразовом единстве. Предложения с различными подлежащими, не связанные единством смыслового содержания, не являются компонентами единого целого, а представляют собой отдельные, самостоятельные высказывания.

Характерной чертой соположенных структур во французском языке является употребление в них имперфекта, который участвует в описаниях статических ситуаций, способствует «картинному» описанию. Иногда употребляется претерит. Он появляется при описании серии действий, которые разворачиваются на фоне данного формант имперфекта описания и входят в него.

Возможны также описания в форме презенса, хотя этот тип соположенных комплексов относительно редок, так как форма настоящего времени в этих случаях транспонируется в прошлое для картинного описания прошлых событий и ситуаций. Это может рассматриваться как особый стилистический прием:

Le feu s'en donne à coeur joie. L'alizé porte à des centaines de mètres vers l'Ouest un panache de flammes qui sèchent la terre et la font craquer. Le vent souffle dur en ce moment. . . Le derrick est cassé en deux par le milieu. . . (Arnaud)

Собственно семантическая связь между соположенными предложениями не имеет других формальных средств выражения, кроме параллельного синтаксического построения предложений. Она вытекает в первую очередь из общего смысла высказывания, содержащего либо описание, либо изложение цепи явлений, и в котором содержание каждого отдельного предложения представляет собой звено в общей цепи.

Между фактами и явлениями, описываемыми в соположенных предложениях, могут существовать различного характера отношения: последовательности, одновременности, связи по общности местонахождения и т. д. Между соположенными предложениями могут существовать отношения, сближающие соположение с со-

чинением и подчинением. Не формально, ибо соположенные предложения разделены точками (в устной речи — более или менее значительными паузами), а логически, так как семантическая связь между ними обязательна, поскольку они образуют сверхфразовое единство, а семантическая связь предполагает и логические отношения между компонентами единства.

Т. И. Сильман отмечала,¹⁷ что «такие тексты или высказывания вряд ли могут в чистом виде иметь большую протяженность. Чаще они прослаиваются, чередуются с предложениями, в которых связь имеет более четкое грамматическое и лексическое выражение».

Н. С. Поспелов, посвятивший специальную статью вопросу о бессоюзных сложных предложениях,¹⁸ справедливо отмечал, что они обладают специфическими особенностями и характер их объединения не может быть сведен к имплицитному сочинению или подчинению. Автор считает, что предложения, объединенные без помощи союзов и, следовательно, формально грамматически независимые, тем не менее связаны непосредственно семантически своим содержанием, что в речи находит свое выражение в интонации. Аналогично бессоюзно связанным предложениям в пределах между двумя точками, каждое из отдельно взятых соположенных предложений, т. е. предложений, разделенных точками, не имеет собственного значения законченной коммуникации, ни соответствующей самостоятельному предложению интонации. Семантические связи в фигуре соположения имеют особо выраженную значимость. Очевидна разница между закрытой структурой сложно-сочиненного предложения, не допускающей добавлений иначе как после точки, т. е. в виде присоединительных конструкций, и открытой структурой сверхфразового единства, построенного по принципу соположения.

Компоненты соположенного комплекса находятся на одном логическом уровне в тех случаях, когда между ними существуют отношения следования, одновременности, сравнения, аналогии и т. п. Тем не менее они связаны между собой не так тесно, как сочиненные или подчиненные предложения, обладая относительной самостоятельностью, хотя и представляют в совокупности единое высказывание.

Соположение предложений через точки по своему характеру очень близко бессоюзному сочетанию предложений между двумя точками, также имеющих разные подлежащие и также связанных теснейшим образом семантикой всего высказывания. Но точка сигнализирует паузу более длительную, чем пауза, обозначенная запятой или точкой с запятой. Это различие отражает степень связанности предложений в этих двух сходных структурах. Меньшая

¹⁷ Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967.

¹⁸ Поспелов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. — В кн.: Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1950.

пауза — более тесная связь, большая пауза, — менее тесная связь. Соположенные предложения обладают большей самостоятельностью, чем бессвязные предложения внутри одной фразы, хотя и те, и другие связаны между собой.

Il poussa la pique dans les braises, il releva les bûches, la flamme sauta hors de l'âtre en découvrant son ventre blanc. (Giono)

L'autocar trépidait, ça battait, ça tapait sous ses pieds, le plancher brûlait, il lui semblait que ses semelles se fendillaient, le gros cœur lâche de Pierre battait, tapait contre les coussins tièdes, la vitre était brûlante et pourtant il se sentait glacé, il pensait: «ça commence». (Sartre)

Соположение принципиально отлично от сочинения и подчинения. Его можно было бы охарактеризовать как отражение «существования» более или менее независимых друг от друга деталей одной картины, одной ситуации. Отдельные детали — отдельные предложения — могли бы быть опущены. Это обеднило бы картину, но не нарушило бы ни общего смысла, ни формальной структуры.

Особым образом обстоит дело с начальной и конечной фразой соположенного комплекса.

Начальное предложение оказывается необходимым, никак не может быть опущено в том случае, когда оно представляет собой необходимую предпосылку для всех остальных деталей картины, приведенных в последующих предложениях:

La nuit bleuissait. Il n'y avait plus qu'une étoile rousse. *Le vent* s'arrêta. *Les oiseaux* s'abattirent dans les arbres. *Les chênaies* émergèrent. *Le jour* coula d'un seul coup très vite sur le fleuve jusqu'au loin des eaux. *Les monts* s'allumèrent. *Les collines* soudain embrasées ouvrirent leur danse ronde autour des champs. . . (Giono)

Предложения, представляющие собой здесь «соположенный комплекс», преследуют одну коммуникативную цель — дать картину утренней зари. Читатель предупрежден первым предложением: *La nuit bleuissait*. Дальше идет описание пробуждения природы ото сна.

Первое, вводящее предложение следующего соположенного комплекса говорит о наступлении весны, последующие — детально описывают картину наступающей весны:

Le printemps du sud montait des forêts et des eaux. . . on ne sentait plus le froid. *Les poissons* sautaient. *Un renard* mâle appelait d'une petite voix plaintive. *Des tourterelles* grises volaient contre le soleil et le bout de leurs ailes s'allumait. *Les martins-pêcheurs* couraient sur l'eau. *Des grues* lancées vers le nord comme des flèches passaient en criant. *Des nuages de canards* écrasaient les roseaux. *Un esturgeon* à dos de cochon nageait sur l'eau. (Giono)

Первое предложение играет роль сигнала, возвещающего начало сверхфразового единства, каковым является вся соположенная структура:

Devant l'Hôtel des Postes, *la ville aux façades illustrées vivait ardemment. Des librairies flamandes ouvraient leurs vitrines chargées de livres, aux titres ésoteriques pour Robert le Français. Un marchand de gibier offrait six sangliers éventrés, dans leur peau. Les boucheries et les épiciers regorgeaient de victuailles et les brasseries enluminées d'images héraldiques chantaient à pleins pick-up la gloire du lion de Flandre.* (Lanoux)

L'après-midi s'avanceit, bientôt il serait l'heure du thé, et puis du cocktail de six heures et puis le dîner. *Le ciel restait couvert mais le soleil s'affirmait. La chaleur était devenue plus lourde.* . . (Monod)

Le klaxon entre dans le jeu. Un mugissement de déroute qui se marie à celui du vent. Les huit pistons du moteur à tour de rôle aspirent l'air dans les conduits de la sirène stridente. Les cris de la machine, d'abord inarticulés juste hurlés, ne tardent pas à s'organiser. Un coup bref, un coup long, un coup bref, la sériee convenue de toute éternité entre les camionneurs de ces pistes. . . (Arnaud)

Аналогичную роль, но как бы в противоположном ракурсе, может выполнять последнее, заключительное предложение соположенного комплекса, объединяя все приведенные в предыдущих предложениях детали картины, суммируя их и образун тем самым нижнюю границу сверхфразового единства:

Le cheval se plaignait d'une voix étrange et noire, au-delà des hommes. La courroie lui meurtrissait le tendre de l'entrecuisse. La jument pleura. Les mulets immobiles tendirent le museau vers le cheval et ils se mirent à gémir doucement. Au fond des bois, un âne se mit à braire. Des chiens aboyèrent. Les bêtes amères se plaignaient. (Giono)

Un soldat sortit devant le lieutenant, qui le suivit. Une chouette pleurait comme un enfant. Les maisons aveuglées par la défense passive devenaient des masses hostiles. Le chemin de Saint-Jacques s'allumait au-dessus du village, entre les nuages. Le triste, c'est que, dans toute cette campagne, aucune lueur humaine ne répondait aux étoiles. (Lanoux)

Особо эффектными представляются соположенные комплексы, включающие номинативные предложения или состоящие только из них. Такие структуры обладают чрезвычайной живописностью, подчеркивая, ввиду отсутствия глаголов (даже глаголов состояния или местонахождения), статический, а следовательно, «картинный» характер описываемого:

Antonio entendit que là-haut le besson se jetait contre la terre. *Un cri un peu gras et qui s'éteignait doucement. Le souffle court de besson, par paquets. Des craquements de muscles. Un petit gémissement. Une longue respiration. Le silence.*

Antonio sauta. (Giono)

Antonio vit une petite porte dans le mur de droite. . . Il la poussa. C'était derrière une autre étable paisible, la ferme se continuait

par là. *Une étable en pierre avec des voûtes. Des vaches. Des veaux. Des ballots de paille serrés dans des liens.* Il sortit son grand couteau. Il coupa la corde. Il éparpilla la paille. . . (Giono)

Elle n'avait que dix-sept ans alors, et son père lui donnait autant d'argent qu'elle en voulait. C'était plus simple que de donner autre chose. *Les plus belles robes. Les plus beaux chapeaux. Des séjours sur les plus belles plages, dans les meilleurs hôtels.* Leur maison était la plus belle de Montluçon. (Simenon)

En effet, elle ne respirait pas la gaieté, cette villa. . . Après avoir franchi le seuil de la villa, on était saisi d'une mélancolie limpide. *On entrait dans une zone de calme et de silence. L'air était plus léger. On flottait. Les meubles avaient sans doute été dispersés.* Il ne restait qu'un lourd canapé de cuir sur les accoudoirs duquel je remarquai des traces de griffes, et, à gauche, une bibliothèque vitrée. Quand on s'asseyait sur le canapé, on avait, à cinq ou six mètres en face de soi, la véranda. *Le parquet était clair mais mal entretenu. Une lampe de faïence à abat-jour jaune posée à même le sol éclairait cette grande pièce. Le téléphone se trouvait dans une chambre voisine, à laquelle on accédait par un couloir. Même absence de meubles. Un rideau rouge occultait la fenêtre. Les murs étaient de couleur ocre. La photo brunâtre devait être vieille d'une vingtaine d'années.* Meinthe m'apprit que son père avait travaillé quelque temps «aux colonies». *Le téléphone était posé au pied du lit. Un petit lustre avec de fausses bougies et de faux cristaux.* Meinthe dormait là, je pense. (Modiano)

С точки зрения коммуникативного членения подлежащее-существительное каждого предложения в соположенном комплексе представляет собой рему, тогда как сказуемое (глагол) всегда является темой, несмотря на занимаемое ими место в предложении. Такое положение подлежащего-ремы в начале предложения характерно для эмфатического или «субъективного» порядка слов.

Итак, соположение может рассматриваться как особый структурный тип сверхфразового единства. Он характеризуется с формальной стороны тем, что представляет собой серию предложений одинаковой структуры, в которой каждое предложение имеет свое особое подлежащее, занимающее первое место и служащее ремой. Связь между предложениями, которые служат компонентами одного сверхфразового единства, осуществляется параллельностью их синтаксической структуры.

С точки зрения содержания комплекс соположенных предложений передает единое высказывание, рисуящую единую, более или менее законченную картину фрагмента внеязыковой действительности или представляющее серию действий, связанных в одно целое. Каждое из соположенных предложений входит в сверхфразовое единство в качестве его компонента.

Смысловая связь между компонентами сверхфразового единства, оформленного в виде соположенной структуры, может быть установлена анализом отношений между лексическими элементами предложений, которые отвечают принципу совместности.

Предложения оказываются имплицитно связанными на уровне отношений между равноправными и законченными предложениями, объединенными отношениями «сосуществования» деталей единой картины, рисуемой всем комплексом.

Возможная логическая неравноправность предложений в соположенной серии обуславливает выделение первого предложения в качестве верхней границы сверхфразового единства. Содержание первого предложения получает значение зачина, развивающегося в последующих предложениях, представляющих собой детализацию, разъяснение, раскрытие содержания первого предложения, начинающего сверхфразовое единство. Последнее предложение соположенной серии, если оно имеет подытоживающий, обобщающий характер, служит нижней границей сверхфразового единства.

В отличие от других типов сверхфразовых единств, соположенные комплексы состоят из автосемантических предложений. Этим определяется менее тесная связь соположенных предложений, чем частей, например, сложных предложений, при тех же логико-семантических отношениях между ними. В устной реализации это отражается в виде различия в длительности пауз и в интонации.

Особо стилистически эффектны соположенные комплексы, состоящие из номинативных (безглагольных) предложений или хотя бы содержащие такие предложения, ибо ими подчеркивается статический характер рисуемой картины.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ И ЦЕПНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Одним из средств цементирования сверхфразового единства служит параллельное синтаксическое построение его компонентов, повторение их синтаксической структуры:

Il ne sait pas partir. Il ne sait pas rester. (Soupault)

Julien oubliait sa solitude. Maud oubliait ses souvenirs. La tendresse était un remède. Maud détruisait son bonheur. Julien son malaise. Ils étaient heureux. (Soupault)

Параллельное синтаксическое построение подчеркивается еще сильнее, если в последовательных расположенных компонентах сверхфразового единства настойчиво повторяется лексика:

Elle regardait la fenêtre pleine de nuit où s'inscrivait en lignes d'or la constellation du Bélier. Elle ne voyait pas les étoiles écrasées de vent et pelucheuses comme des grains d'avoines. Elle voyait les yeux de Jourdan. Elle ne voyait pas la nuit aplatie contre les vitres. Elle voyait le corps noir de Jourdan. (Giono)

Одинаковые синтаксические структуры группы компонентов сверхфразового единства в большинстве случаев связаны с повторами местоимений, временных форм глаголов:

Il traversa un petit ruisseau. Il entendit bruire un chêne. Il respira une odeur d'herbe grasse. (Giono)

Le voilà parti vers le Rebeillard. Il est seul. Il fait le radeau.

Il fait la glissière. Il se met à l'eau. Il suit le fleuve. Il a de la force. Il a de la souplesse. Tout ça, connu. (Giono)

О значении синтаксиса в авторской речи, о возможности через характерную синтаксическую структуру речи представить себе характер авторского видения мира, его отношение к задаче художественного отображения этого мира не только через содержание произведения, через его сюжет, но и через способы его лингвистического воплощения, через его стиль, через применяемые синтаксические структуры, через отбор лексики и т. д. писала Т. И. Сильман.¹⁹ Она по праву утверждала, что «все подробности стиля, все проявления художественной выразительности стоят на службе у главной идеи, у художественного замысла произведения, им порождаются и им направляются. . . Именно через структуру предложения, его объем, способы его распространения и деления, а также через характер и способы сочетания предложений друг с другом, через своеобразие переходов от одного предложения к другому, от одного абзаца к другому, осуществляется единое движение мысли художника, находит свое выражение присущий именно ему характер этого движения».

Не подлежит сомнению также, что особые синтаксические построения, введенные в литературный обиход каким-либо автором или литературным направлением, пользующимся популярностью, могут постепенно стать общеупотребительными, может быть, утратив при этом частично свою стилистическую яркость, но зато превратившись в нормативную черту структуры художественной речи, обогатив ее синтаксис, а следовательно, и ее выразительность. И это уже вне зависимости от литературного направления и индивидуальной авторской манеры.

То же отчасти можно сказать о структурах синтаксического параллелизма. Хотя пока они свойственны далеко не всем писателям, и даже, может быть, не очень многим. Но несомненно одно: они все прочнее входят в литературный язык и особенно любимы авторами, уделяющими много внимания стилистическому оформлению художественной речи.

Наиболее часто встречающейся особенностью соединения последовательных предложений одинаковой синтаксической структуры в единое целое является повторение подлежащего. Общее подлежащее может быть обозначено существительным и повторяться местоимением. Такое общее подлежащее оказывается в одно и то же время и смысловой, и формальной связью: подлежащее — тема головного предложения, повторяясь в последующих предложениях, становится темой всего сверхфразового единства.

J'étais accroupi sur mon lit et *Salamano* s'était assis sur une chaise devant la table. *Il* me faisait face et il avait ses deux mains sur les genoux. *Il* avait gardé son vieux feutre. *Il* machonnait les bouts de phrase sous sa moustache jaune. *Il* m'ennuyait un peu. (Camus)

¹⁹ Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967.

Между последовательно расположенными предложениями, как и в других случаях сверхфразовых единств, могут существовать различные логические отношения:

Il planta ses bâtons dans la neige. Il n'avait pas de gants. Son sang était assez chaud. Il ne sentait le froid que longtemps après les autres. Il regarda. Il était seul. Il ne mettait pas de masque de soie. Il pouvait regarder en plein soleil. (Giono)

Между предложениями *Son sang était assez chaud* и *Il ne sentait le froid que longtemps après les autres* и между *Il ne mettait pas de masque* и *Il pouvait regarder en plein soleil* существует отношение причины и следствия или мотивировки, никак формально не обозначенное.

Antonio se mit à monter vers le haut étage où il dormait près de Matelot. Au milieu de l'escalier, il entendit qu'on recommençait à parler en bas. Il s'arrêta. (Giono)

«Услышав возобновившийся внизу разговор, он остановился» — отношения причины и следствия. Формально это отношение не выражено.

Такого рода параллельные структуры употребительны как при описаниях серии действий, так и при статических описаниях и при характеристиках персонажей. Каждое из следующих предложений добавляет отдельную деталь — в результате получается общая картина:

Le bouvier avait une toque en poils d'ours, ses deux gros foulards noués l'un sur l'autre, sa veste de cuir, des moufles en peau de mouton et des cuissards de loutre. . . Il était lourd. Il marchait lentement. Il faisait juste les gestes qu'il faut. Il n'avait pas encore mis son masque de soie noire car la neige de si bon matin n'éblouissait pas. (Giono)

Такое постепенное добавление деталей, дополняющих картину, очень сходно по характеру и по цели со структурами присоединения — каждая из последующих деталей как бы посылается вдогонку, в дополнение сказанному. В результате возникает общая картина, оформленная средствами сверхфразового единства.

Задача построений через точку, через точку с запятой и через запятую аналогична. Это создание, постепенное складывание общей картины из отдельных деталей, объединенных более или менее тесно: точка предполагает довольно заметную, если не просто длительную паузу; точка с запятой символизирует паузу меньшей длительности, чем обозначенная точкой, а следовательно, и меньшую «отдельность» предложений; в предложениях, разделенных запятыми, появляется оттенок перечисления.

Можно предположить, что, чередуя точки с запятой и точки при построении одного сверхфразового единства, автор руководствуется желанием показать степень самостоятельности каждого предложения, а также стремлением избежать монотонности, неизбежной при длительном повторении одного и того же приема:

L'homme s'en allait là-dessus, comme un oiseau. Il était vêtu de façon légère et dégagée. Il ouvrait ses grandes jambes. Il les

refermait. Il balançait ses bâtons. Il penchait son torse à gauche, puis à droite, à gauche, à droite . . . puis il plongeait comme s'il s'enfonçait dans la neige; il disparaissait puis il surgissait plus loin, les bras relevés, lancé tout droit, à pleine poitrine; il se penchait en avant, il s'accroupissait, il sautait, il reprenait sa glissade. Il volait à ras de terre comme une hirondelle aplatie par l'orage. (Giono)

Построение всего этого описания как бы передает характер движений лыжника. Сперва более медленное чередование действий, представленных отдельными предложениями, разделенными точками. Потом движение ускоряется, положения лыжника чередуются в более быстром темпе — в описании появляются точки с запятой, которые затем сменяются запятыми — бег лыжника уподобляется полету птицы, гонимой бурей.

Непрямой порядок слов в одинаково построенных последовательно расположенных предложениях, входящих в сверхфразовое единство, создает эффектную стилистически структуру уже в силу необычного «ненормативного» расположения слов предложения.

Так, помещение обстоятельства на первом месте в двух или более следующих друг за другом предложениях в сильной мере привлекает внимание слушателя или читателя к этим обстоятельствам, приводит к их сопоставлению или противопоставлению. Тем самым предложения оказываются теснейшим образом между собою связанными.

Dans l'arbre au-dessous de sa fenêtre, les petits moineaux piaillaient. *Dans la rue*, des autos cornaient. (Queneau)

Avant il ne se sentait que peintre. *Aujourd'hui* il se sent un peu chargé de missin. (Farnelin)

Tu ne peux pas te douter, Robert, comme je me sens bien ici. Je ne sais pas où je vais, je ne sais même pas si je serai un bon toubib, mais je me trouve bien. *Avant*, à l'époque Buffet, je me surpris tous les matins en flagrant délit d'angoisse. Je me demandais qui était ce type qui me regardait. *Maintenant*, je me regarde dans la glace et je ne me vois pas. Tu comprends? (Lanoux)

Структура синтаксического параллелизма может содержать повторы любого члена предложения — подлежащего, обстоятельства, дополнений и т. д., — при этом на любом нормативно ему свойственном или не свойственном месте в предложении. В последнем случае стилистический эффект особенно силен и на порядке слов лежит двойная задача: 1) связи компонентов сверхфразового единства и 2) оформления коммуникативного членения данного предложения:

Au physique, c'est un petit homme étrangement mince pour ses soixante ans. . . *Au moral*, c'est d'abord un jouisseur. (Humanité)

Dans l'aimable sentiment bucolique virgilien, il voyait la tranquillité repus du propriétaire. . . ; *dans l'héroïsme* des personnages de l'Énéide, il découvrait le panégyrique de l'écrasante domination romaine. . . ; *dans les Chansons de gestes*, le triomphe terrien de la féodalité germanique. . . (Vaillant-Couturier)

Впрочем, лишь в крайне редких случаях компоненты сверхфразового единства связываются посредством одного какого-либо приема. Как правило, лексические повторения, параллельные синтаксические построения, отклонения от нормативного порядка слов и т. д. служат, объединяясь, единой цели — представить высказывание в целостном, по возможности исчерпывающем виде в соответствии с коммуникативным намерением говорящего.

Цепная (или телескопическая) связь между компонентами сверхфразового единства образуется через повторение какого-либо члена предложения, или одного какого-либо слова, в следующем предложении. Простейшая модель цепной структуры образуется в результате того, что это слово, кончая первое предложение, начинает второе:

Qui dit la Préfecture, dit le Ministère. Qui dit le Ministère, dit le Gouvernement. Et Gouvernement, c'est la politique. Tu piges, mon enfant? (Gamarra)

Juste au-dessus est accroché le tableau. Le tableau encadré en bois vernis. . . (Robbe-Grillet)

Цепная структура является лексико-синтаксической вершиной, выразительной и изысканной структурой сверхфразового единства. Она осуществляется сочетанием лексических, морфологических и синтаксических повторений. Как правило, в ней участвуют самые различные средства связи: артикли, анафорически употребленные местоимения, повторы частичные и полные, повторы в виде однокоренных слов, словосочетаний и т. д.:

Il sourit. Le sourire est charmant. Un charme inattendu dans ce visage d'homme de cinquante ans. . . (Jouglet)

Je ne sortis guère de la maison. J'y vivais de feu et de songes. Le feu ne s'éteignit jamais; jamais les songes ne m'abandonnèrent. (Bosco)

Cela tenait peut-être à ce que, maintenant, il connaissait l'assassin? Non pas qu'il lui eût parlé. Il ne savait pas son nom, ni sa profession, ni pourquoi il avait tué, ni s'il avait volé ou fabriqué de la fausse monnaie. Il ne savait rien de rien, mais il le connaissait. (Simenon)

Je suis entré dans une très grande salle éclairée par une vaste baie. La salle était séparée en trois parties par deux grandes grilles qui la coupaient dans sa longueur. Entre les deux grilles se trouvait un espace de huit mètres qui séparait les visiteurs des prisonniers. (Camus)

Лексические «цепные» повторы от предложения к предложению очень эффектно сочетаются с такими же повторами внутри предложений. В сущности, смысл их тот же — изображение сцепленных между собой звеньев одной мысли, продвигающейся как бы толчками.

. . . Guillaumet ne m'enseignait pas l'Espagne; il me faisait de l'Espagne une amie. . . Il ne me parlait pas de Guadix, mais de trois orangers qui, près de Guadix, bordent un champ: «Méfie-toi d'eux, marque-les sur ta carte. . .» Et les trois orangers y tenaient

désormais plus de place que la Sierra-Nevada. Il ne me parlait pas de *Lorca*, mais d'une simple *ferme* près de *Lorca*. D'une *ferme* vivante. Et de son *fermier*. Et de sa *fermière*. . . (Saint-Exupéry)

Благодаря последовательно развертывающимся повторам, крепко спаивающим компоненты единства и создающим впечатление почти что зрительных образов, ценные структуры стилистически насыщены, рассчитаны на художественный эффект. Переплетение повторяемых элементов может образовывать очень сложный рисунок. Повторяющиеся слова меняют от фразы к фразе свою синтаксическую роль как члены предложения. Повторяющиеся синтагмы или синтаксические сочетания могут частично варьировать свой состав.

Многие современные писатели Франции с большим успехом прибегают к ценным структурам в сочетании с другими способами объединения компонентов сверхфразового единства, особенно с лексическими повторами. Среди них Робер Мерль, Антуан де Сент-Экзюпери, Анри Боско, Жорж Сименон и мн. др.

— Etant donné les circonstances présentes, achève le Commandant, *on ne peut pas trop* tenir compte du risque. . .

Bien sûr. *On ne «peut pas trop»*. Et personne n'a tort. Ni nous, de nous sentir mélancoliques. Ni le Commandant, d'être mal à l'aise. Ni *l'Etat-Major*, de *donner des ordres*. Le Commandant rechigne parce que *ces ordres* sont absurdes. Nous le savons aussi, mais *l'Etat-Major* le connaît lui-même. Il *donne des ordres* parce qu'il faut *donner des ordres*. Au cours d'une guerre, *un Etat-Major donne des ordres*. Il les confie à de beaux cavaliers, ou, plus moderne, à des motocyclistes. Là où régnaient la pagaille et le désespoir, chacun de ces beaux cavaliers saute à bas d'un cheval fumant. Il montre l'Avenir, comme l'étoile des Mages. Il apporte la Vérité. Et *les ordres* reconstruisent le monde.

Ça, c'est le schéma de *la guerre*. L'imagerie en couleur de *la guerre*. Et chacun s'évertue, de son mieux, à faire que *la guerre* ressemble à *la guerre*. Pieusement. Chacun s'efforce de bien jouer les règles. Il se pourra, peut-être, alors, que *cette guerre* veuille bien ressembler à *une guerre*.

Et c'est afin qu'elle ressemble à *une guerre* que l'on sacrifie sans buts précis, les équipages. Nul ne s'avoue que *cette guerre* ne ressemble à rien, que rien n'y a de sens, qu'aucun schéma ne s'adapte, que l'on tire gravement des fils qui ne communiquent plus avec les marionnettes. *Les Etats-Majors* expédient avec conviction *ces ordres* qui ne parviendront nulle part. . . (Saint-Exupéry)

Cela l'indignait qu'un homme comme son père, un homme qu'il aurait voulu voir planer au-dessus des autres, se pliât devant le patron, le craignit, le respectât. *Cela l'indignait* aussi que sa mère s'habillât de telle ou telle manière parce qu'elle pourrait rencontrer Mme Dortu.

Cela l'indignait qu'on pût vivre dans une ville comme Limoges, être chef comptable dans une usine de chaussures, faire travailler des ouvriers aux pièces. . . (Simenon)

Dans le hall de l'hôtel, les journalistes attendaient. Dans la cour, trois chauffeurs attendaient, immobiles au volant de leurs autos: de l'autre côté du Rhin, immobiles, dans le hall de l'hôtel Dreesen, de longs Prussiens vêtus de noir attendaient. Milan Hlinka n'attendait plus. Il n'attendait plus depuis l'avant-veille. Il était mort. (Sartre)

... Maillat remarqua sur sa droite deux buffins qui s'étaient glissés sous une voiture. Il se demanda si c'était sérieux comme protection, n'arriva pas à résoudre le problème, l'abandonna, et au bout d'une minute, s'aperçut avec étonnement qu'il ne pensait plus à rien. Il n'avait pas peur, il sentait la terre contre son corps, et c'était tout. Le camp, si plein de brouhaha tout à l'heure, était devenu silencieux comme par magie. Et lui, Maillat, il était silencieux, lui aussi. Il était couché par terre, il n'avait pas peur, et il ne pensait à rien. Il était un soldat parmi des soldats. (Merle)

Цепные структуры не связаны с делением текста на абзацы, как не связаны с ним любые лексико-грамматические повторы и другие приемы, связывающие отрезок текста в единое целое:

On l'accusait d'être fier. Tout le monde, à commencer par sa mère, s'était trompé. Y compris ceux qui, comme son professeur, se figuraient qu'il se suffisait à lui-même et le regardaient avec une admiration mêlée d'inquiétude.

Il n'était pas fier. Il ne suffisait pas à lui-même. Seulement ce dont il avait besoin chez les autres, il le leur prenait sans qu'ils s'en aperçoivent. C'était un voleur, au fond. Et un lâche. (Simenon).

Синтаксические и лексические повторы, присоединительные конструкции, сопровождающиеся переплетением повторяющихся элементов, создают единый рисунок текстовой ткани, рисунок подчас вычурный и замысловатый. Но в любых своих формах они служат смысловому и формальному скреплению компонентов сверхфразового единства, образуя сложное и стилистически эффективное построение текста:

— Où allez-vous?

— On ne sait pas.

Personne ne savait rien. Ils évacuaient. Aucun refuge n'était plus disponible. Aucune route n'était plus praticable. Ils évacuaient quand même. On avait donné dans le nord un grand coup de pied dans la fourmière, et les fourmis s'en allaient. Laborieusement. Sans panique. Sans espoir. Sans désespoir. Comme par devoir. (Saint-Exupéry)

L'infirmière blonde était restée à côté de Cirilli, les deux mains posées à plat sur ses bras ronds. Elle ne faisait aucun mouvement. Elle ne regardait personne. Elle avait l'air d'attendre. Maillat la regarda, et tout d'un coup il se sentit compris, par accident, dans un foyer de chaleur et de lumière qui irradiait d'elle et qui ne lui était pas destiné. Ma jolie garce, pensa Maillat. Blonde et rose, elle avait l'air d'attendre. Elle n'était plus qu'une attente comme une prairie d'août avant la pluie. (Merle)

... Un des hommes que Maillat avait effleuré en passant, se re-

tourna, et sans cesser de manger, lui lança une *insulte*. C'est à cause de mes bottes, pensa Maillat, et il sourit. Il jeta un coup d'oeil par dessus son épaule. *L'homme* qui l'avait *insulté* était un blond, large j'épaules, l'air sympathique. Il avait une cicatrice au-dessus de la lèvre. Encore une *tête*, pensa Maillat, que je *ne reverrai jamais plus*. A la *guerre*, c'était comme ça. On passait son temps à voir des gars qu'on *ne revoyait jamais plus ensuite*. C'était ça, la *guerre*. Des *têtes*, des noms qui défilaient devant vous sans arrêt, et qui se perdaient ensuite dans la nuit. *Quelquefois*, c'était une *tête* seulement. *Quelquefois* c'était le bonhomme tout entier. Et *quelquefois*, Maillat leur avait parlé une ou deux minutes, à ces *hommes*, il savait leur nom, ce qu'ils faisaient dans le civil, s'ils étaient heureux avec leur femme. Mais ça se revenait au même, finalement. Ils disparaissaient tous ensuite. Il *ne les revoyait jamais plus*. (Merle)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОВТОРЫ В СВЕРХФРАЗОВОМ ЕДИНСТВЕ

Среди средств связывания компонентов сверхфразового единства значительное место занимают повторы. Они могут быть лексическими и грамматическими (морфологическими — повторами одной и той же формы, синтаксическими — повторами одинаковых структур). Лексические повторы бывают полными и частичными, т. е. повторением полностью всего слова или только корня; могут быть повторы, построенные по принципу метафоры или метонимии: слова-синонимы, часть вместо целого, обозначение рода вместо вида, общего понятия вместо частного и т. д. Повторение нескольких слов на протяжении сверхфразового единства большого объема может связывать не только предложения, следующие друг за другом, но и находящиеся одно от другого на значительном расстоянии. Лексические повторы могут сопровождаться грамматическими средствами связи предложений. Но даже не поддержанные грамматическими средствами, они сами по себе представляют весьма выразительный способ связи, так как непосредственно отражают смысловое содержание отрывка текста. И с точки зрения стилистического эффекта всей конструкции в целом даже одни только простые лексические повторы являются действенным средством повышения выразительности художественной речи.²⁰

Появление в более или менее объемном отрезке текста слов, родственных по своей семантике, хотя бы даже и принадлежащих к разным разрядам, служит не только формальным, но и смысловым средством цементирования этого отрывка в некое законченное целое. Это и понятно, ибо трудно представить себе изложение единой микротемы, каковой и является сверхфразовое единство,

²⁰ См. также: Ионице М. П. Глоссарий контекстуальных связей. Кишинев, 1981, с. 72—74.

в которой не было бы смысловых связей между словами, входящими в предложения этой микротемы.

Но смысл и формальная языковая структура любого высказывания идут рука об руку, выполняя общую цель передачи определенной информации.

Велика роль лексики в отношении членения текста на отдельные отрезки, представляющие собой некие более или менее законченные микротемы, так или иначе входящие в общую цепь повествования или описания, располагаясь на центральной их линии или на периферии. Но каждая такая микротема имеет свое собственное ограниченное содержание. И именно лексика при любых синтаксических структурах, обеспечивающих построение данного отрезка текста, непосредственно отражает его содержание, называя предметы (лица, действия, события, явления), о которых идет речь.

Каковы отношения между ними — покажет грамматика (морфология и синтаксис), но что является субъектом, с какими предметами, лицами, событиями субъект сталкивается, каковы условия, в которых происходит то, что происходит, — становится известным из лексики.

Для того чтобы выразить языковыми средствами, в каких отношениях находятся явления окружающего человека мира, — нужна грамматика; для того, чтобы назвать то, что окружает человека в мире, — необходима лексика.

Повторение в следующих друг за другом предложениях одного и того же слова делает его если не центром, то во всяком случае важным составным элементом высказывания, настойчиво привлекающая к нему внимание слушателя или читателя: Тем самым предложения, в которых оно появляется, оказываются между собой связанными:

— Pour moi, dit Marthe en entrant, il arrivera *de nuit*. Il est arrivé *de nuit*. Il est parti *de nuit*. Il arrivera *de nuit*. (Giono)

Il se dressa. La petite fille abandonnée *le regardait* d'en bas en essayant de parler. La jeune femme *le regardait*. Matelot *le regardait*. (Giono)

Особым видом лексического повтора является повтор корня в словах, относящихся к разным частям речи:

Je vis. *Je suis vivant*. *Je suis encore vivant*. *Je suis toujours vivant*. *Je ne suis plus qu'une source de vie*. *L'ivresse de la vie me gagne*. On dit «*L'ivresse du combat*», c'est *l'ivresse de la vie*. (Saint-Exupéry)

Читая или слушая такого рода фрагмент текста, можно почувствовать, как стилистически насыщено повторение понятия «жизнь». Слова *toujours*, *encore* усиливают, повышают общую экспрессивность высказывания.

Целостный характер сверхфразового единства, единство темы заключенного в нем высказывания подчеркиваются постоянным повторением в нем не только одного, но двух, трех и более слов, к которым постоянно возвращается мысль как пишущего, так и читающего:

L'après-midi avait envahi presque toute la chambre. *L'après-midi, la guerre. La guerre*, ça devait ressembler à un interminable *après-midi*. (Sartre)

Alexandre ouvrait une *boîte de singe*. Maillat le regardait faire en souriant, parce qu'il savait que c'était une des choses qu'Alexandre aimait le mieux faire. Et c'est vrai qu'il avait vraiment une façon admirable de les ouvrir, *les boîtes de singe*. Il tirait la grande lame de son couteau de poche, l'enfonçait dans *la boîte* d'un coup sec, et avec un sûr mouvement de poignet, la promenait dans le métal aussi facilement que si ça avait été du beurre. Il découpait ainsi, sans à coup, sans bravoure, un disque presque parfait qui, à la fin, ne tenait plus que par un fil. Il repliait alors le disque en arrière et faisait sauter *le singe* dans le plat de campement. Puis, sans se déranger, il jetait *la boîte* dans une caisse qu'il avait placée à cet effet à cinq mètres environ, contre le mur du Sana. Il ratait rarement son but. *La boîte* tintait, en retombant, sur d'autres *boîtes* vides. Ce petit bruit faisait plaisir à Alexandre. Il se disait qu'une fois de plus tout était dans l'ordre. *Le singe* dans le plat de campement, *la boîte* vide dans la caisse aux *boîtes vides*, et lui, Alexandre, en train de touiller *le singe*.

Alexandre releva la tête. . . (Merle)

Сложный узор повторяющихся в тексте слов связывает иногда в единое целое довольно большие отрезки текста. Чаще всего — это описания ситуации, на фоне которой совершаются события, картина этих событий, развертывающихся на глазах наблюдателя — автора или персонажа повествования. Повторение лексических элементов описания объединяет последовательно связанные предложения в одно сверхфразовое единство.

Этот прием особенно свойствен писателям, произведения которых отличаются большой эмоциональной насыщенностью или картинностью, и язык которых обладает способностью производить высокий стилистический эффект. К таким писателям относятся, например, А. Сент-Экзюпери, Р. Мерль, М. Дюра, А. Лану, А. Боско и многие другие современные писатели Франции:

Nous n'étions plus certains de *rejoindre la côte* car l'essence manquerait peut-être. Mais, *la côte* une fois *rejointe*, il nous eut fallu retrouver l'escale. Or c'était l'heure du coucher de *la lune*. Sans renseignements angulaires, déjà sourds, nous devenions peu à peu aveugles. *La lune* achevait de s'éteindre, comme une braise pâle, dans une *brume* semblable à un banc de neige. Le ciel, au-dessus de nous, à son tour se couvrait de *nuages*, et nous naviguions désormais entre ces *nuages* et cette *brume*, dans un monde vidé de toute lumière et de toute substance. (Saint-Exupéry)

. . . Deux soldats en bras de chemise, la cigarette aux lèvres, remettaient de l'ordre parmi les morts. Ils avaient une pile de *couvertures* à côté d'eux, et des *brancards* pliés. On ne voyait pas de sang, mais des débris informes recouverts de lambeaux kaki. Les deux hommes prénaient une *couverture*, y rassemblaient au hasard ces débris, et quand cela faisait un volume convenable, ils posaient le

tout sur un *brancard*. Ils travaillaient sans hâte, méthodiquement. (Merle)

. . . De grosses gouttes de sueur perlaient sur son front. Il les essuya d'un revers de main, décrocha son *quart*, le trempa dans un boutéon de *vin* qui *fraichissait* sous la roulotte, et but longuement. Il avait le *quart* bien en main, et le *vin* coulait, *frais* dans sa gorge, et le métal du *quart* était *frais* entre ses lèvres. Et c'était son *quart*, en outre. . . (Merle)

Sur sa droite, entre deux maisons détruites, Maillat remarqua dans un enclos un *cheval* mort. Il était étendu les quatre *pattes* en l'air, le ventre énorme. A quelques mètres de lui, deux autres *chevaux* se dressaient, immobiles. L'un d'eux était *blessé* à l'épaule. L'autre se tenait près de lui, croupe contre croupe, et de temps en temps lui léchait sa *blessure*. Tout a coup le *cheval blessé* leva la tête comme s'il allait se mettre à hennir. Sa gueule s'entrouvrit, mais aucun son ne sortit. *Il agita alors la tête* de droite à gauche, et Maillat vit dans un éclair ses yeux tristes et doux se poser sur lui. De nouveau le *cheval blessé* leva la tête, puis il recula d'un pas, posa son museau sur l'encolure de son compagnon, et ferma les yeux. Il resta ainsi quelques secondes, dans une attitude indéfinissable de lassitude et de tendresse. Ses *pattes* de derrière n'arrêtaient pas de trembler. (Merle)

Этот отрывок начинается с образа мертвой лошади, лежащей на земле с поднятыми кверху ногами, и заключен он также картинной дрожащих ног смертельно раненной лошади. Слово *pattes* начинает и кончает сверхфразовое единство.

Как было показано выше, повторение слов в соседних предложениях образует подчас как бы «цепочку» в тех случаях, когда слово, заканчивающее первое предложение, начинает следующее. При этом, как правило, в первом предложении оно играет роль ремы, или, во всяком случае, входит в группу ремы, во втором — оно тема. Такое рема-тематическое чередование само по себе уже служит связи предложений в сверхфразовое единство. Здесь же это закрепляется еще и лексическими повторами:

J'ai prit le sentier de *l'embarcadère*. A *l'embarcadère*, personne. (Bosco)

Maillat regarda *Dhéry*. *Dhéry* était pâle, et sa lèvre supérieure était travaillée par un tic. (Merle)

Or ma nouvelle solitude ne me pesait pas; elle m'allégeait. J'avais *rompu*. Je ne voyais point trop encore sur quoi portait cette *rupture*, car j'étais obcédé par une sensation mal défini, mais d'une puissante présence, qui m'exaltait et m'emplissait de crainte; et c'était d'être *détaché*, libre peut-être. . . *Détaché* des miens, que j'aimais; et déjà sur le fil du *fleuve* mystérieux, ce *fleuve* qui coulait en moi et dont j'avais toujours ignoré l'existence, tout à coup révéilé par les bruits de ses *flots* et la vision, confuse encore, de ses rives. J'ai traversé par de grandes *eaux* sombres, et cette idée me hanta si tragiquement que, vers cinq heures, je sortis de la maison, malgré la neige, pour aller vers le *fleuve*. (Bosco)

Ощущение единства содержания отрезка текста усиливается при повторении слов не только от предложения к предложению, но и в пределах одного предложения:

Quand le bavardage de Mme Dodin et de Gaston cesse, vers six heures et demie, il est relayé par le grondement de la benne à ordures qui débouche dans la rue Sainte-Eulalie. C'est *chaque matin* que vient cette benne, *chaque matin, chaque jour* de l'année. La plupart du temps on dort et *on ne l'entend pas*, mais lorsque on *l'entend* on sait qu'il a lieu *chaque jour*. *On l'entend* bien comme un bruit nécessaire de *chaque jour* organique de *chaque vie*, mais qui à cause de l'ensemblement des choses dans l'habitude, le plus souvent vous échappe. Comme parfois son coeur. Et aussi, parfois, le train, à l'occasion d'un voyage, d'une promenade à la campagne. Une locomotive passe, et nous voilà soudain transportés dans l'univers des locomotives qui passent. Et on se souvient. Il en existe des milliers d'autres dans le monde, qui passent quelque part, comme ça, pour d'autres que soi. Voilà qu'on se retrouve dans le monde des locomotives du monde, dans son monde si plein de locomotives qui, dans des milliers de directions, filent en charriant des wagons pleins de contemporains qui se déplacent, voyagent. Et de même pour la benne. La benne me transporte dans le monde des poubelles de mon monde, de ces poubelles pleines d'épluchures et déchets de mes contemporains qui vivent, mangent, mangent, pour se conserver, durer, durer le plus qu'ils peuvent, et qui digèrent, assimilent, suivant un métabolisme qui nous est commun, avec une persévérance si grande, si grande vraiment, quand on y pense, qu'elle est aussi probante, plus probante, à elle seule, de notre commune espérance que les plus fameuses de nos cathédrales. Et cet énorme chant de l'humaine rumination chaque jour commencée, chaque jour repris à l'aurore, par la benne de sa rue, c'est le chant, qu'on le veuille ou non, de l'irréductible communauté organique des hommes de son temps. Ah! plus d'étranger ni d'ennemi qui tienne devant la benne! Tous pareils devant la gueule énorme et magnifique de la benne, tous estomacs devant l'éternel. Car pour la benne grosse gueule de la benne, pas de différences. Et en fin de compte, ô locataire du quatrième qui me veut tant de mal, de même l'os de ma côtelette se mêle sans façon à celui de la tienne, dans le ventre original, dans le ventre dernier de la si bonne benne.

Parfois, cela arrive, le balayeur lui aussi donne son avis sur le temps qu'il fera. . . (Duras)

Единство содержания может выражаться в наличии в предложении нескольких слов одной семьи, слов, называющих предметы и явления, относящиеся к одной определенной области жизни:

— Pour sortir, la casquette, ça fait sportif. — Oui, mais le chapeau, lui, fait plus chic. — Par contre, le béret est typiquement français. (Humanité)

Все три слова из приведенной рекламы служат названиями разного типа головных уборов, но фразы объединяются тем, что во всех трех речь идет о головных уборах.

Слова, относящиеся друг к другу как часть к целому, слова, противоположные по значению (антонимы) и любые другие «тропы» и «фигуры» могут служить связи предложений в рамках сверхфразового единства:

Un paquet de neige tombe du *sapin*. La *branche* a à peine *bougé*. Déjà elle est *immobile* comme avant. (Giono)

Представление о дереве обязательно связано с представлением о его ветвях. Поэтому слово, обозначающее ветку, получает определенный артикль и семантически и формально объединяется с предыдущим предложением. Метонимический повтор целое/часть связывает два первые предложения в единое целое. Противоположность представлений о движении, обозначенном глаголом *bouger*, и о неподвижности — в слове *immobile* привязывает третье предложение ко второму.

«Автомобиль» — название рода транспортного средства. Но автомобили бывают разных видов, разных типов, разных назначений. Мысль об автомобиле связана с представлением, хотя бы самым общим, о его частях, о том, что автомобиль катится по дороге и т. д. В отрезке текста, в котором речь идет об автомобиле, естественно появится целый ряд слов, имеющих ко всему этому отношение:

A mesure que Maillat se rapprochait de Sana, les *autos* devenaient plus nombreuses. Il y avait de toutes les dimensions et de toutes les formes, d'énormes *camions Renault*, des petites *camionnettes* anglaises trapues comme des chars, des *402*, des *tractions avant*. A presque toutes, il manquait une *roue*, quelquefois deux. Les petites *Austin* n'en avaient plus du tout. Elles gisaient sur le dos comme des scarabées kaki qu'un enfant se serait amusé à retourner du plat de la main. Maillat se demanda une fois de plus ce que les gars qui les avaient enlevées pouvaient bien faire de toutes ces *roues*. Seuls, les plus gros *camions* auraient pu encore *rouler*. Quelques *moteurs* avaient bien été sabotés, conformément aux ordres. Mais la plupart étaient intacts. Les réservoirs regorgeaient d'essence. Maillat haussa les épaules. Une *auto*, les copains et lui en avaient une. Une *ambulance* anglaise que Dhéry avait «récupérée». Elle leur servait de *roulotte* pour dormir. Il y en avait maintenant plus qu'on en voulait, des *autos*! Et des *motos*, il y en avait suffisamment pour en charger tous les dix mètres pendant dix kilomètres.

Non, pensa Maillat, ce qui manque maintenant, ce ne sont pas les *autos*. C'est la *route*. (Merle)

Естественно в отрезке, посвященном строительству дома, употребление лексики, имеющей отношение к этой работе. Но именно такая родственная лексика осуществляет формальную связанность отрывка:

C'était un *chantier* comme il en existe. D'une destination particulière, il est vrai. Il illustre à merveille le développement de la vertu de prévoyance chez l'homme, vertu qui trouvait à s'exercer là même avec une placidité tout de même assez étonnante. Les *ouvriers* qui y travaillaient se comportaient avec autant de naturel

que s'ils avaient été occupés à n'importe quel autre *travail de terrassement* ou de *massonerie* que celui-là.

Même ils étaient plutôt gais et tranquilles. Parfois, l'un ou l'autre roulait une cigarette et la fumait assis sur une pierre. Avec le déjeuner de midi c'était leurs seuls moments de répit de la journée. Les uns *charriaient du sable et des pierres* du torrent asséché qui bordait l'allée, les autres *coulaient du ciment*. Certains d'entre eux *tendaient des ficelles* avec beaucoup de minutie. Ceux-là seuls semblaient animés d'une volonté mystérieuse. Ceux-là seuls savaient jusqu'où devait s'étendre la *nouvelle construction*, quelle devait être sa contenance. Ils *tendaient des ficelles* d'un point à l'autre de la prairie hors des limites de l'ancienne *construction*. Puis, des *ouvriers* se mettaient à bêcher le long *des ficelles tendues*. Une partie de la prairie se trouvait déjà enfermée par l'ensemble que formaient *les murs, les fossés et les ficelles*. Le *chantier* se réduisait à la *construction de ces murs* qui prétendaient renfermer à jamais une partie de la prairie. La portion de prairie que l'on avait décidé d'enfermer ainsi était à peu près aussi importante que celle qu'avait jusque-là contenue l'ancienne enceinte.

Le mur qui avait été abattu permettait de voir parfaitement cette ancienne partie, entièrement utilisée, et répondant dans chacun de ses mètres carrés à la même destination, remplie peu à peu selon un rythme imprévisible mais fatal. (Duras)

Употребление в предложении слова, называющего явление или предмет, обусловленные содержанием предыдущего текста, представляет собой своеобразное повторение если не в полном смысле этого слова, то во всяком случае в том смысле, что это слово оказывается элементом некоего комплексного образа: ❏

Une *cloche* se mit à *sonner*. Le *clocher* devait être très haut dans la montagne. Le *son* venait comme du ciel. (Giono)

Повторяться могут не только отдельные слова или словосочетания, но и целые синтагмы; при повторении словосочетаний и целых синтагм возможно некоторое варьирование слов, их количества и порядка, их расположения внутри группы:

«Il faut bien que j'aie *mon coin à moi!*» disait James en parlant de la taverne Royale.

Il avait non seulement *son coin à lui*, mais *son monde à lui*, qu'il créait de toutes pièces à coups de Pernod ou de fine et dans lequel il évoluait, impassible, indifférent aux choses réelles.

Un monde un peu flou, un grouillement de fourmilière, d'ombres inconsistants où rien n'avait d'importance, où rien ne servait de rien, et où l'on marchait sans but, sans effort, sans joie, sans tristesse, dans un brouillard cotonneux.

Un monde où, sans en avoir l'air, James, avec sa tête de clown et sa voix indifférente, avait fait peu à peu pénétrer Maigret. (Simenon)

Mathieu dormait et *la guerre était perdue*. Jusqu'au fond de son sommeil, *elle était perdue*. La voix le réveilla en sursaut: il gisait sur le dos, les yeux clos, les bras collés au corps et *il avait perdu*

la guerre. Il ne se rappelait plus très bien où il était, mais il savait qu'il avait perdu la guerre. (Sartre)

Moi, par exemple, je sais que Bayle aime Fleur. Ce soir, ils dîneront ensemble, il l'emmenera au concert. C'est de l'autre côté de la vie. *Ça ne m'intéresse pas profondément* que Fleur fasse ci ou ça. *Ça ne m'intéresse pas profondément* en temps normal, mais maintenant je n'ai plus de vengeance et *ça m'intéresse profondément*.

D'une certaine manière, je suis toujours libre, mais ils m'ont pris Fleur, et ils m'ont pris à Fleur. (Courtade)

Dans les cellules voisines, des garçons ont chanté. Il y en avait un qui était condamné à mort et qui le disait. Mais celui qui était condamné à mort avait du courage parce qu'il était brave et que tous l'aimaient, et les autres avaient du courage parce qu'ils n'étaient pas condamnés à mort. Mais rien ne prouve qu'ils n'auraient pas eu autant de courage s'ils avaient été condamnés. On ne sait pas d'avance. (Courtade)

Лексические повторения в присоединительных конструкциях (которые по самой своей природе являются компонентами сверхфразовых единств) усиленно подчеркивают их тесную связь с основным предложением. В присоединительных конструкциях встречаются повторы всех типов: простые повторы, метонимические, развернутые в виде поэтического образа или стилистически нейтральные, повторы слов и словосочетаний:

Elle couchait maintenant toujours dans *la chambre*, abandonnant le divan du petit bureau. . . Mais de *la chambre*, elle n'utilisait que le lit. . . (Triolet)

Une occasion unique s'était offerte de régénérer ce *peuple*. Une *fortune*. Un coup de *fortune*. Une occasion qui ne se représentera jamais. Comme il n'y a pas deux, dans la vie d'un *peuple*. Comme ça n'arrive pas deux fois. Comme il n'en est pas donné deux à la même *personne*, homme ou *peuple*. A la même *histoire*. A la même *aventure*. (Péguy)

Elle se tait. Et dans *ce silence*, par elle provoqué, le souvenir gracieux d'une douleur ancienne se glisse dans les entrailles de M. Andemas. (Duras)

Для пояснения, уточнения предмет, названный в основном предложении определенным словом, может получить иное наименование в присоединительной конструкции:

Vous savez peut-être qu'à une certaine époque Tristan Bernard eut un *tréâtre* à lui, dans je ne sais plus quel quartier excentrique. *Une salle* où il ne venait personne et qui, si je me souviens bien, portait son nom. (Cl. Mauriac)

C'est exactement *l'urgence* qui m'a empêché de l'attendre tout à l'heure. *Un suicide manqué*. Il nous est arrivé cette nuit. (Lanoux)

В присоединительных конструкциях, одной из функций которых является дополнять содержание ранее сказанного, зачастую повторяется то же слово, но сопровождаемое неким новым признаком:

On sent chez lui *une pauvreté incurable*. *Pauvreté matérielle*,

car il est mal payé. *Pauvreté intellectuelle*, qui ne lui a pas permis d'arriver plus haut. (Vaillant-Couturier)

Qui aime et veut nourrir sa femme ne s'amuse guère à faire ici de l'amour-propre, à chercher *la ligne précise* entre l'art et le métier. *Ligne en réalité fictive*. (Michelet)

Le lendemain matin après une nuit passée dans une chambre qui lui parut celle d'une dogaresse, Jean-Noël, rasé de près, vêtu de clair et ayant pris son petit déjeuner servi à l'anglaise par Guglielmo, sortit en compagnie de Christian. Il allait enfin découvrir, connaître, reconnaître *Venise*. Comme pour tout lieu trop célèbre et trop décrit, trop peint, trop reproduit, il s'apprêtait à être déçu. C'était une précaution intérieure qu'il prenait.

Et Venise s'offrit à lui, dans le matin et le soleil, plus belle, plus somptueuse, plus diverse, plus étonnante que toutes les proses, tous les poèmes, tous les tableaux. *Venise* ou s'épuise l'épithète. *Venise à l'extrême limite entre la splendeur et le mauvais goût*. *Venise orientale*, fabuleuse, posée sur sa lagune, ville surgie d'un miroir, *Venise avec ses portes qui s'ouvrent sur l'eau morte* et ses escaliers plats qui se prolongent sous l'onde dans leur image inverse, *Venise plus pâle et plus fraîche*, et plus ombreuse en ses couleurs, qu'on ne l'attendait, parce que débarrassée du vernis jaune dont sont couverts les toiles de musées, *Venise avec ses jardinets suspendus*, avec ses mousses murales, et son algue sournoise, poisseuse, où la semelle glisse, *Venise à la fois grouillante et lente*, parce que sa foule, depuis des siècles, se règle au métronome des gondoles. *Venise miraculeuse*. . .

«Allons à pied», avait dit Christian. (Druon)

Лексические повторы редко выполняют изолированную функцию связи компонентов сверхфразового единства. Как правило, они сочетаются с повторами грамматическими, с анафорическим употреблением местоимений, с индивидуализирующим значением артикля. Но непосредственно, лексически отражая предмет, содержание речи, лексические повторы оказываются ярчайшим средством передачи коммуникативной насыщенности сообщения.

Именно вследствие этой содержательной насыщенности лексико-грамматические повторы внутри сверхфразового единства дают высокий художественный эффект, обусловленный крайней степенью экспрессии, в большой мере свойственной таким конструкциям и вызываемой настойчивым возвращением к одному образу, который находится в центре восприятия слушающего или читающего. Такого рода лексико-грамматические структуры несомненно повышают, усиливают художественность речи.

Personne ne savait rien. *Ils évacuaient*. *Aucun refuge n'était plus disponible*. *Aucune route n'était plus praticable*. *Ils évacuaient* quand même. On avait donné dans le Nord un grand coup de pied dans la *fourmilière*, et les *fourmis* s'en allaient. *Laborieusement*. *Sans panique*. *Sans espoir*. *Sans désespoir*. *Comme par devoir*. (Saint-Exupéry)

Maillat *sourit*. Puis son *sourire* s'effaça. Il venait de remarquer, de l'autre côté de la grille du Sana, plusieurs rangées de *brancards*

posés à même le sol. Des *couvertures* les *recouvraient* complètement, dessinant des formes humaines immobiles. Sur un des *brancards* la *couverture* s'était trouvée trop courte, et laissait voir deux pieds *chaussés de brodequins* avachis. On ne voyait pas de *chaussettes*, mais un peu de peau blême à même le cuir. A l'un des *brodequins*, les lacets avaient été remplacés par un morceau de ficelle. Maillat n'arrivait pas à détacher son regard de ces *chaussures* misérables. Au bout d'un moment il se leva et alla s'asseoir contre le mur du Sana. (Merle)

Duterte et moi nous regardons, à travers la fenêtre, un ciel *calme*. . . Je n'opposerai pas *l'été*, les fruits qui mûrissent, les pous-sins qui prennent du poids, les blés qui lèvent, à *la mort* si proche. Je ne vois pas en quoi le *calme* de *l'été* contredirait *la mort*, ni en quoi la douceur des choses serait ironie. Mais une idée vague me vient: «C'est un *été* qui se détraque. Un *été* en panne. . .» J'ai vu des bat-teuses *abandonnées*. Des faucheuses-lieuses *abandonnées*. Dans les fossés des routes, des voitures *en panne abandonnées*. Des *villages abandonnés*. Telle fontaine d'un *village* vide laissait couler son *eau*. *L'eau* pure se changeait *en mare*, elle qui avait couté tant de soins aux hommes. Tout à coup une absurde image me vient. Celle des *horloges en panne*. De toutes les *horloges en panne*. *Horloges* des églises de *village*. *Horloges* des gares. *Pendules* de cheminée des mai-sons vides. Et, dans cette devanture d'*horloger* enfui, cet ossuaire de *pendules* mortes. La guerre. . . *on ne remonte plus les pendules*. *On ne ramasse plus* les betteraves. *On ne répare plus* les wagons. Et *l'eau*, qui était captée pour la soif, ou pour le blanchissage des belles dentelles du dimanche des *villageoises*, se répand *en mare* devant l'église. *Et l'on meurt en été*. . . (Saint-Exupéry)

Выполняя в дальнейшем функцию повторной номинации, существительное или глагол в начальном предложении сверхфразового единства непосредственно обозначают соответствующий денотат, являющийся предметом речи. В последующих предложениях он может обозначаться либо 1) тем же самым словом, как мы это видели выше, либо 2) другим существительным или другим глаголом, значение которого в определенном контексте может считаться синонимичным значению первого, либо 3) словом, обозначающим данный денотат через его характерную черту, либо 4) (для существительных) существительным широкого значения, находящимся с первым в отношении род/вид.

Повторная номинация синонимами:

. . .l'Allemand rasé, qui, depuis deux jours, se mettait à table en chandail, se contentait de manger avec une application qui frisait la gloutonnerie.

Parmi les charcuteries servies chaque soir, il y avait de la langue qui devait être son plat préféré car, régulièrement, il s'en *coupait* jusqu'à dix tranches, qu'il enduisait de beurre avant de les avaler.

Encore les *taillait*-il si épaisses que le steward ne manquait pas de lancer un coup d'oeil inquiet au capitaine, avec l'air de dire:

«Nous n'en aurons jamais pour tout le voyage!» (Simenon)

Глаголы *couper* и *tailler* обозначают в данном тексте одно и то же действие, возможные для них различия в значениях здесь несущественны. Так же, как в следующем отрывке глаголы *mourir* и *trépasser*:

— Tant de douleurs et de craintes ne peuvent-elles pas faire *mourir* une femme avant âge? Dieu m'est témoin que je ne voudrais pas *trépasser* en laissant mes enfants livrés à ce chacal. (Druon)

Предложение, в котором повторяется предмет речи, получающий одновременно дополнительную характеристику, оказывается компонентом сверхфразового единства; оно связывается с предыдущим текстом благодаря тому, что оба существительные имеют общий денотат. Прием метонимического обозначения предметов речи распространен чрезвычайно широко. Именованье одного и того же объекта разными словами снимает монотонность, создает впечатление разнообразия, богатства речи. В то же время разные слова могут подчеркивать разные стороны и разные свойства описываемого предмета, что в еще большей степени привязывает одно предложение к другому:

Robert D'Artois écoutait, regardait son cousin sans jamais se lasser, à la fois amusé et fasciné. Valois était son «grand homme», le seul être avec lequel il eût accepté d'échanger sa peau. *Le géant*, qui n'était dévoué qu'à lui-même, se sentait presque capable, pour Valois, de dévouement. (Druon)

Робер д'Артуа, отличавшийся огромным ростом, во втором предложении назван «гигантом».

Et lorsque *Valois* s'écriait parfois: «J'ai perdu ma vie! Le sort m'a toujours trahi!» c'était parce qu'il s'imaginait qu'il aurait pu reconstituer sous sa domination, de l'Espagne au Bosphore, le monde romain tel qu'il était mille ans auparavant, au temps de l'empereur Constantin.

Ce grand seigneur mégalomane avait un tempérament d'aventurier, un comportement de parvenu et des presciences de fondateur de dynastie. (Druon)

Messire de Bouville ne reprit un peu d'allant que cinq jours plus tard en débarquant à *Aigues-Mortes*.

Ce port, d'où jadis saint Louis était parti pour la croisade, et dont la construction n'avait été achevée que sous Philippe le Bel, était de nouveau la France. (Druon)

Такая повторная номинация не может считаться денотативно избыточным повтором, так как содержит в себе некую дополнительную информацию о предмете речи:

On arrachait des murs tapisseries et tentures; on raflait l'argenterie sur les crédences.

Puis, un peu calmés mais toujours menaçants, *les insurgés* firent remonter Jeanne et ses femmes dans le grand char doré; . . . et le char s'engagea sur la route d'Hesdin. . .

Les alliés, de cette façon, étaient sûrs maintenant de parvenir jusqu'à la comtesse Mahaut. (Druon)

On hissa *Cornillot* dans un arbre où on le lia par les aisselles, puis . . . on coupa la corde et on le laissa tomber sur le sol. *Le malheureux*, les jambes brisées, hurla tout le temps qu'on creusa sa tombe. (Druon)

On parla peinture. *William* admirait beaucoup celle d'André. Du moins l'affirmait-il. André n'en croyait pas un mot. Tout ce qui venait de cet *intrus* était suspect à ses yeux. Pourtant il devait convenir que *l'homme* n'était pas sot. (Troyat)

. . . Gabrielle Berlicaut, malgré la scène mouvementée à laquelle elle avait participé, se tenait calme et digne au milieu de la salle. Elle inclina gracieusement le buste, lorsque le maire lui présenta *M. Emile Drapeur* et *M. Jacques Parpoil* qui était son secrétaire. *Le premier* avait un long corps sec, un visage noble et froid, que des cheveux blancs plaqués rendaient encore plus glacial. Quant à *M. Parpoil*, il paraissait d'une rondeur malsaine, et il portait une barbe rousse. Mlle Berlicaut fut désagréablement impressionnée par le *secrétaire*, mais lorsque les yeux de *M. Drapeur* l'eurent fixée un instant, elle fut frappée par l'intelligence qui les enflammait. (Dhôtel)

Наряду с такими повторами нейтрального, объективного характера в художественной литературе часто встречаются повторы, создающие определенный стилистический эффект.²¹ Это — повторение слова нейтрального значения поэтическим его образом:

La nuit. Il reconnaît *la nuit*. *La soeur du silence* comme un grand oiseau se gonfle et se moule dans la chambre. (Soupault)

Ночь — «сестра молчания» — поэтический образ, свойственный изысканному художественному стилю писателя.

Nous sommes *l'arrière-garde*; et non seulement *une arrière-garde*, mais *une arrière-garde* un peu isolée, quelquefois presque abandonnée. *Une troupe en l'air*. (Péguy)

Повторяться могут целые словосочетания, и повторять их могут также словосочетания-метафоры:

— C'est très joli de naviguer à la boussole, en Espagne, au-dessus *des mers de nuages*, c'est très élégant, mais. . .

. . . Et plus lentement encore:

— . . . mais souvenez-vous: au-dessus *des mers de nuages*. . . c'est l'éternité.

Voici que brusquement, ce monde calme, si uni, si simple, que l'on découvre quand on émerge des nuages, prenait pour moi une valeur inconnue. Cette douceur devenant *un piège*. J'imaginai *cet immense piège blanc* étalé, là, sous mes pieds. . . *Cette glu blanche* devenait pour moi la frontière entre le réel et l'irréel, entre le connu et l'inconnu. Les montagnards connaissaient aussi *les mers de nuages*. Ils n'y découvraient cependant pas *ce rideau fabuleux*. (Saint-Exupéry)

Нейтральное обозначение *nuages* в поэтическом образе *mer de*

²¹ См.: Гак В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование. — В кн.: Вопросы французской филологии. М., 1972, с. 123—136.

pièges дальше повторяется в других, равным образом поэтических вариантах: piège blanc, glu blanche, rideau fabuleux.

Ранее данное конкретное обозначение денотата может повторяться в дальнейшем слове широкого значения, включающего в плане отношения род/вид частное значение существительного, которым был назван денотат.²²

В такой роли слова широкого значения служат организации текста, связывая его компоненты в единые комплексы и разнообразя лексическое наполнение текста. Не обозначая конкретного референта, т. е. не выполняя функции прямой номинации, такие слова служат осуществлению косвенной номинации. Выполняя в тексте формальную функцию связи предложений, они в то же время являются полнозначными словами, получающими в тексте определенное узкое значение в соответствии со значением существительного, ими повторяемого, с общим содержанием высказывания, с ситуацией, в которой реализуется речевой акт.

On n'y vendait pas des bijoux de grand luxe. Sur la plupart des objets exposés se lisait la mention «en réclame» (Simenon)

Драгоценные украшения являлись именно теми «предметами», которые были выставлены в витрине магазина.

Une seule fois dans sa vie alors qu'il avait une douzaine d'années, il avait essayé de couper le cou à un poulet. . . Il s'en souvenait encore. Il était pâle, les narines pincées. Les plumes palpitaient dans sa main. L'animal battait d'une aile. Il ne parvenait pas à lui maintenir la tête sur le billot. . . Son premier coup avait été si maladroit qu'il n'était parvenu qu'à blesser la volaille. . . Il n'en avait pas mangé. Il n'avait plus tué de poulet de sa vie. (Simenon)

Вместо того чтобы повторить слово poulet, автор называет его в следующих предложениях словами animal, volaille, в последнем предложении отрывка опять возвращается к poulet.

Как замечает В. Г. Гак,²³ во французском языке относительно редко простые повторения одного и того же слова в последовательно расположенных предложениях, хотя у некоторых авторов мы их и встречаем. Стремление к разнообразию, очевидно, заставляет французских писателей прибегать к приемам «вторичной номинации» посредством синонимов, слов-заместителей, посредством метонимических повторений.

Если в повторной номинации участвуют существительные, которые имеют очень широкое значение, они представляются почти десемантизованными и способными обозначать не только отдельный конкретный денотат, но любое явление, целую ситуацию, выраженную ранее отдельным предложением. При этом они сохраняют свою строевую функцию в пределах сверхфразового единства, связывая его компоненты.

²² В. Г. Гак называет такую повторную номинацию «градацией» (см.: Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977, с. 138).

²³ Там же.

К таким существительным относятся слова типа *chose, cas, sorte, objet, événement, fait* и некоторые другие.

— Qui est-ce qui s'est vanté d'avoir tué trois nègres? Qui est-ce qui s'est vanté d'avoir passé sa vie à humilier ses employés? Vous croyez que j'ai oublié? . . .

Cela vous ennuie peut-être que je vous rappelle *ces choses?* Et les petits trafiquants que vous avez ruinés sciemment. . . (Simenon)

— Nous ne travaillerons plus ce matin, annonça-t-il.

— Dans *ce cas*, si vous le voulez bien, je sortirai. (Simenon)

В приведенных примерах *ces choses* и *ce cas* соотносятся с содержанием в первом случае трех вопросов, во втором — с ситуацией, заключенной в предшествующем предложении.

Подобные слова принято называть словами «неполной номинации». Может быть, было бы точнее считать их словами «широкой номинации», ибо они обозначают широкий круг явлений, объединяемых в один класс.

Существительным, повторяющим ранее данные обозначения объекта речи и выполняющим функцию повторной или косвенной номинации, свойственно, таким образом, анафорическое употребление.

C'était *Robert d'Artois* qui, au centre d'un cercle d'admirateurs, *tordait un fer à cheval entre ses doigts*. On venait de dire devant lui que le roi Philippe était capable de le faire en sa jeunesse, et *le géant* tenait à montrer que *cette sorte de talent* était répandu dans la famille. (Druon)

Во втором компоненте сверхфразового единства Робер д'Артуа назван «гигантом»; сгибание пальцами подковы — «особым видом способности», свойственной членам королевской семьи.

— Il faudrait donc vous obtenir sept voix. Pensez-vous que certaines puissent être acquises par argent? J'ai moyen de vous laisser quelques fonds. Combien comptez-vous par cardinal?

Bouville crut avoir amené *la chose* fort habilement; à sa surprise, Duèze ne parut pas bondir sur la proposition. (Druon)

Предложение подкупа было тем «делом», которое обозначено словом *chose*.

Возможно иное употребление — катафорическое — слов широкого значения. Они могут стоять в первом предложении и разъясняться в последующих. В первом предложении предмет речи представляется в общем виде, посредством слова обобщающего, широкого значения. В следующем (или: в следующих) предложении это общее расчленяется, конкретизируется:

Elle avait préparé un petit *souper*, mais ils y touchèrent à peine. . . Dédaignés, *le pain, le vin, la viande froide et les fruits* restèrent sur la table. (Troyat)

Словом *souper* обобщены все блюда, поставленные на стол. Оно катафорически выполняет функцию косвенной (предвосхищающей) номинации, повторяющейся расчлененно во втором предложении сверхфразового единства.

Значение слова широкого значения в катафорической функции может детализироваться не только отдельными же словами, но целыми предложениями. В таких случаях это слово — элемент первого предложения, за которым следуют предложения, раскрывающие его обобщенное значение. Вместе все это образует одно сверхфразовое единство.

Philippe de Poitiers leur parla longuement. Il leur démontra que la guerre civile n'apportait que le malheur, qu'ils étaient sujets du roi avant que d'être sujets de la comtesse Mahaut, et qu'ils devaient s'en remettre à l'arbitrage du souverain. . . (Druon)

В первом предложении читатель предупрежден глаголом *parla* о том, что Филипп обратится к сторонникам Робера с какой-то речью. Содержание ее детализировано в следующем предложении, представляющем собой необходимый компонент сверхфразового единства.

Повторная номинация в тексте не ограничивается только повторением одного слова в любом виде этого повтора, не ограничивается рамками собственно лексикки. Она может носить более широкий характер, хотя и выступая в пределах сверхфразового единства. Повторная номинация целой ситуации представляет собой как бы ее резюмирование, ее краткое обозначение, выраженное одним словом или, чаще, словосочетанием:

La résistance de Jeanne, son contrôle sur elle-même, cédèrent d'un coup. Brusquement, elle se mit à sangloter, se tourna vers le comte de Poitiers, vit qu'il lui souriait et se jeta dans ses bras en balbutiant:

— Philippe! . . Philippe! . . enfin, enfin, je vous ai retrouvé.

La dure comtesse Mahaut éprouva un petit pincement au coeur parce que sa fille s'était élancée vers son mari, et non vers elle, pour pleurer de bonheur.

«Mais que souhaitais-je d'autre? pensa Mahaut. Allons, c'est cela le plus important, j'ai réussi». (Druon)

Сла резюмирует всю предыдущую ситуацию, все старания Маго примирить свою дочь с мужем, выволить ее из изгнания. То, что Жанна получила прощение и помирилась с мужем, и было «самым главным» для ее матери.

— Voyez donc, messire de Souastre, regardez par cette fenêtre et dites-moi si vous auriez grand-chance d'échapper? . . Encore une fois, je vous dis que nous ne voulons point agir par violence, et je prie votre suzeraine de ne point user des armes contre vous. . . Tentons de résoudre autrement nos différends. . .

Cette alternance de menaces et de courtoisie les désorientait. (Druon)

«Чередование угроз и вежливости» характеризует весь предыдущий разговор, резюмирует его.

Здесь намечается переход от повторной номинации на уровне слова к повторной номинации на уровне предложения,²⁴ которая

²⁴ См. там же.

совершенно естественно участвует в организации текста, связывая компоненты сверхфразовых единств и связывая их между собой.

Повторная «заместительная» номинация в сверхфразовом единстве. Сообщение, имеющее в виду некое событие, явление, ситуацию, лицо или предмет, требует максимально точного их обозначения в тексте. Названный объект может повторно обозначаться одним и тем же словом на протяжении всего сверхфразового единства, всего отрезка текста. Но может обозначаться и разными словами. В начальном предложении сверхфразового единства он, как правило, обозначается словом, непосредственно представляющим называемый объект. Дальше его обозначение может осуществляться косвенным образом при помощи слова, которое либо является синонимом первого обозначения, либо называет объект речи косвенным образом, посредством «повторной номинации». Повторная номинация соотносится с первым обозначением объекта различным образом и осуществляется либо полнозначными словами, либо личными местоимениями, указательными и притяжательными местоимениями и прилагательными, играющими в этих случаях роль слов-заместителей, либо, наконец, существительным с определенным артиклем в индивидуализирующей функции, роль которого состоит в выражении связи объекта речи, обозначенного существительным, с ситуацией речи.

Повторная номинация объекта в ряде последовательно расположенных предложений служит их связи между собой в одно сложное высказывание, в одно сверхфразовое единство.

В такой роли связок компонентов сверхфразового единства употребляются личные местоимения и указательные местоимения:

Le r o i : Mais alors, on salit la fourchette?

Th o m a s : Oui. Mais ça se lave.

Le r o i : Les doigts aussi! Je ne vois pas l'intérêt. (Anouilh)

La journée qui commence sera belle. *Celle* d'hier compte parmi les plus lugubres de sa vie. (Bernanos)

. . . *Charles*, quand on le maria, manquait de discernement pour se chercher femme selon les exigences de son rang, et de volonté pour exprimer son choix, vu qu'il était incapable, simple et débile, et que, partant, le contrat n'avait point de valeur. *Inhabilis, simplex et imbecillus!* . . . Et chacun, depuis votre oncle Valois jusqu'à la dernière chambrière, s'est accordé à dire qu'il était bien *tout cela*, à meilleure preuve que feu la reine sa mère elle-même le trouvait si bête qu'elle l'avait surnommé oison! (Druon)

Tout cela повторяет, вернее, заменяет данную выше характеристику короля Франции: «неспособный, простоватый и глупый».

Подобно обобщающему существительному, в роли вторичной номинации в анафоре и катафоре, указательные местоимения могут либо повторять предыдущее наименование предмета речи, либо предвосхищать его:

Cela s'était fait par hasard dans le premier moment de la rencontre. Isabelle avait été surprise de voir apparaître Mortimer auprès du comte de Kent. . . Et Mortimer, sautant à terre, s'était élancé

vers la reine pour baiser le bas de sa robe; mais la haquenée avait bougé et les lèvres de Roger avaient effleuré le genou d'Isabelle. Elle-même avait machinalement posé la main sur la tête découverte de cet ami retrouvé. Et maintenant qu'on chevauchait, sur la route striée d'ombre par les branches, le contact soyeux de ses cheveux se prolongeait, comme encore perceptible et enfermé sous le velours du gant. (Druon)

Здесь местоимение *cela* предвосхищает всю следующую ситуацию встречи Изабеллы с Мортимером и испытанное ею ощущение его шелковистых волос под ее рукой.

Связывают между собой компоненты сверхфразового единства такие притяжательные и указательные прилагательные, имеющие в виду ранее упомянутое существительное:

Emile Ferchaux partit peu de temps après le repas. Il s'installa confortablement au fond de la voiture. Son chauffeur lui entoura les jambes d'un plaid, lui tendit une allumette pour son cigare. . . (Simenon)

Lina, le matin, n'avait rien compris à l'enthousiasme de son mari. Etait-il lui même capable d'analyser les sentiments qui l'animaient pour son patron qu'il connaissait depuis si peu de jours?

Il l'admirait. D'abord, il l'avait admiré d'être un homme aussi riche et aussi puissant, tout en étant choqué, voire indigné, par le peu d'usage qu'il faisait de sa fortune. (Simenon)

Указательные прилагательные в аналогичной функции употребляются в сущности так же, как определенный артикль при втором из повторяющихся существительных. Но в то время как определенный артикль объединяет в одно целое компоненты, представленные двумя последовательными предложениями, своим грамматическим значением, помещая существительное второго предложения в ситуацию, обрисованную первым предложением, указательное прилагательное обеспечивает такую же связь компонентов через их повторение, усиленное указательным значением прилагательного, которое подчеркивает принадлежность существительного к данной ситуации.

— Sais-tu qui sont ces gens-ci? me demanda-t-il tout à coup d'un ton sérieux, en m'arrêtant et en me désignant les salles d'un geste vague.

Frappé de *ce ton* de malaise si anormal chez Marino, je commençai à examiner l'assistance d'un oeil plus intéressé. (Gracq)

— Quoi, Louison, plaisanta Jacques, toi aussi, tu aimes *le civet*. Sache bien que de *ce civet-là*, je n'en ai pas goûté depuis longtemps. (Gamarra)

Augustin Thierry avait appelé l'histoire narration, Guizot-analyse; je l'appelle *résurrection*. Et *cette résurrection*, Michelet l'a opérée à sa manière qui est essentiellement émotive, passionnée. (Humanité)

Le percepteur d'Aalborg. . . a reçu d'un compatriote émigré au Texas un télégramme disant: «Tous mes meilleurs voeux pour Noël et la nouvelle année. Chaque jour, je pense à vous et *aux douze*

mille couronnes que je vous dois. *Ces douze mille couronnes*, vous ne les aurez jamais. Bien à vous. (Humanité)

Определенный артикль, стоящий при существительном второго предложения, после того как в первом оно появилось в сопровождении неопределенного артикля, подтверждает своим грамматическим значением связь второго существительного с ситуацией, обрисованной в предыдущем предложении (или в предыдущих предложениях), и этим связывает их между собой:

Au bout de la salle, devant *une porte*, *un petit caporal* chef, imberbe et blond, en uniforme de fantaisie, était assis devant *une table*. La table était disposée de façon à bloquer à demi l'accès de la porte. Le petit caporal chef avait devant lui *un énorme registre* des papillons de différentes couleurs et de grandes feuilles imprimées. Par moments il griffonnait quelque chose sur un papillon, recopiait ce qu'il venait d'écrire sur le registre, prenait une des grandes feuilles imprimées, la sabrait de grands coups de crayon bleu, et l'épinglait à son tour sur le registre. De temps en temps, il relevait la tête et promenait son regard sur les blessés d'un air de morgue et d'ennui. (Merle)

D'ailleurs un câble cassait au même moment et un tracteur agricole, enfermé dans une énorme caisse, dégringolait de six mètres de haut au fond de la cale.

Un premier passager arrivait, dont Petersen ne vit que la malle verte et le pardessus gris.

«Où est Vriens? demanda le capitaine au steward. J'espère que je ne vais pas devoir m'occuper de l'embarquement!

— Il est installé au salon, devant les registres.

C'était vrai. . . il était à son poste. Il reçut le passager, transcrivit les indications de son passeport, lui désigna une cabine. (Simenon)

Ensuite il passa chez Van Melle et choisit *un poulet* pour Emilia.

. . . Il n'était que midi! Il rentra chez lui, le poulet sous le bras. Il le remit à Maria qui savait ce qu'elle devait en faire. . . (Simenon)

Il avait assisté une fois à une scène familière aux Ostendais.

On amenait *un enfant* qui n'avait jamais vu la mer et, pour que sa première impression fût plus forte, on lui avait bandé les yeux. Une fois sur la digue, on lui retirait brusquement le bandeau et l'enfant regardait avec angoisse cet horizon trop vaste. . . il se raccrochait aux jambes de son père, aux jupes de sa mère et éclatait en sanglots. (Simenon)

Un énorme corbeau, noir, luisant, monstrueux, presque aussi gros qu'une oie, sautillait devant le soupirail. . . Puis soudain, détendant le bec, il cherchait à frapper les yeux d'homme qui brillaient derrière les barreaux du soupirail. . . Mais le prisonnier était vif et avait déjà reculé le visage. Alors le corbeau reprenait sa promenade, par sauts pesants et courts. (Druon)

Говоря о повторной номинации, М. П. Йоницэ²⁵ вводит термин

²⁵ Йоницэ М. П. Глоссарий контекстуальных связей, с. 33 и сл.

«репрезентация» для одного из видов осуществления внутритекстовых связей. Репрезентация состоит в представлении элемента ситуации через употребление слов, относящихся как к тому же классу, что и слова первичной номинации, так и к разным лексико-грамматическим классам. Автор уточняет, что на уровне грамматики можно говорить о субстантивной, местоименной, глагольной, наречной и фразовой репрезентации. На уровне лексики — о репрезентации синонимической, антонимической, гиперонимической, метафорической и метонимической.

Всякая повторная номинация, напоминает автор, служит средством обеспечения связности текста.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ СВЕРХФРАЗОВОГО ЕДИНСТВА

Если соглашаться с тем, что одно сверхфразовое единство, состоящее из группы предложений, служит передаче в речи одного высказывания, одной небольшой темы, вплетенной в ткань повествования и продвигающей это повествование, то, представляя компоненты этого повествования, эти группы, очевидно, семантически между собой связаны. Но, образуя текст, сверхфразовые единства следуют одно за другим в линейном порядке и не только связаны друг с другом, но должны быть и отграничены друг от друга семантически, а может быть и формально. Многие исследователи занимались поисками внутренних средств объединения элементов сверхфразового единства в одно более или менее компактное целое. Но вопросом о способах отграничения одного единства от другого интересовались значительно меньше, зачастую решая его лишь теоретически, а чаще всего останавливаясь на том, что границы сверхфразовых единств имеют чисто семантическую природу.²⁶

Однако попытка расчленив связный текст на серию сверхфразовых единств с точки зрения содержания приводит к обнаружению и формальных сигналов начала и конца отдельных высказываний. Не следует обольщаться: далеко не всякое сверхфразовое единство четко формально отграничено от предыдущего и последующего. Большая часть имеет, по-видимому, лишь семантические границы. Но есть и лингвистические способы сигнализации их начала и конца. Для этого используются как синтаксические структуры, так и лексика.

«Зачины». Одним из наиболее ярких средств, сигнализирующих начало сверхфразового единства, является стоящее в начале первого предложения обстоятельство времени, выраженное разными классами слов. Так как большая часть повество-

²⁶ См., впрочем, интересную статью Г. Я. Солганик «О структуре поминативных прозаических строф» (в кн.: Вопросы стилистики. М., 1966, с. 161 и сл.).

ваний имеет в виду ряд развивающихся во времени событий, то понятно, что, располагаясь во временном потоке, каждое из них занимает в нем определенное место, охватывает определенную длительность. Время оказывается как бы разделенным на отрезки, каждый из которых содержит отдельный эпизод, отдельное событие или более или менее очерченную часть события, выраженные особым сверхфразовым единством.

Как правило, в этих случаях сверхфразовое единство вводится наречиями, предложениями, оборотами временного значения: *quand*, *depuis*, *après*, *il y a* и др.

Avant de sortir, je saisis rapidement sur le cendrier la cigarette qu'il m'avait donné, et une fois dans le couloir, je la serrai dans mon portefeuille.

[*Quand je rentrai ce soir-là à la maison*, il était sept heures et demie passées. Mère et mes deux soeurs étaient déjà à table. Elles m'attendaient. Je m'arrêtai sur le seuil, et promenai lentement sur elles mon regard.

«Guten Abend».

«Guten Abend, Rudolf», dit mère, et un quart de seconde après, mes deux soeurs firent écho.

Je m'assis. Mère servit la soupe. (Merle)

[*Depuis trois jours*, les Allemands bombardaient Lille. De Roubaix, chaque nuit, on voyait les flammes de l'incendie. Samuel Fontcroix, comme beaucoup, courait le soir vers les faubourgs regarder de loin, au fond de l'horizon, cette ligne dansante et sanglante découpée sur le gouffre noir du ciel. Cet enfer semblait tout proche. Des éclabousses rouges en jaillissaient dans un vacarme lointain de forge, un fracas de métal où l'on croyait entendre monter une clameur désespérée.

Samuel Fontcroix pensait à sa femme et à sa fille. . . (Van der Meersch)

[*Après la mort d'Alexandre* et la dissolution de son empire, les contacts commerciaux et culturels établis par expédition du grand Macédonien entre l'Inde, les provinces orientales de la Perse d'une part et le monde grec d'autre part ne furent pas rompus mais avec le temps renforcés par certains de ses successeurs. Déjà de son vivant l'expédition de Néarque ordonnée par lui avait permis de reconnaître tout le cours de l'Indus de sa partie supérieure jusqu'à son embouchure, puis les rives orientales de la mer d'Oman et du golfe Persique. (Bonnard)

[*A onze heures*, Maxime vint frapper chez elle. Elle feignit de dormir. Il l'appela, lui exprima le désir de «causer un peu». Elle lui répondit à travers la porte: elle le pria de ne pas insister pour la voir, ajoutant qu'elle avait une migraine folle et se croyait hors d'état d'entendre quoi que ce fût.

— Ne sera-t-il plus temps demain? demanda-t-elle d'une voix lasse et faible.

Maxime s'éloigna. Elle entendit qu'il s'enfermait dans sa chambre. Alors, elle ralluma les lampes. (Plisnier)

... Impossible de sortir avec Cécile sans entendre:

— Hé, vous autres! On peut se compter jusqu'à trois?

Micou prononçait «voussautres» et, s'emparant de mon bras gauche, me remorquait vivement, tandis que l'autre mollasse trainaillait à mon bras droit.

[*Un soir*, enfin, j'émis la prétention d'aller chercher le beurre à la ferme, seul.

— Laissez, mes enfants, laissez votre cousin, fit la tante, fidèle à nos conventions.

Je pris mon temps. Comme je revenais, ruminant des pensées obscures, j'aperçus Micou assise au pied d'un calvaire situé à peu près à mi-chemin de Kervoyal. Malgré l'heure avancée, elle tricotait avec un beau zèle et ne leva pas le nez à mon approche. Mon ange gardien me souffla aussitôt : «Je ne sache point que tu l'aies convoquée, cette dame! Le crépuscule tombe, poétique à souhait, mais en tout cas fort sombre. Il se pourrait que tu ne l'aies point vue. Saute le talus, mon garçon, et prends à travers champs. Si l'on te rappelle. . . »

— Jean! cria Micou.

Ce jour n'est pas forcément une date. . . (Bazin)

Roland se laissa tomber dans un fauteuil.

— J'y vais, dit le commandant.

— Non, non, je t'en prie, reste ici. J'ai perdu la tête. Je voulais l'empêcher d'ameuter les voisins.

[*Un mois plus tard*, c'était la fête du collège. Clotilde et le commandant y assistèrent, souriants et détendus comme deux époux tendrement unis: tout à fait «parents d'élèves». Une ou deux crises nerveuses, des torrents de larmes, des pardons déchirants, un pacte mutuel de non-agression avaient scellé, entre les trois membres de la famille, une réconciliation temporaire. Le commandant tenait par-dessus tout à sauver la face. De son côté, Clotilde n'était pas fâchée de jouer en public le rôle de l'épouse modèle. Assise au premier rang du public, droite, discrète, dans ce cadre scolaire et catholique, charmant, désuet et fleuri, elle figurait une grande dame du monde bien-pensant, une colonne de la chrétienté.

[*Dans la coulisse du petit théâtre improvisé*, Roland Oyarzun se poudrait le visage avec l'énergie qu'on met d'ordinaire à épouseter les meubles. Il grelotter de trac. . . (Curtis)

Время не обязательно обозначается обстоятельством. Указание на него может служить основным содержанием целого первого предложения.

[*Il s'était passé cinq nuits et cinq jours depuis leur rencontre*. Lorsqu'elle s'en allait après le déjeuner, il ne la suivait pas. Il ne la voyait qu'aux heures des repas. Cela faisait maintenant neuf fois qu'elle avait pris place à sa table dans la verrière et qu'il l'avait observée. Personne d'autre que lui à l'hôtel ne paraissait l'avoir encore remarquée.

[*Lorsqu'il arrivait à la salle à manger*, elle y était déjà. (Duras)

Так же как время совершающегося действия, указание на место его совершения может служить формальным зачином эпизода, составляющего содержание сверхфразового единства. Обозначенное место является как бы фоном, на котором разворачивается событие; фоном может служить и отрезок времени:

Ensuite, nous partions tous les quatre, avant le lever du jour.

[*Dans le ciel de velours violet*, les étoiles brillaient innombrables. Ce n'était plus les douces étoiles de l'été. Elles scintillaient durement, claires et froides, cristallisées par le gel de la nuit. . . Sur la Tête-Rouge, que l'on devinait dans l'ombre, une grosse planète était pendue comme une lanterne, si proche que l'on croyait voir l'espace derrière elle. Pas un bruit, pas un murmure, et dans le silence glacé nos pas sonnaient sur les dures pierres de Noël.

Les perdrix étaient devenues méfiantes. . . (Pagnol)

Au bas des roches, nous primes le pas de course sur la pente.

[*A côté du puits, sous de très grands pins*, il y avait une petite clairière à l'ombre. Là, mon père et l'oncle regardaient le lièvre étendu; ils se tournèrent vers nous, assez fiers. Je demandai, un peu timidement:

— Qui l'a tué?

— Tous les deux, dit l'oncle. (Pagnol)

[*Pourtant cinq mois à peine s'étaient écoulés* depuis le dimanche où je l'avais prise, cette rue, pour me rendre chez Cabrol. Mais en ce temps si court, que de changements dans l'existence de Louise! Et lorsque j'essayais de découvrir ce qu'elle éprouvait:

«Bah! soufflait-elle. Pas d'importance».

[*Cette nuit-là*, nous buvions un grog et il pleuvait. Louise, que j'avais vainement pressée de questions, se taisait. Elle n'était pas de bonne humeur. Je la sentais raidie dans son mutisme, butée, tendue et, sans que j'en eusse conscience, deux vers de Baudelaire soudain m'emplirent de leur lumière, de leur désolation. Était-ce sur les trottoirs le rouge reflet des lampes qui me les rappelait? . . «Je te frapperai sans colère. Et sans haine comme un boucher».

(Carco)

Началом более или менее значительного отрывка текста, а тем самым и начинающего его сверхфразового единства служит появление нового персонажа, сопровождаемое его представлением читателю. «Представление» нового персонажа или события может осуществляться с помощью презентативов voici, voilà:

Quant à Mme Malevin, l'étroitesse des rapports qu'elle semblait entretenir avec son cousin impliquait qu'elle partageât ses secrets. Le commandant Frochot, lui, avait fourni l'explosif pour la confection de la bombe. . . Dans ces conditions, que venait faire ici cette fille aux épaules un peu rentrées et au regard hostile?

[*On sonna. C'était Maine, sans doute*. Négligeant les convenances et s'éloignant de Mlle Goes, Alain s'avança vers la porte du salon qu'une domestique poussait devant le nouveau venu. Maine serra des mains et se mit à parler avec Mme Malevin qu'il avait rencontrée,

l'été précédent, dans le Midi, alors qu'il était en visite dans une maison que Letellier y possédait. . . (Gascar)

Chaque matin, [*Mme Dodin, notre concierge*, sort sa poubelle. Elle la traîne depuis la petite cour intérieure de l'immeuble, jusque dans la rue — de toutes ses forces, sans précaution aucune — au contraire — dans l'espoir de nous faire sursauter dans notre lit, et que notre sommeil soit interrompu comme l'est le sien, chaque matin, par la poubelle. (Duras)

[*Voici* la seconde lettre que j'aurais aimé faire. Celle-là, je n'ai jamais été assez aveugle pour envisager sérieusement de l'envoyer aux locataires. Mais sans doute est-ce surtout une lettre de ce genre que j'aurais aimé donner à lire à Mme Dodin et à Gaston.

«Avez-vous songé, aurais-je écrit, avons-nous fois à ce que c'est que cette poubelle dont se pl (Duras)

Les minutés s'écoulaient interminables.

[*La demie de cinq heures retentit.*

Et *voilà* que le bruit d'une auto qui s'arrêtait la jeta vers la fenêtre. De fait, l'auto stationnait devant la grille. Un gros chauffeur en descendit et sonna.

Elle vit le valet de chambre qui traversa le jardin et qui revint avec une lettre. . . (Leblanc)

Началом новой темы, а с тем и первого сверхфразового единства являются некоторые ф о р м у л ы типа: il était une fois, il est des cas, il existe, c'était, il y eut, ce fut (с антиципирующим) и т. п.

. . .Après tout, j'ai mes diplômes de moniteur et j'ai exercé pendant quatre ans dans des établissements de l'Etat. . . A ce propos, d'ailleurs, il faudra que tu m'aides.

[*Il y eut un coup de sonnette*. Roland alla ouvrir. De la cuisine, François surprit, entre les fracas métalliques de l'ouverture et de la fermeture de la porte, un bref conciliabule chuchoté: «Tu n'as vu personne? La concierge n'a rien dit? Tout va bien?» [*Simone parut*. [*François se rappelait* une petite femme aux traits flous, un peu molle, complètement subjuguée par l'autorité cascadeuse d'un jeune mari, qui, à cette époque, réunissait des séductions diverses: la beauté, l'excellence dans les exercices physiques et les sports, la bonne éducation. On disait alors de Roland Oyarzun: «C'est un garçon d'avenir». Simone, fille d'un portier de lycée, croyait avoir épousé le rejeton d'une vieille famille militaire de province, une sorte de junker pyrénéen. Roland parlait avec émotion de son père le commandant Oyarzun et des fastes du 49e R. I. Un tel déploiement de panache guerrier et de lustre social éblouit la jeune fille. En outre, Roland était le meilleur ami de son frère Jacques. Le romantisme coulait à flots dans cette grise existence. Dès le premier jour, Simone attacha sur son fiancé le long regard extasié des esclaves heureuses. François se souvenait d'avoir rencontré le couple, flanqué du petit beau-frère, en 41, dans le métro. Jacques et Simone se ressemblaient, comme un reflet dans l'eau ressemble à un visage

ensoleillé. La grâce nerveuse du garçon se transmuait en langueur et mollesse chez la fille; l'éclat de l'un, amorti et comme voilé chez l'autre. Les trois ans écoulés avaient marqué Simone moins durement que son mari, ou plutôt, ils ne l'avaient pas marqué dans son corps, ses joues, ses yeux, mais, délabrement plus dramatique peut-être, dans sa tenue. François avait gardé l'image d'une jeune fille proprette, à l'élégance un peu gourmée. La femme qui venait vers lui, main tendue, était un souillon. La négligence de l'accoutrement, les cheveux épars sur la nuque et les épaules, les souliers fatigués, les ongles douteux — d'un coup d'oeil, François enregistra le désastre — révélaient, au-delà de la pauvreté, un abandon, un laisser-aller, irrémédiables. Cette femme était atteinte dans son respect d'elle-même, dans son humble vaillance quotidienne. «Que suis-je venu faire ici?» se demandait François une fois de plus. Il sentait la compassion lui nouer la gorge et cependant, un mot cruel flambait dans sa tête: «épaves». . . (Curtis)

Michelle, c'était autre chose. Et comment! . En parlant, elle inclinait volontiers la tête du côté gauche et suçait légèrement ses mots. Peu de poitrine, mais palpitante: un savant l'eût immédiatement classée dans le type «respiratoire», celui des grandes amoureuses qui jouent facilement du sternum.

Par bonheur, ce détail se trouvait compensé par un menton sec et une colonne vertébrale inflexible. Vouée à la romance, elle ne l'était pas au mélodrame, ni au flacon de sels.

Il existe un proverbe italien qui peut se traduire ainsi: «Pour accrocher Marie, feins d'accrocher sa soeur». Sans connaître ce proverbe assez dur pour la vanité des femmes, je le mis en pratique: on a de ces intuitions, à dix-huit ans. Micou remarqua très vite mon insistance à me placer auprès de Cécile. Je m'aperçus aussi vite qu'elle l'avait remarqué: rien qu'à sa façon de tirer l'aiguille ou de casser son fil en recousant un bouton. . .

. . . Un soir, enfin, j'émis la prétention d'aller chercher le beurre à la ferme, seul. . . (Bazin)

В приведенном отрывке одно сверхфразовое единство начинается со слов *Il existe*, следующее — со слов *Un soir*.

Lili ouvrait de grands yeux, et ne disait pas un mot. . .

Ce fut une soirée mémorable: je n'en avais jamais vécu d'aussi longue. Je me gavai de dattes, de fruits confits, et de crème fouettée; je fus si bien secondé par Lili que vers minuit, je constatai qu'il respirait par saccades, et qu'il gardait la bouche ouverte pendant des minutes entières. Par trois fois, ma mère nous proposa le sommeil. Par trois fois nous refusâmes, car il restait encore des raisins secs, que nous croquâmes sans plaisir véritable, mais à cause du luxe qu'ils représentaient.

Vers une heure du matin. . . (Pagnol)

Указание на с м е н у действующего лица или предмета речи, выраженное оборотом *quant à*, как правило, вводит новое сверхфразовое единство:

Quant à moi, quelques semaines plus tard, je fis, devant une

salle Pleyel comble; une grande conférence sur la réunion de Munich. (Sauerwein)

Quant au Phare, c'était l'oeuvre d'un ingénieur, Sostrate de Cnide. Haut de cent onze mètres. . . il élevait sa tour de trois étages en retrait l'un sur l'autre. La lanterne était faite de huit colonnes supportant une coupole sous laquelle brûlait un feu de bois résineux. On dit que des miroirs en répandaient la lumière augmentée. Un élévateur permettait d'accéder à la lanterne. (Bonnard)

Указание на в и е з а п о с т ь смены ситуации, на н е о ж и д а н н о с т ь появления нового персонажа, на н е п р е д в и д е н н о с т ь начала нового действия или этапа действия и т. п. также служит сигналом начала нового сверхфразового единства, что, как правило, выражено соответствующей лексикой:

. . . il pleuvait. Non pas un bel orage sonore et violet, mais une pluie innombrable, patiente, qui tombait en gouttes de silence.

[*J'entendit soudain* un bruit de roues, et je vis sortir, du coin de la maison, François, à la tête de son mulet, puis la charette, surmontée d'un parapluie grand ouvert. La tante Rose, enveloppée dans une couverture, s'abritait sous cet appareil. Elle était entourée de nos bagages, et elle portait à gauche le petit cousin et à droite la petite soeur. J'en conclus que ma mère et Paul avaient refusé de prendre place sur le véhicule, qui était d'ailleurs très encombré. (Pagnol)

[*Au coin de la rue Saint-Sauveur, brusquement*, parmi la foule Samuel se heurta à sa femme et à sa fille, qui erraient au milieu de cette dévastation. Ils s'embrassèrent sans pouvoir dire un mot. (Van der Meersch)

— Chez Bucard, on nous avait surnommés Roland et Olivier.

Il contempla la photographie d'un air mélancolique. Le silence devint lourd et oppressant, devant l'image du petit mort. [*Tout à coup*, Roland Oyarzun s'ébroua, fit volte-face. Pour habitué qu'il fût aux brusques et dramatiques changements d'attitude chez son ami, François n'en tressaillit pas moins, car la figure de Roland était chargée de menaces.

— Il en a de bonnes! cria Roland.

— Pardon?

— Il en écrit de belles, sur notre compte!

— De qui parle-tu? balbutia François effrayé.

— De qui? De qui veux-tu que je parle, sinon de l'abominable youpin, de ton pote, Bernard, Bernard, ce Bernard de malheur, qui me poursuit toujours!

— Tu fais allusion au dernier numéro de Horizons?

— Oui, Monsieur! . . . (Curtis)

Формальным признаком начала сверхфразового единства может служить неопределенный артикль при существительном. Вводя новую информацию, такое существительное, вернее, его артикль, служит сигналом начала сверхфразового единства;

Il se remit en marche, et nous arrivâmes au bord de la barre qui surplombait le plan de la Garette. . . A notre gauche commençait l'épaisse pinède du Taoumé. La brume de l'aube montait du sol entre les troncs et ses lentes volutes roulaient sur la brousaille.

[*Une sorte d'aboïement*, aigu et bref, mais trois fois répété, me fit tressaillir.

— C'est un chasseur?

— Non, dit Lili. C'est le renard. (Pagnol)

Наконец, сверхфразовое единство часто начинается вопросом: Alexandre a proclamé la fraternité des grecs et des barbares. C'est à cette fraternité qu'il a tendu, au début sans le savoir, durant toute sa carrière.

[*Au reste, qu'est-ce qu'un Barbare?* A l'origine, on le sait, rien qu'un homme qui ne parle pas la langue grecque, un homme dont le gosier fait «bar-bar-bar». . . (Bonnard)

Разумеется, возможны сочетания двух и даже более сигналов начала сверхфразового единства:

— Si ce monde ne t'indigne pas, déclara Oyarzun, je ne donne pas cher de ton estime. Je le trouve hideux, moi, ce monde.

«Surtout parce que tu n'y as pas la place que tu convoitais», songeait François. Mais il est des vérités qu'il faut se garder de dire à voix haute, car elles brûlent.

— [*Est-ce que tu es heureux?* demanda soudain Oyarzun.

François ne répondit pas tout de suite, déconcerté par la brusquerie de la question. Ses joues s'empourpraient.

— Bien, j'ai compris, dit Oyarzun d'un air satisfait. Pas la peine d'insister. Si tu étais heureux, tu aurais répondu tout de suite: «Oui, je le suis». Tu hésites, donc tu n'es pas heureux toi non plus. Eh bien, je ne suis pas le seul, cela me console.

Le mot banta François Donadieu dans les jours qui suivirent cet entretien (Curtis)

Началом сверхфразового единства может служить лексическое указание на начало действия, что обозначается обычно глаголами commencer, se mettre à, se prendre à и т. п.

. . . On avait certainement transporté Héléne dans une chambre, située sur l'autre côté de la maison. Aucune lumière sur la façade, sauf celle du vestibule. Gaspard fit le tour du jardin, qui était entouré, d'un mur élevé. Il ne pouvait l'escalader et cela n'aurait servi à rien. Si Héléne mourait ce serait sa faute. Il aurait dû mieux vérifier la résistance de la corde. Peut-être la corde avait-elle frotté sur l'angle d'une pierre, tandis qu'Héléne se balançait.

[*Gaspard se mit à marcher*. Il suivit une rue qui le mena dans la campagne et sans se rendre compte il parcourut une assez longue distance. Des larmes coulaient de ses yeux jusque sur ses épaules nues. Il s'était finalement engagé dans un sentier qui aboutissait à une impasse formée par des rochers. Au-dessus des rochers il y avait un bois de pins. Ces pins étaient tous morts. Ils prenaient dans la clarté de la lune des dimensions énormes. Un grand oiseau de nuit monta au-dessus de leurs branches dépouillées. . . (Dhôtel)

«Коицовки». Сверхфразовое единство является единицей формально-семантической. Поэтому естественно, что начало и конец его совпадают с началом и концом более или менее отграниченного высказывания как содержательной единицы речи. Так же как сверхфразовое единство имеет формальный зачин, сигнализирующий начало высказывания, оно имеет и формальные концовки, которые могут быть выражены средствами грамматики или лексикой.

В качестве формальной концовки сверхфразового единства наиболее выразительной представляется заключительная фраза, состоящая из присоединительной конструкции, начинающейся с союза *et*:

M. Fraigneux reprit possession de son passé. Et, comme il s'était réhabitué à la pauvreté, il se réhabilita à la puissance. Il trouvait naturel de voir Rosa le dimanche dans cette petite ville où, pendant six jours, elle l'attendait en tournant en rond; et peut-être l'aimait-elle mieux que s'il eût montré une autre sorte de courage et lui eût donné sa vieillesse, — beau cadeau. Tout allait bien. S'il se sentait quelque nostalgie, c'était du repos, un peu aussi de la liberté. Il occupait le bureau; il donnait des ordres aux chefs de service, recevait la visite des banquiers; il envoyait des télégrammes de trois cents mots. Tout se payait quelque part. Etait-ce son argent qui se brassait, l'argent d'un autre? Mais ç'avait-il jamais été son argent, même au temps qu'il se croyait le maître? Quand Bolailler le trouva là, vit la barbe blanche, les cheveux blanchis, les yeux blessés, les rides au bord des paupières, la main qui lui tendait un cigare comme naguère: «Un cigare, Bolailler?» il souffrit un peu. Mais le patron disait: «Oui. Me voilà, Bolailler. Je reprends du service, il paraît. *Et il ne pleurait pas* ».

[Depuis la mort de son mari, Fabienne ne se séparait plus de Nicole. . . (Plisnier)

— Nicole va mieux. Ma présence ici, en ce moment de l'année, ne se justifie plus. Il n'est pas bon de demeurer trop longtemps éloignée de chez soi. J'y songeais justement.

— Alors, quand partons-nous? quand?

— Mais je ne sais pas, moi. Rien ne presse.

— Non! non! partons tout de suite! Demain. Aujourd'hui.

— Perds-tu la tête? Il faut le temps de faire nos malles. Je vais écrire à Maxime qu'il vienne samedi avec le chauffeur. Le chauffeur emporterait les bagages dans ma voiture. Nous rentrerions lundi, avec Maxime et Jacques.

— Non! Fabienne. Non, je t'en supplie! Je ne supporterai plus toute cette semaine. . . »

Fabienne finit par céder, fixa le départ au jeudi. Au moment d'écrire, elle se ravisa. «Nous allons faire, dit-elle, une surprise à nos maris».

Et elles se mirent à préparer leur départ] .

[Il était cinq heures après-midi quand elles aperçurent les premiers toits de la ville. . . (Plisnier)

«Oui, pourquoi ne se défend-elle pas, cette Antonine? Il lui aurait été si facile de mettre tout en lumière. Car elle doit comprendre maintenant qu'il y a une autre Antonine, une autre femme qui lui ressemble, et que je suis le complice et l'amant de cette autre femme. Or, il ne semble pas qu'elle ait protesté. Pourquoi?

Et il songeait avec émotion à la petite provinciale si douce, si attendrissante, et qui ne parlait pas . . .

[*A huit heures, Raoul téléphona à son ami de l'île Saint-Louis.* (Leblanc)

Присоединительные конструкции, заключающие сверхфразовое единство, вводятся также союзами *donc*, *or* и оборотом *c'est pourquoi* в присоединительной функции:

M. Vanequem parut un peu impatienté.

— Soit, mais vous comprenez que j'ai besoin d'être fixé. S'il faut consulter toute la terre, il devient difficile de manoeuvrer. *Donc, je compte que vous m'écrirez ce soir* . . .

[— *Que valent les actions du Ko-Ko-Nou?* dit Bernard, nerveux. Elles représentent une part importante de votre actif et, de plus, nous sommes, grâce à vous, des actionnaires. . .

— Ko-Ko-Nou, dit M. Vanequem, est une excellente affaire. . . (Mauvois)

Il a travaillé toute sa vie. Sa mère était très pauvre. Il a eu une enfance malheureuse. *Or il passe pour le relieur le plus cher de Paris et il refuse plutôt des commandes qu'il n'en sollicite.* (Simenon)

La démarche qu'ils venaient de faire à la mairie était de celles dont n'importe quel inspecteur, n'importe quel sous-ordre aurait pu se charger. Maigret avait voulu savoir d'abord depuis quand Charles Dandurand habitait l'immeuble de Juliette.

Il y avait exactement quatorze ans. Avant cela il vivait en meublé, rue Delambre, près du boulevard Montparnasse.

Or, il y avait quatorze ans et demie que le mari de Juliette, l'entrepreneur Boynet, était mort. (Simenon)

Оборот *c'est pourquoi* вводит, как правило, конечную фразу единства, которая резюмирует предыдущее высказывание и содержит вывод из него:

Je n'avais jamais été si heureux de ma vie, mais parfois le remords me suivait dans la colline: j'avais abandonné le petit Paul. Il ne se plaignait pas, mais je le plaignais, en imaginant sa solitude. *C'est pourquoi je décidai un jour de l'emmener avec nous.*]

La veille, je prévins les chasseurs que Lili et moi ne partirions pas de bonne heure. . . (Pagnol)

В ряде случаев формально четко выражены обе границы — начало и конец:

Tout en marchant, il regardait distraitement autour de lui. [*Tout d'un coup il s'arrêta net, étonné.* Les fusils anglais, qui hier encore jonchaient les dunes et la plage, avaient disparu. Aussi loin que sa vue pouvait porter, il n'en voyait plus un seul. Il y avait donc eu des chefs dans leur armée pour s'indigner de cet abandon;

et pour avoir donné l'ordre de récupérer ces armes. *Et cet ordre, en une nuit, avait été exécuté*] .

Maillat remarqua une auto devant lui sur la plage. Elle ne devait pas être là depuis longtemps. (Merle)

Tôt le matin, Jean se leva. Avant de s'en aller, il fut encore voir la carrière, noyée d'un adorable brouillard bleuâtre d'octobre. Il regarda longtemps ce long trou blanc, ce ravin élargi en forme de vaste conque sonore ou la voix des vents l'hiver, s'amplifiait. Au fond, l'eau de l'étang fumait. *Et des gazes légères s'accrochaient au feuillage doré des petits saules et des buissons.*] C'était pour une bonne part son oeuvre. . . (Van der Meersch)

Сверхфразовое единство представлено особенно ярко в тех случаях, когда, помимо формальных сигналов начала и конца, в нем отчетливо видно, как скреплены между собой его компоненты:

[*La toute première prise de contact* entre le commissaire Maigret et le mort, avec qui il allait vivre des semaines durant dans la plus déroutante des intimités, eut lieu le 27 juin 1930 en des circonstances à la fois banales, pénibles et *inouublables*.

Inouublables surtout parce que, depuis une semaine, la Police judiciaire recevait note sur note annonçant le passage à Paris du roi d'Espagne pour le 27 et rappelant les mesures à prendre en pareil cas.

Or, le directeur de la P. J. était à Prague, où il assistait à un congrès de police scientifique. Le sous-directeur avait été appelé dans sa villa de la côte normande par la maladie d'un de ses gosses.] (Simenon)

[*Tout en longeant la Loire*, Maigret nota deux points dans son esprit. *D'abord* Tiburce de Saint-Hilaire, qui ne pouvait ignorer l'annonce faite par le tambour de ville et par conséquent l'importance que la police attachait aux faits et gestes de M. Clément pendant la journée du samedi, avait attendu d'être interrogé et n'avait parlé, en somme, que quand il s'était aperçu que son interlocuteur était déjà en courant.

Deuxièmement, il avait menti au moins une fois. Car il avait affirmé que, le samedi matin, il avait refusé de recevoir le visiteur et que l'après-midi il avait été accroché par lui dans le parc,

Or, c'était le matin que les deux hommes se promenaient dans le parc. Et, l'après-midi, ils étaient bel et bien en conversation dans le salon de la villa.

«Donc, le reste est peut-être faux aussi!» conclut le commissaire.]

Il arrivait à la hauteur du chemin des orties. D'une part s'élevait le mur crépi à la chaux clôturant le parc de Saint-Hilaire. De l'autre se dressait un corps de bâtiment, sans étage, de l'hôtel de la Loire. (Simenon)

Robert admirait l'extraordinaire plasticité d'Aygesparse. Il connaissait quatre cent rôles, un pour chaque malade, et lui-même changeait de personnage et de ton avec chacun d'eux! Et il n'abordait pas un malade sans lui souhaiter bon Noël, sans l'appeler par son nom. Quelle merveilleuse leçon! Robert songeait à la vie personnelle

de ce célibataire qui, sans autre profit qu'un traitement raisonnable, continuait à soulager ses pensionnaires, à les regarder évoluer, à ajouter sans cesse un trait nouveau à leur profil mental pour les mieux comprendre. N'était-ce pas une manière de saint, Aygesparse, dévoué, fraternel, efficace et désintéressé? Car, sur le plan de la réussite financière, n'importe quel spécialiste à cabinet privé gagnait cinq fois plus que lui!] (Lanouë)

Отчетливо выражены зачины и концовки сверхфразовых единств, содержащих небольшие, компактно сформулированные темы в литературе научного содержания.

«В задачи научной прозы входит изложение доказательств научных положений, гипотез, их аргументация, точное и объективное описание явлений природы, проведения и результатов научных экспериментов, описание технологических процессов, аппаратуры, применяемой при опытах и т. п. В результате научная литература содержит доказательства, рассуждения, описания и инструктивные рекомендации. Зачином служит постановка вопроса, задание, представление объекта изучения; концовкой — вывод, результат опыта и изучения».²⁷

В научной литературе очень часты зачины, представляющие собой безличные обороты, типа *il existe* — представление объекта исследования или существующего мнения, *on sait que, on pense que, on peut démontrer, nous savons que* — выражение допущения или необходимости — *il est possible que, il est facile de, il est utile de, il est désirable que, il faut, il est nécessaire*, вопрос, ответом на который будет служить последующий текст, форма императива как призыв к выполнению какого-либо действия.

В качестве концовок сверхфразовых единств в научном тексте, как правило, выступают резюме, вывод, оценка; они вводятся специальными оборотами, типа *ainsi, ainsi est-il que, c'est ainsi que, de cette façon, manière, tel est, donc, il en résulte que, en résumant ce qu'il a été dit plus haut, concluons, и т. д.*

Il existe une grande variété de matières plastiques. Quelques-unes sont utilisées depuis d'assez nombreuses années: le celluloïd, la cellophane, la bakélite, la galalithe, le caoutchouc naturel. Mais la plupart d'entre elles sont des substances de synthèse dont la découverte est relativement récente. Telles sont celles que nous avons étudiées. (Ph. et Ch., Revue)

D'ou vient l'aluminium? L'industrie le prépare en traitant une roche terreuse ou compacte, souvent de couleur rouge, la boxite. . . (BS SN)

On peut démontrer le rôle de l'élasticité artérielle par l'expérience suivante. . .

Ainsi l'élasticité artérielle en poussant le sang économise le travail du coeur. (PJH)

²⁷ Кочубей Н. Н. К вопросу о некоторых особенностях сверхфразовых единств в научных стилях речи. — В кн.: Лексика и стилистика французского языка. Л., 1977. Здесь использован материал данной статьи.

Chauffons dans une flamme l'extrémité d'un clou en fer; il devient vite impossible de tenir le clou à la main: le fer est bon conducteur de la chaleur. (Ph. et Ch.)

Faisons passer un courant de gaz de houille dans de l'eau de chaux. Celle-ci se trouble: le gaz de houille contient donc du gaz carbonique. (Ph. et Ch.)

Les vapeurs qui se dégagent du zinc à l'ébullition s'enflamment dans l'air et brûlent avec une lueur bleu-vert en donnant des flocons légers d'oxyde de zinc. C'est ainsi qu'on prépare cet oxyde dans l'industrie. (Ph. et Ch.)

... Concluons: le travail des forces de frottement engendre de la chaleur. (Ph. et Ch.)

On caractérise une solution par son degré de dissociation, rapport du nombre de molécules du corps dissous dissociées au nombre initial de molécules de ce même corps mises en solution. Ce rapport est donc compris entre 0 et 1. Pour les acides et les bases il est souvent voisin de 1. Pour les sels il est pratiquement égal à 1. *Il en résulte que les propriétés importantes des solutions d'acides, de bases, de sels dans l'eau sont celles de leurs ions. (FRCh.)*

Подводя итог изучения способов отграничения сверхфразовых единств, можно сказать, что: границы сверхфразового единства всегда семантически, так как оно охватывает одно более или менее законченное высказывание в потоке речи (текста), высказывание, содержащее некую более или менее самостоятельную микротему, представляющую собой часть общей темы повествования (описания). Однако семантические границы высказывания — сверхфразового единства — могут быть отмечены, и в большинстве случаев отмечаются, грамматическими и лексическими «формальными» сигналами. Если рассматривать сверхфразовое единство как выражение некоего законченного содержания, то, очевидно, следует согласиться, что в его коммуникативной структуре могут быть выявлены тема и рема, обеспечивающие его смысловую целостность. Следовательно, начало и конец единства могут определяться с позиций коммуникативного членения.²⁸

СВЕРХФРАЗОВОЕ ЕДИНСТВО И АБЗАЦ

Всякий связный текст членится на отрезки разной величины, в разной степени и разными средствами между собой связанные. В первую очередь, разумеется, их связывает и отграничивает друг от друга их содержание. Содержание каждого фрагмента текста, представляющего собой его компонент, это более или менее

²⁸ Не останавливаясь на этом вопросе подробнее, отсылаем читателя к книге О. И. Москальской «Грамматика текста» (М., 1981, гл. II, № 7), где этот вопрос рассматривается с точки зрения возможности построения моделей сверхфразовых единств на основе рема-тематической их структуры.

законченное высказывание, некая микротема. Как говорилось выше, она имеет непосредственное или опосредованное отношение к основной, центральной линии повествования, представляя собой участок этой центральной линии и прямо продвигая повествование (или описание), или лежит на периферии, являясь отступлением от главной темы, пояснением, добавлением и т. п., которые обогащают текст подробностями, но не являются строго необходимыми для его продвижения.

Формально, но в то же время и семантически всякий связный текст членится на сверхфразовые единства, абзацы, параграфы, главы, разделы и т. п.

Разделение текста на разделы, главы, параграфы имеет несомненно композиционный характер и, будучи всецело основано на смысловом членении текста, содержит отдельные участки темы, лежащие на основной линии повествования, продвигающие это повествование и имеющие относительно большой объем и относительно большую самостоятельность. Если будет позволено провести такую аналогию, они подобны отдельным кадрам киноленты. Относительно же характера сверхфразовых единств и абзацев существуют различные точки зрения.²⁹

Одни исследователи считают, что абзацы это и есть сверхфразовые единства. Как правило, этого взгляда придерживаются литературоведы, изучающие вопросы общей стилистики речи и особенности индивидуального стиля авторов.

Представляя собой сознательно выделенный автором фрагмент текста, абзац независимо от его объема обладает неким единством содержания и определенным структурным оформлением. Основная черта последнего — помещение абзаца от одной красной строки до другой.

Т. И. Сильман, талантливый и тонкий исследователь, занимавшаяся, в частности, вопросами стилистики и стилей, говорила по поводу природы абзаца и его роли в составе литературного текста,³⁰ что «сочетание предложений, которыми заканчивается один абзац и начинается другой, не имеет достаточно отчетливо выраженных грамматических границ» и что от одного абзаца к другому «имеется некий разрыв, некий скачок мысли». Автор совершенно правильно оценивала литературно-композиционную природу абзаца, утверждая,³¹ что «при переходе от одного абзаца к другому . . . не происходит накопления новых синтаксических закономерностей, но . . . вступают в силу уже иные закономерности — повествовательные закономерности данного литературного произведения, его композиционные принципы, в иных случаях отражающие и более общие закономерности жанра».

Представляя собой «некий относительно законченный отрезок литературного текста»,³² абзац имеет, таким образом, литературно-

²⁹ См.: *Москальская О. И.* Указ. соч., с. 30 и сл.

³⁰ *Сильман Т. И.* Проблемы синтаксической стилистики, с. 109.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 106—107.

композиционное значение. Т. И. Сильман не довольствовалась определением абзаца, предложенным А. М. Пешковским,³³ который рассматривал абзац как «сочетание сложных целых от одной красной строки до другой», добавляя к этому формальному определению, что, когда говорят о сложном синтаксическом целом, представляющем собой интонационно-синтаксическую единицу, бывают вынуждены пользоваться типографским термином «абзац» за неимением более подходящего специального термина.

Таким образом, Т. И. Сильман рассматривала абзац, с одной стороны, как некий отрезок текста, представляющий собой определенное единство содержания, с другой — как синтаксическую структуру, содержащую одно или несколько предложений.

Но следует ли из этого делать вывод об идентичности понятий «абзаца» и «сверхфразового единства»? С внешней стороны очевидно одно: в большинстве случаев сверхфразовое единство начинается с началом абзаца. Но в остальном границы этих двух делений текста далеко не всегда совпадают. Сверхфразовое единство может кончаться с концом абзаца, но оно может кончаться (а следовательно, и начинаться) в середине абзаца. Наконец, сверхфразовое единство может (и это, пожалуй, наиболее частый случай) охватывать два и более абзацев.

Не отождествляя сверхфразового единства с абзацем, А. М. Пешковский писал о том, что пауза между абзацами более длительна, чем пауза, разделяющая сверхфразовые единства. Такие паузы он называл «сверхмерно удлиненными».³⁴ С этим можно было бы согласиться, если бы сверхфразовое единство не могло охватывать серию абзацев, включая разделяющие их паузы.

Н. С. Поспелов склонялся, видимо, к тому, чтобы видеть в абзаце некую «композиционную» единицу текста.³⁵

Определение природы абзаца как единицы деления текста, данное Т. И. Сильман,³⁶ создает впечатление отождествления абзаца со сверхфразовым единством: «Абзац в его классической „нормальной“ форме есть некое синтаксико-интонационное единство, состоящее из одного или нескольких предложений, соединенных между собой синтаксическими (союзно-наречными) связями, пронизанных лексикоместоименными повторами и объединенных единой общей темой (предметом изложения)».

Из этой, казалось бы, очень четкой формулировки, не ясно, как следует определять разницу между абзацем и сверхфразовым единством, если признавать эту разницу.

³³ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 459.

³⁴ Там же, с. 459.

³⁵ Поспелов Н. С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры. — Докл. и сообщ. Инст. русск. яз. АН СССР. М.; Л., 1948, вып. 2, с. 67.

³⁶ Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики, с. 112.

А разница эта существует. И она дает о себе знать, несмотря на совпадение ряда содержательных и формальных характеристик этих двух явлений. Задача исследователя показать эту разницу на конкретном языковом материале, разграничить «сферы действия» абзаца и сверхфразового единства, показать различие их природы.

Совершенно очевидно, что с точки зрения семантического содержания абзац и сверхфразовое единство если не совпадают, то во всяком случае имеют много общего. Оба могут содержать законченный тематический отрезок текста, оба могут служить продвижению основной линии повествования, в оба могут входить побочные включения, разработка отдельных деталей, частные или общие соображения автора, лишь косвенно относящиеся к основному тексту. Разница состоит в том, что сверхфразовое единство содержит высказывание, представляющее собой объективно ограниченную микротему целиком, которая, правда, иногда может прерываться побочными включениями, чтобы затем вернуться к моменту перерыва и быть доведенной до конца. Что касается абзаца, то он далеко не обязательно содержит законченную микротему, которая часто распространяется на соседние абзацы. В результате оказывается, что одно высказывание — одна микротема — это всегда одно сверхфразовое единство, но это единое сверхфразовое единство может охватывать один, два и более абзацев. Т. е. границы абзаца и сверхфразового единства вовсе не обязательно должны совпадать.

Они совпадают в тех случаях, когда объективному членению текста на отдельные микротемы (следующие друг за другом или переплетающиеся) отвечает субъективное отношение автора к содержанию создаваемого им текста, когда его намерение — выделить, подчеркнуть ту или иную деталь или, наоборот, объединить в один пучок два и более отдельных высказываний, каждое из которых обладает определенным единством. Не последнюю роль в членении текста на абзацы играет стремление автора к созданию прозаического «ритма».³⁷

В результате абзац может совпадать с сверхфразовым единством, может соединять два и более сверхфразовых единств, равно как и сверхфразовое единство может охватывать несколько абзацев.

Рассмотрим соответствующие примеры. Итак,

1. Сверхфразовое единство, содержащее отдельное высказывание, совпадает с границами абзаца:

Il mangea encore chez Répito et le Veuf était là avec son chien. Ce fut Jonas, cette fois, comme pour chercher une sympathie, un appui si vague qu'il fût, qui battit des paupières le premier et M. Métas répondit, le visage sans expression.

Дальше начинается новый абзац и новое сверхфразовое един-

³⁷ См.: Левковский Н. А. Проблема континуума в тексте художественной прозы. — Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1978, вып. 135.

ство, содержащее описание того, как Иона ходил по лавкам покупать продукты на следующий день:

Périto fermait le dimanche et Jonas fit le tour des boutiques pour acheter des victuailles, tenant à la main le sac à provisions en paille tressée de Gina. Il n'acheta pas ses légumes chez Angèle, mais dans une boutique de la rue Haute. Ancel, cette fois, à la boucherie, le servit lui-même, sans lui lancer la moindre plaisanterie. Il dut aussi acheter du pain, du café et du sel qui manquaient et, pour le dimanche soir, il prit des spaghetti. C'était une tradition, du temps de Gina, parce que c'était vite préparé.

В следующем сверхфразовом единстве, которое также совпадает с новым абзацем, описывается, как Иона провел оставшуюся часть вечера:

Le carreau du Vieux-Marché fut lavé au jet, quelques voitures vinrent s'y parquer et, le soir, comme la veille, il passa son temps à rafistoler les livres et à écrire au dos leur prix au crayon. . . (Simenon)

2. Сверхфразовое единство охватывает два абзаца.

La mer enveloppait tout le pays, elle y, pénétrait profondément. Très peu de cantons, même reculés, que la mer n'atteignit.

Mer redoutable, mais tentante et plus engageante qu'aucune autre. (Bonnard)

Средством связи компонентов сверхфразового единства служит существительное *mer*.

Il y a des gens qu'on n'a rencontrés qu'une fois dans la rue et dont on ne peut pourtant oublier la physionomie. D'Emile Gallet, Maigret n'avait vu qu'une *photographie*, un demi-visage et le corps blafard.

Encore était-ce la *photographie* qui vivait le plus dans son esprit. (Simenon)

Компоненты сверхфразового единства объединены существительным *photographie*, которое совершенно нормально в первый раз сопровождается неопределенным артиклем, во второй раз — определенным.

En soumettant provisoirement la région de l'Indus, Alexandre est arrivé au terme de sa route — non pas au terme qu'avait fixé sa volonté. Il avait l'intention en effet d'aller plus loin. Avant même qu'il atteignît l'Indus, le *Gange était devenu sa Terre promise*.

C'est par là qu'il pensait rentrer, en Europe. Ignorant l'existence de l'océan Indien, il s'imaginait en effet pouvoir rejoindre son point de départ macédonien par les sources du Nil et par l'Égypte. (Bonnard)

C'est par là связывает второй абзац с первым как компонент сверхфразового единства.

3. Сверхфразовое единство охватывает несколько абзацев.

Связь между компонентами сверхфразового единства, распространяющегося на несколько абзацев, может осуществляться любым — лексическим или грамматическим — способом; в сле-

дующем примере этим средством служит повторение личного местоимения:

«. . .N'essaie pas de regarder l'heure; ce soir je serai impitoyable. Je suis seule chez moi, je peut rentrer à quatre heures du matin si je veux. . . Oui, je sais, tu te lève de bonne heure. Eh bien, tu seras fatigué».

Elle le garda jusqu'à l'aube. Rue Jouffroy, ils trouvèrent une voiture de nuit qui rentrait.

— 24, rue de l'Université, dit Bernard.

Elle habitait au 14, mais s'arrêtait toujours à quelque distance. En traversant la Seine, Bernard frissonna. Simone était blottie contre lui, très silencieuse. Il ferma les yeux. La voiture s'arrêta. Il aida Simone à descendre. C'était un jour gris, triste. Des boîtes d'ordures étaient alignées le long du trottoir. La rue était déserte.

— A quand? dit Bernard.

Elle tira vivement une lettre de son sac, la lui tendit et partit en courant. Un instant après, une lourde porte se ferma bruyamment. (Maurois)

Охват одним сверхфразовым единством нескольких абзацев, помимо смысловой целостности высказывания, представленного в виде микротемы, оформляется лексико-грамматическими средствами. Это может быть повторением лексики, соответствующими перемещениями членов предложения, использованием личных и указательных местоимений, артикля, синтаксическими структурами, наконец, сочетанием любых из этих средств. Наиболее стилистически эффектными приемами являются, как нам кажется, использование присоединительных конструкций и цепные структуры.

Пример сверхфразового единства, в котором компоненты представляют собой присоединительную конструкцию:

Maigret bourrait sa pipe. N'était ce pas la principale raison pour laquelle il avait entraîné son compagnon dehors? Pourtant, dans la chambre même de la morte, le docteur fumait. Maigret avait l'habitude de fumer n'importe où.

Mais pas au château! C'était un endroit à part, qui, pendant toute sa jeunesse, avait représenté ce qu'il y a de plus inaccessible! (Simenon)

Quand il partait à Port, il racontait qu'il avait l'intention d'armer là-bas toute une flottille de pêche, et c'était encore un mensonge.

Et pourquoi avait-il peint l'étrave en jaune, ce qui était effectivement ridicule? Pourquoi enfilet des bottes et travailler avec les ouvriers à étendre le coaltar?

Parce qu'il n'était pas dans son assiette, tout simplement! *Parce que,* depuis quelques jours, il n'était pas lui-même, parce qu'il tournait bêtement autour de la Marie, ce qui avait failli lui avoir une balle dans la peau. (Simenon)

«Il faut aller chercher votre chef tout de suite! prononça le capitaine. Un crime a été commis à bord. . .»

Il était plus d'une heure. Les règlements norvégiens sont stricts: pas un café n'était ouvert.

Pas un passant non plus! Pas une ombre sinon celles des débardeurs qui avaient mis les palans en action et qui extrayaient des caisses des deux cales. (Simenon)

В следующем отрывке компоненты сверхфразового единства — присоединительные конструкции, представляющие собой отдельные абзацы, — связаны помимо того повторяющейся лексикой:

Par moments, accablé de fatigue, je m'écroulais. Alors je dormais une heure sur mon lit. Une mauvaise heure: un trou noir. Et je *m'éveillais*, étourdi, hébété, chargé d'un *poids* plus lourd encore; jamais ne m'a été aussi sensible l'importunité de mon *corps*. Il *pesait* sur tous mes membres; ce n'était pas lui qui *portait* ma *vie*, c'était ma *vie* qui le *portait* avec une énorme lassitude. A mon *réveil* surtout quand je sortais d'une somnolence diurne, sa masse avait le *poids* de la matière inanimée, du *plomb*.

Et du plomb était ma pensée, morne, fixe, *pesant* entre mes yeux, comme une boule. Parfois, en secouant la tête, j'essayais de l'écarter; mais elle revenait obstinément derrière le grand os frontal, où ma *vie* s'immobilisait bientôt dans la torpeur.

Mais d'autres fois l'*éveil* crispait mon *corps*. La peau sèche, les nerfs tirés à rompre, je me tenais au centre d'une *lucidité* surnaturelle. Tout en moi n'était qu'étincelles, pétilllements électriques, tensions; et mon *corps* volatilisé ne tenait plus à moi que par une magnétique présence. Toutefois, même en cet état volatil et vif, je n'étais qu'un *corps*; et s'il brûlait anormalement en *éveil* là où j'étais, rien n'y flambait que le feu vital. Il me séparait de moi-même. J'étais trop *lucide* pour voir les profondeurs de l'être; mon *éveil* avait l'air d'une insolite hypnose où je risquais d'être la proie de la première suggestion venue: un bruit, l'aspect bizarre d'un objet, le passage d'un souffle sur le toit de chaume, peut-être un souvenir. . . (Bosco)

Ils n'avaient besoin de rien se dire: on sentait qu'ils vivaient toute la semaine ensemble, qu'ils travaillaient à la même affaire, dans les mêmes ateliers, dans les mêmes bureaux, qu'ils voyaient les mêmes gens et avaient les mêmes soucis.

Peut-être Félix était-il un peu moins consistant que *François*? *François* était le chef, cela se sentait aux moindres détails.

Or, c'était Félix qui avait épousé la remuante Jeanne qui, entre deux plats, allumait déjà une cigarette, en dépit du regard réprobateur de sa mère. (Simenon)

Пожалуй, несколько реже сверхфразовые единства начинаются и кончаются в середине абзаца. Как правило, в этом случае сверхфразовое единство, кончающееся в середине абзаца, редко заканчивается какой-нибудь заключительной фразой, которая резюмировала бы сказанное ранее, сигнализировала бы переход к чему-то новому. Но следующее сверхфразовое единство, начинающееся в середине абзаца, напротив, обычно отмечено вводным элементом, вводным словом или словосочетанием, группой слов,

чаще всего в виде обстоятельства времени или места, в виде презентатива, указания на появление нового персонажа, на смену действия и т. п.

A son tour, Faramon m'a posé quelques questions touchant la découverte des tiroirs — manuscrits et celle de la clé et de la chambre à air derrière le radiateur. Tout s'était passé selon ses prévisions. Il exultait. Je l'ai quitté vers neuf heures et demie pour entreprendre dans les étages une tournée d'information aux postes principaux. [A onze heures moins le quart, je me trouvais à la direction commerciale de l'Electronica où je prenais connaissance de l'échange de courrier effectué dans les derniers vingt-quatre heures. Une lettre a retenu mon attention. . . (Aymé)

Des trains fuyaient parmi les jets de vapeur, se croisaient, affairés, et, dans le soir, déroulaient de longues rames de wagons éclairés. Bientôt, les premiers réverbères s'allumèrent. Délices d'errer ainsi! J'avais beau me demander ce que je cherchais le long de cette rue, je ne pouvais répondre. Pourtant, il me semblait que ma promenade, en apparence sans but, avait un objet mais encore si incertain que je devais attendre pour le saisir et le traîner en pleine lumière. Alors, nous verrions. *Tout à coup*, devant la maison de Cabrol, une idée saugrenue s'empara de moi et me mena vers l'escalier que je dus prendre et gravir, sans entrain, jusqu'au troisième étage où je sonnai.

↳ Cabrol parut. . . (Carco)

Сверхфразовое единство, начинающееся в середине абзаца, вводится типичным для зачина *Tout à coup*.

В следующем примере сверхфразовое единство, внутри абзаца, начинается с обстоятельства времени, вводящего рассказ о новом событии, который следует за предшествующим описательным отрывком.

Au-dessus du chalet «Croix du Sud», si l'on suivait le chemin en pente à travers les sapins, on arrivait devant un chalet très bas, d'un seul étage. C'était là qu'habitait la dame qui faisait les courses pour nous. Son mari possédait quelques vaches, il était gardien de la «Croix du Sud» en l'absence des propriétaires et avait aménagé dans son chalet une grande salle avec des tables, un bar rudimentaire et un billard. [Un après-midi nous sommes montés chercher du lait chez cet homme, Denise et moi. Il n'était pas très aimable avec nous, mais Denise, quand elle a vu le billard, lui a demandé si elle pourrait jouer. Il a d'abord paru surpris, puis il s'est détendu. Il lui a dit de venir jouer quand elle le voudrait.

Nous y allions souvent. . . (Modiano)

В следующем примере первое сверхфразовое единство, начинающееся с обстоятельства места, составляет первую половину абзаца. Со слов *De cinquante aviateurs*. . . начинается второе — воспоминание автора о погибших товарищах, это — вторая половина абзаца. Следующее сверхфразовое единство, содержащее новую микротему, начинается с обстоятельства времени и составляет новый абзац:

[*A Glasgow*, nous fûmes accueillis aux accents des bagpipes d'un régiment écossais qui défila devant nous en tenue de gala écarlate. Ma mère aimait beaucoup les marches militaires, mais l'horreur de Mers el-Kébir ne nous avait pas encore quittés et, tournant le dos à la clique qui paraissait dans les allées du parc qui nous servait de cantonnement, tous les aviateurs français rentrèrent silencieusement sous leurs tentes, cependant que les braves Écossais, piqués au vif et plus écarlates que jamais, continuaient avec une obstination toute britannique à faire retentir les allées vides de leurs accents entraînants. [*De cinquante aviateurs* que nous étions là, trois seulement étaient encore vivants à la fin de la guerre. Au cours des durs mois qui suivirent, éparpillés dans le ciel anglais, le ciel français, le ciel russe, le ciel africain, ils abattirent entre eux plus de cent cinquante avions ennemis, avant de tomber à leur tour. Mouchotte, cinq victoires, Castelain, neuf victoires, Marquis, douze victoires, Léon, dix victoires, Poznanski, cinq victoires, Daligot. . . A quoi bon murmurer ces noms qui ne disent plus rien à personne? A quoi bon aussi, puisqu'ils ne m'ont jamais vraiment quitté. Tout ce qui reste en moi de vivant leur appartient. Il me semble parfois que je ne continue moi-même à vivre que par politesse, et que si je laisse encore battre mon cœur c'est uniquement parce que j'ai toujours aimé les bêtes.

[*Ce fut peu après mon arrivée à Glasgow* que ma mère m'empêcha de faire une bêtise irréparable et dont j'aurais pu porter les stigmates et le remords toute ma vie. (Gary)

Il est des cas d'une extrême gravité, où des criminels aux fautes irrémédiables — en général des tyrans — sont éternisés dans le châtimement de leur injustice. Platon imagine non seulement le paradis et le purgatoire mais encore l'enfer avec ses supplices dantesques, appliqués par des démons de feu. [*Voici le châtimement* du tyran Aridée.

«J'étais présente, déclare une âme qui revient de l'au-delà pour se réincarner, lorsqu'une âme avait demandé à une autre âme où était le grand Aridée. . . (Bonnard)

Elle immobilisait mes doigts dans les siens et repartait dans une dissertation sur le symbolisme de Joyce. Je compris brusquement que mon dernier quart d'heure allait être un quart d'heure littéraire. L'ennui par la conversation et la bêtise par l'intellect sont quelque chose que je n'ai jamais pu supporter et je commençais à sentir les gouttes de sueur couler de mon front, cependant que mon regard halluciné se fixait sur ce sphincter buccal qui ne cessait de s'ouvrir et de se refermer, s'ouvrir et se refermer, et que je me jetais encore une fois sur cet organe avec l'énergie du désespoir, en essayant en vain de l'immobiliser sous mes baisers. [*Ce fut donc avec immense soulagement* que je vis un bel officier aviateur polonais de l'armée Anders s'approcher de notre table et, s'inclinant devant la jeune personne, l'inviter à danser. Bien que le code en vigueur interdît d'inviter ainsi une femme accompagnée, je lui souris avec

reconnaissance et m'éroulai sur la banquette, vidant deux verres coup sur coup. (Gary)

[Il m'arrivait d'interrompre sèchement Fabrizio dans le récit d'un pique-nique ou d'une promenade sur les lagunes, et de faire trébucher de son piedestal, d'un trait méchant, quelques-unes de ses idoles aristocratiques. J'écrasais Orsenna de mon mépris; je planais au-dessus à cent lieues; j'en voulais à Fabrizio, à Marino, qui partageaient les apparences de ma vie secrète, de me rabaisser avec eux devant ces caricatures dérisoires d'une existence plus haute. [Un soir, à la description révérencieuse de la maison de campagne des Aldobrandi, je m'emportai plus que de coutume et quittai brusquement la salle, presque les larmes aux yeux. Fabrizio courut après moi, sur la lande, et me rattrapa.

— Qu'as-tu, Aldo? Tu es fâché? (Gracq)

Очевидно, отождествление абзаца и сверхфразового единства невозможно. Бесспорно, и то, и другое — средства членения текста, который, продвигая повествование в одном определенном направлении — от завязки сюжета к его развязке — состоит из множества более или менее крупных составляющих его единиц, отношение которых к центральной линии повествования различно и различен характер вхождения их в русло текста. Но каждая из этих единиц обладает своим относительно самостоятельным и законченным содержанием, имеет свою микротему и формальные черты построения.

С точки зрения формы абзац имеет одно несомненное формальное преимущество перед сверхфразовым единством — он всегда четко отграничен красными строками. Сигналы начала и конца сверхфразового единства менее очевидны, в одних случаях они бесспорны, в других могут не иметь формального выражения, проявляясь лишь в содержательной, семантической целостности высказывания, облекаемого в форму сверхфразового единства. Несомненно и то, что абзац в ряде случаев также может содержать целостную микротему, т. е. формально совпадать с сверхфразовым единством. Разница между этими двумя средствами членения текста состоит в том, что абзац в большей мере относится к композиционно-стилистическим приемам членения текста, которые, разумеется, никак не могут спорить с его содержательным членением, но которые в известной мере связаны с личным вкусом и индивидуальной манерой автора, т. е. членение текста на абзацы имеет, несомненно, субъективный характер.

Что же касается сверхфразового единства, то, будучи выражением законченного высказывания, т. е. также имея свою микротему, входящую в виде составного элемента в общий поток текста и имеющую в нем свое определенное место (на центральной линии повествования или на его периферии), сверхфразовое единство представляет собой объективный способ лингвистического членения текста.

Н. А. Левковская в статье, специально рассматривающей раз-

ницу между абзацем и сверхфразовым единством,³⁸ прямо пишет, что не следует смешивать эти два приема членения текста, ибо хотя в известных условиях они могут совпадать, но в принципе их природа различна: абзац — способ субъективного членения текста, связанный с «прагматической установкой автора», тогда как сверхфразовое единство зависит от «прагматической установки текста». Под «прагматической установкой автора», видимо, следует понимать коммуникативное задание, личное отношение автора к содержанию текста, под «прагматической установкой текста» объективное его членение на отдельные микротемы. Абзацы сопровождаются знаком формального членения — красной строкой.

Однако вопреки мнению автора статьи, считающей, что «...СФЕ является прежде всего логическим, а соответственно и семантическим единством, создается в основном интуитивно и эксплицитно автором не вычленяется (подчеркнуто мною, — *Е. Р.*)», сверхфразовые единства могут получать, как это было показано выше, языковые сигналы — грамматические и лексические — своего начала и конца.

В заключение небезынтересно привести слова Н. А. Турмачевой, которая занималась изучением природы сверхфразового единства и абзаца и которая, сопоставляя эти два приема членения текста, еще в 1970 г. писала:³⁹ «... Сложное синтаксическое целое (по нашей терминологии, сверхфразовое единство, — *Е. Р.*), являясь смысловым и грамматическим единством, есть категория семантико-синтаксическая»... «абзац, выделяемый в соответствии с композиционными и экспрессивно-стилистическими задачами, является категорией стилистической, точнее, стилистико-семантической». С этим мнением, несомненно, следует согласиться, с той лишь незначительной поправкой, что вряд ли целесообразно говорить о специальной «стилистической» категории, ибо любой элемент языка — лексический и грамматический — может в определенных условиях использоваться в речи с целью достижения задуманного стилистического эффекта.

МНОГОЧАСТНЫЕ СВЕРХФРАЗОВЫЕ ЕДИНСТВА

Внутренняя структура сверхфразового единства характеризуется не только спаянностью составляющих его компонентов, каковыми являются предложения, но и возможностью разделения — смыслового и формального — на две и более частей, каждая из которых включает некоторое число предложений. Такие «части» сверхфразового единства нельзя рассматривать как от-

³⁸ Левковская Н. А. В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем. — Филологические науки, 1980, № 1, с. 75; см. также: Москальская О. И. Указ. соч., с. 83—96.

³⁹ Турмачева Н. А. К вопросу о природе сложного синтаксического целого и абзаца. — В кн.: Синтагматика, парадигматика и их взаимоотношения. Рига, 1970.

дельные высказывания, ибо, входя в одну микротему, они тесно между собой связаны и образуют одно высказывание. Разделение сверхфразового единства на части наблюдается, например, в случаях, когда содержание одной части высказывания логически противопоставляется содержанию другой части, когда содержание первой части представляет собой необходимое введение к содержанию второй части или когда сверхфразовое единство посвящено перечислению фактов, входящих в данное высказывание, и т. п.

— *Croyez-moi, on ne peut jamais savoir, on ne peut jamais être sûr du temps. D'un seul coup, quelquefois, ça change.*

Gaston est devenu un balayeur désabusé.

[*Il y a quatre ans de cela, il était bien différent. Sa démarche était sûre. Il se tenait bien droit et sa veste était toujours entièrement boutonnée, ajustée. Il avait l'allure noble, fière. A grands gestes réguliers, de son grand balai de bruyère, campé au milieu de la rue, il balayait. La casquette un peu penchée sur l'oreille, le journal bien en vue dépassant de sa poche . . . il balayait avec une désinvolture et une efficacité souveraines. . .*

Maintenant ce n'est plus le même homme. Mme Dodin, comme moi, comme tous ceux qui le connaissent, savons qu'il a cessé d'aimer son métier. Maintenant il ressemble à tous les balayeurs, sauf quand il a bu ses trois ou quatre «blancs», avec une tristesse en plus, qui n'est qu'à lui. Il grossit. . . (Duras)

Содержание высказывания: сравнение Гастона, каким он был прежде, и каким стал теперь. Начало частей одного сверхфразового единства оформляется так же, как начало отдельного СФЕ. В приведенном выше примере — это указание на время: *Il y a quatre ans de cela . . .* и *Maintenant*. Однако принять каждую из частей за новое сверхфразовое единство невозможно, так как это значило бы пренебречь существующим между ними логическим отношением сопоставления, которое лежит в основе всего высказывания.

Невозможность рассматривать вторую часть д в у ч а с т н о г о сверхфразового единства как самостоятельное высказывание подтверждается ее структурой в случаях, когда она начинается с присоединительной конструкции, элемента формально и семантически зависимого от предшествующего и неспособного вводить новое высказывание:

[*Dans le pays du centre et du nord de la France, dès les premiers jours de septembre, une petite brise un peu trop fraîche va soudain cueillir au passage une jolie feuille d'un jaune éclatant qui tourne et glisse et virevolte, aussi gracieuse qu'un oiseau. . . Elle précède de bien peu la démission de la forêt, qui devient rousse, puis maigre et noire, car toutes les feuilles se sont envolées à la suite des hirondelles, quand l'automne a sonné dans sa trompette d'or.*

Mais dans mon pays de Provence, la pinède et l'oliveraie ne jaunissent que pour mourir, et les premières pluies de septembre, qui

lavent à neuf le vert des ramures, ressuscitent le mois d'avril. . .
(Pagnol)

В приведенном выше примере первая часть сверхфразового единства начинается, как это чаще всего и бывает, с обстоятельственной группы. Во второй части южная природа Прованса противопоставляется более суровой природе севера Франции. Эта часть не самостоятельна, она является дополнительной по отношению к первой части и получает свой полный смысл только в рамках противопоставления. Формально она начинается с присоединительной конструкции, которая никак не могла бы начинать нового высказывания, т. е. нового сверхфразового единства.

└ *Le trente août*, Valois reçut enfin sa commission de lieu-tenant du roi. Du coup, son humeur acheva de se transformer et il parut ne plus faire de doute pour lui que la guerre fût comme déjà gagnée.

└ *Deux jours plus tard*, Mathieu de Trye, le maréchal survivant, Pierre de Cugnières et Alphonse d'Espagne, précédés de busines sonnantes et de la bannière blanche des parlementaires s'avancèrent jusqu'au pied des murs de La Réole pour faire sommation au comte de Kent, d'ordre de puissant et haut seigneur Charles, comte de Valois, lieu-tenant du roi de France en Gascogne et Aquitaine, d'avoir à se rendre et remettre en leurs mains tout le duché pour faute de foi et hommage non rendu.

A quoi le sénéchal Basset, se hissant sur la pointe des pieds pour apparaître aux créneaux répondit, d'ordre du comte Edmond de Kent, lieu-tenant du roi d'Angleterre en Aquitaine et Gascogne, que la sommation était irrecevable et que le comte ni ne quitterait la ville, ni ne remettrait le duché, sauf à en être délogé par la force.

La déclaration de siège ayant été faite dans les règles, chacun retourna à ses tâches. (Druon)

В приведенном отрывке первый абзац представляет собой законченное краткое высказывание, рисующее настроение графа Валуа после того, как король утвердил его своим представителем.

Следующий абзац начинает новое сверхфразовое единство, в котором содержится обращение французов к англичанам с требованием, чтобы английский король, который не принес присягу французскому королю в качестве его вассала, отдал Аквитанию и Гасконь Франции.

Ответ представителя английского короля находится во второй части того же сверхфразового единства и связан с первой частью словами: *A quoi le sénéchal Basset . . . répondit. . .*

Il y avait une buée humide sur le coffre-fort. Charles retirait son veston, en mettait un vieux aux manches élimées, posait une visière verte sur son front.

└ *Voilà ce qui aurait dû se passer*. Et encore l'arrivée des deux dactylos qui travaillaient dans un bureau voisin. Et la courte silhouette d'Henri, le chapeau melon en arrière, le cigare éteint aux dents, allant d'un camion à l'autre, sans rien dire, en regardant tout de ses yeux durs. La pluie noircissait les bâches où on lisait: «Henri Dionnet. Denrées coloniales».

Ce matin-là, les choses ne se passèrent pas ainsi. Charles referma son parapluie sur le seuil. Il ouvrit la porte du magasin. Et tout de suite, la petite Mlle Thérèse s'avança vers lui, de gros yeux effarés dans sa grosse tête.

— On vous demande là-haut, monsieur Charles. . .

Pourquoi cela sentait-il la catastrophe? (Simenon)

В этом двучастном сверхфразовом единстве сопоставляется то, что должно было бы быть, и то, что было на самом деле. Сверхфразовое единство начинается с презентатива voilà: «вот, как должно было бы быть и вот, как все было в это утро. . .»

Первая часть двучастного СФЕ может служить своего рода введением ко второй части. Такое «введение» не служит, разумеется, отдельным высказыванием:

[*La route de la montagne passe devant le bourg. Là, elle fait un coude, un beau détour autour d'une fontaine, puis elle s'en va vers les plaines où de ce temps on voit trembler le chaud.*

A ce coude-là, il y avait déjà tous les vieux du «Cercle des Travailleurs», la buraliste avec ses yeux de sang et puis des femmes, et puis des petits qui tenaient les jeux des femmes à pleines mains. (Giono)

В первой части описывается место у поворота дороги. Во второй — группа людей, собравшихся в этом месте. Обе части связаны еще дополнительно повторяющимся упоминанием о повороте дороги.

В первой части следующего отрывка речь идет о впечатлении неуловимых, но непрерывно происходящих с героиней романа перемен, перемен, которые автору кажутся и неожиданными, и странными.

Во второй части сверхфразового единства, начинающейся со слов *Cette impression m'était fort déplaisante*, тема — та же, автор лишь выражает чувство недовольства, чувство раздражения, вызванное происходящими изменениями в характере Луизы. Эта вторая часть вносит в высказывание субъективный оттенок, но не представляет собой отдельного высказывания, не содержит новой, законченной микротемы. Средством связи двух частей служит указательное прилагательное *cette* при повторяющемся существительном *impression*, подытоживающим содержание первой части.

[*Une note qui la concernait me servait très souvent à faire le point. «Personnage de Louise»: Assez jolie quoique de type peu marqué. Jolie comme une jolie robe, un joli chapeau qui n'ont d'éclat qu'un temps.*

. . . Elle ne pleure pas; elle aurait honte de pleurer: cela ne se fait pas devant les gens.

J'avais *ainsi*, quand j'écrivais, son double sous les yeux et, à ce détail près que Louise s'était deux ou trois fois permis de pleurer en public, je pouvais me reporter à ce portrait et le considérer comme ressemblant. Mais par instants j'éprouvais *l'impression* que le personnage de Louise se transformait et que sous les dehors que je lui connaissais, un insensible travail s'accomplissait en lui.

[*Cette impression m'était fort déplaisante. J'avais fait de la jeune femme la figure principale de mon livre et je n'admettais point qu'elle m'échappât même par d'obscurs, par de petits côtés. . .* (Carco)

В следующем отрывке содержатся два сверхфразовых единства, причем второе — двучастное. Первое начинается указанием на время: *A dix heures moins cinq. . .* Второе вводится наречием *Tout à coup*, очень часто выполняющим эту функцию. Начало обоих сверхфразовых единств совпадает с началом абзацев. Третий абзац (*Dans l'obscurité totale. . .*) представляет собой вторую часть второго сверхфразового единства. Залп автоматов, заставивший присутствующих броситься на землю, — введение, рисующее условия последующего поведения Марнье в темноте, явившейся результатом обстрела (*La lumière s'éteignit subitement*):

[*A dix heures moins cinq*, l'adjudant-chef Marnier, commandant de la quatrième section, accompagné de son successeur désigné pour le jour proche de sa retraite, arpentait la galerie menant de ses postes de combat à la rotonde B. Se jugeant un peu en avance, les deux hommes firent demi-tour avant de déboucher sur la place, respectueux du vieil et indiscutable adage militaire: «Avant l'heure, ce n'est pas l'heure».

[*Tout à coup* un vieux réflexe de guerre les précipita tout de leur long sur le sol. Quelque part, derrière eux, une rafale d'arme automatique, rageuse, pressée, venait de retentir accompagnée en écho quasi instantané, du claquement caractéristique des arrivées des balles sur quelque chose de dur. La lumière s'éteignit subitement. Les voûtes sonores répercutèrent le sinistre bruit.

Dans l'obscurité totale, Marnier se releva, d'un effort, tendit les bras autour de lui, tâtonnant comme un aveugle, à la recherche de la paroi proche. . . (Nord)

Части одного сверхфразового единства, как упоминалось, имеют то же оформление начала, что и целое единство. В данном случае это — обстоятельственная группа.

* * *

Многочастные сверхфразовые единства чаще всего содержат перечисление сопоставляемых фактов или примеров, иллюстрирующих высказанный предварительно тезис.

Следующий отрывок, представляющий собой начало романа Сименона «Бургомистр Фюрна», состоит из одного трехчастного сверхфразового единства, включающего три абзаца. В первой части говорится о том, что бургомистр Терлэнк имел достаточно времени, чтобы выполнить предстоящие действия. Во второй и третьей перечисляется, какие именно действия ему предстояло осуществить:

[*Cinq heures moins deux*. Joris Terlinck, qui avait levé la tête pour regarder l'heure à son chronomètre qu'il posait toujours sur le bureau, avait juste le temps devant lui.

Le temps d'abord de souligner au crayon rouge un dernier chiffre et de refermer un dossier dont le papier bulle portait la mention: «Projet de devis pour l'installation de l'eau et en général pour tous les travaux de plomberie du nouvel hôpital Saint-Eloi».

Le temps ensuite de repousser un peu son fauteuil, de prendre un *cigare* dans sa poche, de le faire craquer et d'en couper le bout à l'aide d'un joli appareil nickelé qu'il tira de son gilet.

Дальше следует новое сверхфразовое единство, в котором описывается обстановка ноябрьского вечера в кабинете бургомистра.

Затем продолжается третья часть предыдущего сверхфразового единства; связью служит слово *cigare*:

[*Le cigare tirait bien. Tous les cigares de Terlinck tiraient bien, puisque c'était lui le fabricant et qu'il se réservait une qualité spéciale . . . (Simenon)*

Когда в тексте приводится ряд примеров в подтверждение или для иллюстрации тезиса, представленного в начале высказывания, то все эти примеры оказываются составными частями одного сверхфразового единства. Они не представляют собой отдельных законченных микротем, не имеют самостоятельного содержания, зависят от того целого, частями которого являются. Перечисляемые элементы вводятся однотипными средствами, так как они представляют собой однотипные части высказывания:

[*Je n'ai pas démerité, j'ai tenu ma promesse et je continue. J'ai servi la France de tout mon cœur, puisque c'est tout ce qui me reste de ma mère, à part une petite photo d'identité. J'écris aussi des livres, j'ai fait carrière et je m'habille à Londres, comme promis, malgré mon horreur de la coupe anglaise. J'ai même rendu de grands services à l'humanité. Une fois, par exemple, à Los Angeles, où j'étais alors Consul Général de France, ce qui impose évidemment certaines obligations, en entrant un matin dans le salon, j'ai trouvé un oiseau-mouche qui était venu là en toute confiance, sachant que c'était ma maison, mais qu'un coup de vent, en fermant la porte, avait emprisonné entre les murs pendant toute la nuit. Il était assis sur un coussin, minuscule et frappé d'incompréhension, peut-être désespéré et perdant courage, et il était en train de pleurer d'une des voix les plus tristes qu'il me fut jamais donné d'entendre, car on n'entend jamais sa propre voix. J'ai ouvert la fenêtre et il s'est envolé et j'ai rarement été plus heureux qu'à ce moment-là et j'ai eu la conviction de ne pas avoir vécu en vain. Une autre fois, en Afrique, je pus donner à temps un coup de pied à un chasseur qui était en train de viser une gazelle immobile au milieu de la route. Il y a eu d'autres cas analogues, mais je ne veux pas avoir l'air de trop me vanter de ce que j'ai pu accomplir sur terre. Je raconte ceci simplement pour prouver que j'ai vraiment fait de mon mieux, ainsi que je l'ai dit. Je ne suis jamais devenu cynique, ou même pessimiste, au contraire, j'ai souvent de grands moments d'espoir et d'anticipation. En 1951, dans un désert du Nouveau-Mexique, alors que j'étais assis sur un roc de lave, deux petits lézards tout blancs grimèrent sur moi. Ils m'explorèrent en tous sens avec une assurance*

complète et sans la moindre frayeur et l'un d'eux, après avoir appuyé tranquillement ses pattes de devant contre mon visage, approcha son museau de mon oreille et resta là un bon moment. On peut imaginer avec quel bouleversant espoir, avec quelle fervente anticipation je demeurai là, attendant. Mais il ne dit rien, ou en tout cas, je n'entendis rien. . . (Gary)

Положение, высказанное в начале отрывка J'ai même rendu de grands services à l'humanité, иллюстрируется в приведенном отрывке текста тремя примерами.

СОЧЕТАНИЕ СВЕРХФРАЗОВЫХ ЕДИНСТВ

Сверхфразовое единство представляет собой некое семантически законченное высказывание, относительно самостоятельное и отграниченное языковыми средствами от предыдущего и от последующего текста. Но в то же время всякое сверхфразовое единство является элементом, частью данного текста, частью отрывка текста, в который оно входит. Оно может располагаться на основной линии текста, продвигая тем самым основную тему повествования, может лежать на его периферии. Но, будучи составными частями одного текста, сверхфразовые единства должны не только отграничиваться друг от друга семантически и формально, но и связываться между собой. От одного сверхфразового единства к другому как бы перекидываются «мостики», обеспечивающие связное и плавное изложение. Такой «переход» от одного СФЕ к другому может находиться: 1) между двумя сверхфразовыми единствами, 2) в конце первого сверхфразового единства или 3) в начале второго.

Серия связанных между собою и последовательно расположенных или переплетающихся сверхфразовых единств образует отрывок текста.

[*Coste* était un enfant du pays, mais il y revenait après un long séjour au Mexique. C'était, paraît-il, un homme maigre et silencieux. On se souvient surtout de ce qui le caractérisa: des sautes d'humeur violentes qui le faisaient passer sans transition d'une bonté de pain à une cruauté famélique. Il semblait être aux prises avec un problème qu'il essayait de résoudre de deux façons différentes sans jamais y arriver.

Il était veuf, mais il avait deux filles. [*On parle encore de leur beauté.* Elles étaient, à peu de chose près, du même âge. A m'entendre, comme à entendre tous ceux qui en parlent, on croirait que nous les avons connues. Tous leurs contemporains sont morts et il est cependant de notoriété publique qu'elles étaient brunes à peau de lait que leurs yeux énormes, d'un bleu d'acier, regardaient les choses avec une extrême lenteur. On parle aussi de l'ovale ravissant de leur visage et de leur démarche qui, à ce qu'on dit, vous laissait bouche bée.

Anais et Clara firent des ravages considérables parmi la gent masculine. Il était très difficile de les approcher. Elles ne fréquentaient pas.

Elles furent demandées en mariage. . . (Giono)

В первом сверхфразовом единстве речь идет о Косте, о его характере, каким он представлялся его соседям.

Второе сверхфразовое единство посвящено новой теме — описанию внешности дочерей Коста. Оба высказывания связаны фразой, находящейся между ними. В ней словами *il était veuf* заканчивается первое единство, посвященное отцу, а словами *mais il avait deux filles* вводится второе, в котором речь пойдет о дочерях.

[*Que de richesses, que de domaines, que de châteaux* elle laissait à ses descendants! Sa beauté lui avait permis, en douze ans, d'en acquérir vingt fois plus que les aïeux de son père et de son mari pendant des siècles.

Des sommes importantes devaient être affectées à doter les jeunes filles pauvres d'Anet et à célébrer en l'église des Filles Repenties de nombreuses messes à l'issue desquelles serait prononcé à haute voix: «Priez Dieu pour Diane de Poitiers!»

А la faveur de l'anarchie qui ramenait la France à l'état féodal, la duchesse de Valentinois jouissait sur ses terres d'une véritable souveraineté. *Des gens de cour venaient encore la saluer, évoquer de vieux souvenirs.* [*Un visiteur imprévu la surprit un jour.* Brusquet, ce Provençal hâbleur sauvé de la potence par Henri en 1536, devenu bouffon, puis maître des postes et quasi favori, avait lui aussi prêté l'oreille à la voix de Calvin. Poursuivi comme huguenot, mal vu de la Reine-Mère, ne sachant où se cacher, il demandait asile à l'amie de son maître. Diane eut un de ces gestes nobles, trop rares en sa longue carrière. Malgré sa haine des hérétiques, elle accueillit le pauvre fou, lui permit de mourir en paix.

[*Pendant l'été 1565, elle se cassa la jambe.* . . (Erlanger)

В этом случае переход от одной микротемы к следующей осуществляется фразой *Des gens de cour venaient encore la saluer.* . . Во второй микротеме *Un visiteur* связано с *Des gens de cour.* В первом сверхфразовом единстве описываются богатства Дианы де Пуатье, ее положение после того, как она поселилась в своем замке. Второе единство, начинающееся в середине абзаца, повествует о визите к стареющей Диане преследуемого королевой-матерью гугенота.

В следующем ниже отрывке ситуация такова: мать, забывшая дома ключ от своей квартиры, приходит в магазин, в котором работает ее дочь. Дочь дает матери ключ. На этом кончается первый эпизод. Второй эпизод — разговор дочери с заведующим магазином. Переходом от первого ко второму послужит фраза *Le gérant les observait*, находящаяся между двумя эпизодами и соединяющая их.

Laurence. . . était bien forcée d'aller en ville chercher la clef d'une de ses filles. Ce fut à Lulu qu'elle pensa. Elle la trouva age-

noillée, serrée dans son tablier noir, devant un enfant à qui elle essayait des escarpins vernis. Laurence était en cheveux. Une autre vendeuse, qui ne la connaissait pas, voulait la servir.

— Merci. . . C'est pour ma fille. . .

— Qu'est-ce que tu veux?

— Tu as la clef?

— C'est ça. Tu as encore oublié la clef. . .

Elle-même devait aller la chercher dans son sac, à vestiaire.

Le gérant les observait.

[*A peine Laurence était-elle sortie et la cliente au bambin servie qu'il appelait:*

— Mademoiselle Lucienne!

Elle s'avança, prête à griffer.

— Qu'est-ce que c'était?

— Ma mère qui avait oublié sa clef. . .

— Essayez que cela ne se représente pas trop souvent. . . Cela interrompt le service. . .

Elle ne se fâcha pas comme elle y était disposée. . .

. . . Bien, m'sieu. (Simenon)

Gaspard était trop occupé par les nécessités de son travail pour attacher importance à des rêveries qui ne faisaient que traverser son esprit. Cependant il se persuadait peu à peu qu'un beau jour, au cours de quelque promenade, il surprendrait cette parole qui lui ferait découvrir tout ce qu'il ignorait, et même des choses dont personne n'avait jamais eu l'idée. Or, il arriva qu'un soir il entendit quelques mots qui devaient changer sa vie.

[*C'était un soir de mai. Les marronniers venaient de fleurir devant la mairie. On guettait les asperges dans les jardins. Le grand nettoyage de printemps était terminé à l'hôtel du «Grand Cerf», et Gaspard faisait une de ses premières promenades de l'année. Il était venu dans le sentier le long des jardins et s'était assis derrière un rideau d'herbes naissantes non loin de la maison du maire. Il lui arrivait rarement de rester dans ce voisinage distingué. A peine venait-il de s'arrêter pour une brève méditation, qu'il entendit la musique d'un poste de radio. Presque aussitôt la musique cessa, le programme étant terminé, puis une voix dit: «Veuillez écouter maintenant un communiqué». . . (Dhôtel)*

В этом случае фразой, связывающей два последовательных сверхфразовых единства, является последняя фраза первого из них. Связь между двумя единствами поддерживается повторением слова un soir в начале второго единства.

Michel n'aimait pas plus Buchet que les autres. Peut-être seulement l'estimait-il, avait il pour lui un respect inconscient, à cause du courage qu'il avait de sombrer plus bas que n'importe qui. Certains n'affirmaient-ils pas avoir vu le musicien fouiller furtivement dans les poubelles?

Ils n'avaient rien à se dire. Cela n'avait pas d'importance. Il y avait de la lumière, des reflets sur les bouteilles, les joues lavées

de pluie de la marchande de fleurs, le visage terreux du chauffeur qui mangeait un oeuf.

Or, c'est là que l'aventure, par le plus inattendu des hasards, devait commencer. [*La porte s'ouvrit.* Maudet vit, dans la glace d'abord, un jeune homme en pelisse, coiffé d'un chapeau melon, ganté de clair, qui s'avavançait vers le comptoir en affectant l'assurance d'un noctambule. (Simenon)

В приведенном выше отрывке последняя фраза первого сверхфразового единства, находящаяся в начале нового абзаца, вводит следующее сверхфразовое единство, которое начинается в середине абзаца.

... Maître Sedagne ordonna à Gaspard d'astiquer les cuivres, puis il sortit et ferma la porte à clef. Gaspard entreprit machinalement son astiquage. Peu de temps après, les mouvements du navire s'apaisèrent, puis ils cessèrent tout à fait. Enfin les machines stoppèrent. Gaspard entendit le bruit de la chaîne d'ancre qui se dévidait dans l'écubier. Après quoi ce fut un silence total. Gaspard se leva et chancela. Habitué maintenant au roulis et au tangage, il éprouvait un vertige sur le plancher parfaitement ferme entre les cloisons immobiles. *Gaspard alla ouvrir son hublot.*

[*Sous le ciel bleu, une ville s'étendait.* Des villas, des maisons blanches, des palmiers, des arbres inconnus. Le yacht était amarré à l'entrée du port, à une encâblure d'une longue plage de sable. On entendait des klaxons, et une vague rumeur qui venait du port. Assez loin, des enfants jouaient sur la plage. Gaspard les regardait comme il aurait regardé les anges du Paradis. C'était inespéré pour lui de voir cette vie paisible d'une île pleine de lumière, au milieu de l'Océan. (Dhôtel)

Здесь последнее предложение первого сверхфразового единства осуществляет переход ко второму сверхфразовому единству, в котором описывается ночной город. Гаспар любуется им через иллюминатор каюты.

Après avoir parcouru une immense futaie de hêtres, ils arrivèrent dans une allée bordée de chênes dont les feuillages énormes s'élevaient vers un ciel maintenant nuageux. Après les chênes, il y eut des taillis obscurs, puis d'autres taillis clairsemés qui étaient peuplés de sorbiers et ornés de chèvrefeuille. Plus loin, des gânets avec des bouleaux. On traversa aussi une forêt d'épicéas où le cheval glissa sans bruit dans un sentier couvert d'aiguilles. Gaspard apprit donc qu'il n'y avait pas une mille forêts dont pas une ne ressemblait à celle de Lominval. Il passa dans des sous-bois marécageux où les herbes pâles et les campanules s'élevaient au milieu des ombres. Un autre bois était fait presque uniquement de peupliers morts, après quoi on découvrait une clairière emplie de fleurs rouges et de myosotis. C'est impossible de tout décrire. Comme on traversait des rocailles semées de bruyères, les fers du cheval lancèrent des étincelles et ce fut à ce moment que l'orage éclata.

[*Un orage qui emplissait les trois quarts du ciel. Le vent s'élevait.* Cette région de bruyères permettait de voir au loin le soleil

qui au même moment brillait dans l'azur à l'horizon de la forêt. La lumière rasante faisait paraître d'un noir intense les nuées qui furent déchirées bientôt par cent autres lumières, lorsque les éclairs les parcoururent. Certains éclairs doubles ou triples fondaient au milieu des bruyères et une pluie cinglante tomba. (Dhôtel)

Отрывок, посвященный описанию леса, по которому скачет на лошади мальчик, заканчивается словами о том, что началась гроза. Эти слова служат переходом к следующему сверхфразовому единству, содержанием которого будет описание грозы.

Связь последующего высказывания с предыдущим может осуществляться посредством первого предложения во втором сверхфразовом единстве.

Arrivé à Paris à minuit, Baillet, après avoir erré sous les lumières blêmes de la gare, avec sa casquette d'uniforme, dénichait enfin un train de messageries pour Bordeaux. Le conducteur lui offrit une cigarette et l'aida à s'installer dans un wagon de marée.

[*C'était à Montparnasse. Et à Montparnasse aussi*, dans une boîte de nuit à moitié vide, Martine était assise en face d'un jeune homme blond tandis que Philippe, à côté d'elle, conversait avec une jeune femme anémique.

Ils buvaient du champagne. Martine avait dansé deux fois avec leur ami, car M. Grindorge, que Philippe appelait déjà Albert, était leur ami. . . (Simenon)

В приведенном отрывке предложение *C'était à Montparnasse* начинает второе сверхфразовое единство и в то же время подытоживает, заключает содержание предыдущего, указывая, где происходило все то, что было в нем описано. Затем идет присоединительная конструкция, начинающаяся с союза *Et* и подхватывающая указание места — *Montparnasse*.

Dès cette nuit du 2 avril 1547, le règne entier de Henri se trouva tracé. Claude de l'Aubespine a écrit: «Comme nous voyons au ciel ces deux grands astres le soleil et la lune. . . de même Montmorency et Diane avaient entièrement puissance absolue en ce royaume, le premier sur la couronne, l'autre sur la personne». Et l'auteur des mémoires de Tavannes: «Le Connétable était nocher et patron du navire dont Mme de Valentinois tenait le timon».

Une comparaison moins poétique semble plus juste. [*L'Etat figurait une balance* dont un faible monarque soutenu pas la volonté de sa maîtresse constituait le fléau; deux familles dévorantes occupaient les plateaux que la favorite équilibrait constamment en opposant à «la suprême faveur de Montmorency la grandeur redoutable des Guise». Le jour où le Roi et son Egérie disparaîtraient, ils auraient recréé une féodalité qu'on avait crue morte avec le Connétable de Bourbon. (Erlanger)

Начало второго сверхфразового единства служит переходом от первого ко второму; в обоих дается характеристика царствования короля Генриха II.

В повествовании одно сверхфразовое единство может прерываться другим, как бы «вторгающимся» в него. По окончании

этого «вторгшегося» высказывания первое возобновляется. Происходит как бы переплетение двух микротем, из которых обе в одинаковой мере служат продвижению повествования.

Gaspard resta longtemps étendu. L'après-midi entier s'était écoulé. Le soleil touchait déjà la cime des forêts.

— Je trouverai bien la pente, se disait Gaspard, et je descendrai sur la Meuse. Je dormirai dans la salle d'attente de Vireux.

Il avait perdu sa musette et il crevait de faim. Il mangea quelques mûres qu'il trouva dans les ronces de la lisière, après quoi il chercha à s'orienter.

Il se trouvait sur la bordure d'une longue prairie encadrée dans un golfe de la forêt. Les fleurs y étaient répandues à profusion. A son extrémité la prairie s'élargissait et donnait sur des terres assez vastes au fond desquelles s'élevait une maison. Gaspard se dirigea de ce côté, et dès qu'il fut arrivé au bout de la prairie il reconnut la maison de *Théodule Residoré, le propre fils d'Emmanuel*.

Comment n'avait-il pas songé à lui dans toutes ces conjonctures? Si le père laissait son fils vivre à l'écart, n'ayant sans doute pas trouvé dans sa progéniture de quoi satisfaire des ambitions étincellantes néanmoins il y avait certainement entre eux des relations affectueuses, car l'un et l'autre montraient d'excellents sentiments. Gaspard pouvait à tout moment trouver conseil et appui auprès de Théodule, [Il arriva devant la maison comme la nuit tombait.

Théodule lui-même ne faisait que rentrer. Comme Gaspard s'avavançait, il vit une camionnette qui débouchait du bois et d'où Théodule descendit ainsi que Marvel, son vieil employé. . . (Dhôtel)

Мысль о том, что Теодуль — сын Эммануэля, приводит Гаспара к рассуждению о возможности попросить помощи Теодуля. Это рассуждение вклинивается в повествование в качестве отдельной микротемы. Устранение его не нарушило бы ни в чем хода событий.

Je retournai ensuite à la base d'Hartford Bridge. Je me trouvais au mess lorsqu'un planton me remit un télégramme. Je jetai un coup d'oeil à la signature: Charles de Gaulle.

Je venais de recevoir la Croix de la Libération.

[Je ne sais s'il reste encore quelqu'un pour comprendre ce que ce ruban vert et noir voulait dire alors pour nous. Les meilleurs de nos camarades morts au combat étaient presque seuls à l'avoir reçu. Aujourd'hui, je ne sais si le nombre de titulaires vivants ou morts se monte à plus de six cents. Je m'aperçois souvent, sans surprise, aux questions que l'on me pose, combien rares sont ceux qui savent ce qu'est la Croix de la Libération et ce que ce ruban signifie. Il est très bon qu'il en soit ainsi. Alors que tout, à peu près, a été oublié ou galvaudé, il est bon que l'ignorance préserve et mette à l'abri le souvenir, la fidélité et l'amitié.

Une sorte d'hébétude s'empara de moi. J'allais et venais, serrant les mains qui se tendaient vers moi, essayant presque de me justifier,

de me défendre, car eux, mes camarades, savaient bien que je n'avais pas mérité un tel honneur.

Mais je ne rencontrais que des mains fraternelles et des visages heureux. (Gary)

В приведенном выше отрывке французский летчик рассказывает о том, как он, неожиданно для себя, был награжден орденом «Освобождение». В рассказ о том, как это происходило, включено размышление о значении, о ценности этого ордена для участников войны.

. . . Déjà *l'enfant* s'éloignait vers l'extrémité de la place entre les deux hommes. Sans doute ils allaient chez le maire qui déciderait du sort de ce jeune vagabond. Des femmes sortaient des maisons et il se formait une foule alentour. Gaspard vit *l'enfant* qui tournait la tête vers lui et le regardait. Jamais Gaspard Fontarelle ne devait oublier ce regard. Quand tout le monde eut disparu à l'angle de la rue et que la place fut de nouveau déserte, *il revint à l'hôtel du «Grand Cerf»*. [*La servante s'occupait à mettre le couvert dans la salle du restaurant pour les rares voyageurs. Il gagna la petite pièce située entre la cuisine et la salle et où Gabrielle Berlicaut servait déjà la soupe pour les gens de la maison. [Personne ne savait encore qu'un enfant étranger avait été arrêté auprès de l'église tout à l'heure. . . (Dhôtel)*

Словами *il revint à l'hôtel du Grand Cerf* прерывается первое сверхфразовое единство, содержащее описание встречи Гаспара с заблудившимся ребенком. Затем начинается новое — описание того, что он увидел в ресторанном зале, после чего следует опять возвращение к первой микротеме. Словом, на котором построена эта микротема, является повторяющееся слово *enfant*. Переход от первого сверхфразового единства ко второму осуществляется через конечное предложение первого, прерванного единства: *il revint à l'hôtel du Grand Cerf*.

. . . Il revit nettement devant ses yeux l'air grave et anxieux du M. P. Un instantané, quelque part, dans sa tête. Quelques secondes de conversation. C'était fini. C'est ça, la guerre, pensa Maillat de nouveau. [*En temps de paix*, la vie est harmonieuse et composée.

On rencontre les mêmes gens, on les retrouve, on les perd de vue, on les retrouve encore. Les histoires se nouent et se dénouent harmonieusement, comme dans les tragédies classiques. Mais à la guerre, tout est décousu, sans lien, sans suite, sans cohérence. [*C'était derrière le Sana de Zuydcoote*, sous les arbres, que ce que les copains appelaient le camp s'étendait. Un immense rassemblement de soldats sans armes, sans chefs, toutes unités confondues. Maillat, en s'approchant, vit des petites fumées s'élever entre les arbres. . . (Merle)

Рассказ о действиях героя романа прерывается рассуждением, которое, очевидно, передает его размышления, навеянные воспоминанием о «военных» встречах. Майя размышляет о контрасте между мирным временем с гармоничным течением жизни, с мир-

ными» встречами с людьми и войной, когда все ломается, разрушается, становится хаотичным.

Сверхфразовое единство, прерывающее повествование о событиях, начинается с указания времени: *En temps de paix. . .* Следующее за ним — с указания места: *C'était derrière le Sana. . .*

Notre Potez avait des moteurs Pétrel, ce qui ne lui donnait pas une autonomie de vol suffisante pour tenir l'air jusqu'à Alger sans réservoirs supplémentaires. Nous risquions de voir nos moulins s'arrêter à quelques quarante minutes de la côte africaine.

Nous nous envolâmes quand même. [Je savais bien, moi, qu'il ne pouvait rien m'arriver, puisqu'une formidable puissance d'amour veillait sur moi, et aussi, parce que tout mon goût du chef-d'oeuvre, ma façon instinctive d'aborder la vie comme une oeuvre artistique en élaboration, dont la logique cachée mais immuable, serait toujours, en définitive, celle de la beauté, me poussaient à ordonner dans mon imagination l'avenir selon une correspondance rigoureuse dans les tons et les proportions, les zones d'ombre et les clartés, comme si toute destinée humaine procédait de quelque magistrale inspiration, . . .soucieuse avant tout d'équilibre et d'harmonie. Une telle vision des choses, en faisant de la justice une sorte d'impératif esthétique, me rendait, dans mon esprit, invulnérable tant que ma mère vivait — moi qui était son «happy end» — et m'assurait d'un retour triomphal à la maison. [Quant à l'adjudant Delavault, bien qu'il fût sans doute loin d'imaginer la vie douée de cette sorte de cohérence secrète et heureuse d'une oeuvre d'art, il n'hésita pas non plus à se lancer au-dessus des flots sur des moteurs trop faibles, avec un «on verra bien» flégmatisique, sans le moindre secours de la littérature, mais uniquement avec deux pneus dans la carlingue, pour nous servir de bouées, en cas de besoin.

Heureusement, un vent providentiel souffla ce matin-là, et ma mère soufflant sans doute aussi un peu, pour plus de sûreté, nous nous posâmes sur le terrain de Maison-Blanche, à Alger, avec une confortable marge de dix minutes d'essence dans nos réservoirs.

Nous continuâmes ensuite vers Meknès. . . (Gary)

Здесь в рассказ об очень опасном во время войны перелете из Англии в Алжир вклинивается рассуждение летчика о том, что ему лично ничто не угрожает, ибо любовь матери оберегает его от всякой опасности. Это рассуждение составляет первую часть особого сверхфразового единства. Затем следует его вторая часть, содержащая характеристику и описание настроения второго летчика, принимавшего участие в перелете. После этих двух отступлений автор возвращается к прерванной основной линии повествования. Обе части вклинившегося в основное повествование сверхфразового единства имеют свои зачины: *Je savais bien, moi. . .* и *Quant à l'adjudant Delavault. . .* Обе части, объединяясь в одно высказывание, образуют одно сверхфразовое единство, части которого найдутся в отношении сопоставления.

Ayant obliqué par la rue des Maturins, Marc se laissa attirer par les feuillages du square Louis XVI. Ce square lui *paraissait* moins triste que les autres parce qu'il était consacré à la tristesse, entourant des monuments voués au souvenir de suppliciés. Sa mélancolie *était* justifiée.

[*Les jardins publics sont* des salles d'attente. Certains adultes *essaient* de lire, quelques enfants de jouer; une toute jeune fille *récite* sa leçon à une compagne qui *suit* sur le livre. Le vieil homme au regard vide, qu'une forte femme en blouse blanche *dépose* tous les jours sur une chaise et *vient* récupérer une heure après, *incarne* pour Marc la vocation de ce lieu qui *est* consacré à l'écoulement du temps. De même qu'on *prend* place dans un véhicule pour aller d'un point à un autre dans l'espace, de même on *prend* place dans un square pour aller d'un point à un autre dans le temps. Tous les hôtes d'un square, ou presque, *savent* précisément le nombre d'heures ou de minutes dont ils *attendent* la fuite.

Les pesants rayons de soleil qui *frappaient* les pelouses *soulevaient* une buée où l'odeur de la végétation *se concentrait*, mais Marc ne *s'y trompait* pas: issue d'herbes et de feuilles domestiquées, cette odeur n'*était* pas celle de la campagne. S'il *était* un lieu où Marc *mesurait* l'erreur qu'il avait commis en se destinant à des métiers prisonniers de la ville, c'*était* en cet enclos où le choeur des moteurs automobiles déchaînés sur le boulevard Haussmann *matraquait* le chant des oiseaux. (Saint-Laurent)

Внимание героя романа, бредущего по Парижу, привлекает небольшой сквер, носящий название «Сквер Людовика XVI». Он кажется менее печальным, чем другие. . . Дальше герой начинает размышлять о городских парках вообще, которые он отождествляет с залами ожидания, заходя в которые люди остро ощущают бег времени. Затем мысли героя возвращаются к скверу, следует его описание, а также мысли героя, навеянных его видом.

Здесь начало и конец отрывка образуют одно «прерванное» сверхфразовое единство — сквер и его описание, данное в формах имперфекта. В это единство вклинивается отдельное сверхфразовое единство, содержащее характеристику городских парков вообще, причем, естественно, используется вневременной презенс. Дальше начинается новое сверхфразовое единство — воспоминания героя: Il n'avait pas encore huit ans que sa mère lui avait déjà imposé son destin professionnel. . .

Les formules, le nom: maître Dromiols. Un cachet magnifique, vert.

Je repliai la lettre et machinalement me retournai.

Derrière moi, debout, se tenait Balandran. Je me levai et nous nous regardâmes en silence.

Sans doute pour nous mesurer. [*C'est là* mouvement d'homme, le premier, le plus naturel; mouvement d'arrêt et de garde; sage défiance de l'autre dont il faut prendre la hauteur, supputer le poids, estimer la solidité. Tout

cela ramené à soi, sournoisement, par instinct de défense. Car, à l'apparition de l'autre, on sent qu'on est mis en question et, afin de pouvoir exactement le mesurer, on se juge soi-même à sa valeur, le plus sobrement qu'il se peut.

Balandran était plus petit que moi, et maigre; mais d'une maigreur brune, âpre, toute en cordons nerveux, en muscles nets. Déjà dans l'âge, gris, et de poils broussilleux. Des sourcils énormes; ils se hérissaient au-dessus du regard, serré au coeur de la prunelle: un point vif et patient d'attention défiante, qui luisait sans faiblir, dans une étonnante immobilité.

Il était vêtu d'un gros gilet de bure. Ses pantalons, taillés dans une étoffe lourde, il les avait serrés avec des lanières de cuir, sur d'énormes souliers à clous.

A la main, il tenait un jonc. . . (Bosco)

Рассказ о встрече автора с человеком по имени Баланدران, который принес ему письмо, и описание его внешности прерывается рассуждением о том, что при первой встрече с незнакомым человеком у людей появляется чувство настороженности и опасения. Опускание этого рассуждения, представляющего собой особое сверхфразовое единство, никак не отразилось бы на ходе повествования.

Maintenant, derrière le rideau, elle était là avec tous ces hommes et il n'y avait que lui à ne pas pouvoir entrer.

N'était-ce pas l'auto de Chatelard qui stationnait dans le coin? Cet homme allait-il prendre l'habitude de dîner à Port et peut-être d'y coucher?

La porte ne s'ouvrait pas. Personne n'entrait, ne sortait et on ne voyait que les rideaux jaunes avec, au-dessus, un peu de fumée et la partie supérieure d'un tableau-réclame sur la tapisserie, à fleurs sombres.

Tout cela n'était-il pas injuste? Viau avait-il le droit de boire toute la soirée dans ce café et d'interdire à son fils d'y mettre seulement les pieds pour venir dire un mot à Marie? Marcel n'était-il pas plus malheureux que n'importe qui au monde?

Son coeur battit, car la porte venait de s'ouvrir. Mais elle ne s'ouvrit pas assez, à peine de quoi lui laisser entrevoir les jambes et les sabots de deux pêcheurs *tandis que quelqu'un sortait.*

Il faisait froid. Marcel savait qu'un jour ou l'autre, à guetter de la sorte, il attraperait une bronchite et peut-être une pneumonie, comme sa cousine du Havre qui en était morte.

Il aimait encore mieux ça! Il souffrait trop! [*Puis soudain il était trop en colère* et voilà qu'il prenait le parti de traverser la rue, qu'il le faisait, qu'il posait la main sur le bec-de-cane de la porte et qu'il poussait celle-ci, pris de vertige au contact de la chaleur odorante.

Il était trop tard pour reculer. . . (Simenon)

В приведенном отрывке рассказ о поступках героя повествования перемежается его размышлениями, все время возвращающимися к его сопернику.

Первая фраза начинает сверхфразовое единство, описывая общую ситуацию. Затем включаются размышления героя, начинающиеся со слов *N'était-ce pas l'auto de Chatelard*.

Со слов *La porte ne s'ouvrait pas* автор возвращается к собственно повествованию, чтобы прервать его опять мыслями героя: *Tout cela n'était-il pas injuste?*

Словами *Son coeuf battit* автор возвращается к описанию событий, т. е. возвращается к дважды прерванному сверхфразовому единству. После слов *tandis que quelqu'un sortait* повествование прерывается в третий раз описанием холода, который наводит героя на мысль о болезни. Затем — снова возвращение к описанию хода событий, со слов: *Puis soudain il était trop en colère. . .*

Во всех случаях (кроме последнего, где возвращение к прерванному сверхфразовому единству осуществляется в середине абзаца), автор при перемене характера текста — повествование о событиях или мысли героя — переходит от одного абзаца к другому. Таким образом, оказывается, что основная линия повествования разбивается на четыре абзаца, между которыми помещаются части сверхфразового единства, описывающие мысли героя, которые, в свою очередь, распространяются на три абзаца, вставленные в последовательное повествование. Внимание читателя, его восприятие содержания текста как бы расслаивается: с одной стороны, цепь действий героя, продвигающая повествование, с другой — размышления, раскрывающие чувства и переживания героя. Такое построение текста характерно для Сименона, для которого психология героя, его переживания, изображение его внутреннего мира имеют первостепенное значение, никогда не заслоняются рассказом о внешних событиях.

Аналогичное сложное переплетение событий, описания ситуации, в которой эти события происходят, и имеющих второстепенное значение деталей иллюстрируется следующим отрывком из романа Сименона «*L'Agence O.*». Картина осложнена тем, что в этом отрывке прослеживаются и попеременно описываются действия нескольких героев.

Начинается отрывок с введения, содержащего общую характеристику события, которое будет описано ниже. Это введение занимает два абзаца. С третьего абзаца начинается рассказ о молодом человеке, пришедшем в бистро: *C'était un jeudi, dix minutes avant cinq heures. . .* Как это бывает в большинстве случаев, рассказ, представляющий собой сверхфразовое единство, начинается с обозначения времени. После первой фразы рассказ прерывается рассуждением о легкости проверки времени события, указанного автором: *L'heure était facile à contrôler. . .* Со слов: *A cinq heures moins dix, donc. . .* автор возвращается к повествованию о событиях, центром которых является молодой человек. Войдя в бистро, он заказывает чашку кофе. И на этом рассказ о нем прерывается. Появляется новая микротема: приезд двух инспекторов полиции. Они направляются в кафе, находящееся против бистро,

После краткого возвращения к теме о молодом человеке, который просит у кассирши быстро жетон для телефонного разговора, автор переходит к описанию нового события: на сцене появляется новый персонаж — знаменитый скульптор, хорошо известный парижанам. Он входит в то же кафе, что и инспекторы полиции, и заказывает стакан вина.

После этого автор опять возвращается к молодому человеку, наблюдающему через окно быстро за сценой, происходящей в кафе. Он решает позвонить в Агентство О. В Агентстве снимают трубку.

В этом отрывке сплетаются три микротемы: первая — о поведении молодого человека, к которой автор обращается, с перерывами, четыре раза. Эта микротема, составляющая сверхфразовое единство, начинается с указания времени: *A cinq heures moins dix, donc. . .* Тема о молодом человеке — главном герое повествования — основная и прерывается она 1) приездом инспекторов — это сверхфразовое единство начинается словами: *Quelques instants plus tard. . .*, т. е. тоже указанием времени; 2) приездом скульптора, который, составляя особую микротему, вводится словами: *A ce moment. . .*, т. е. опять-таки указанием момента совершения нового факта; 3) в самом начале, указанием на возможность уточнения времени происходящих событий по часам кафе.

Cette affaire à laquelle fut mêlé un homme célèbre dans le monde entier est sans doute, dans les annales criminelles, une de celles sur lesquelles fut gardé le silence le plus absolu et je me demande si, à l'heure qu'il est, on en retrouverait encore des traces dans les archives du Quartier Orfèvres.

Pourtant, tous les détails ci-dessous sont, je puis le garantir, d'une exactitude rigoureuse.

C'était un jeudi, dix minutes avant cinq heures de l'après-midi.

[L'heure était facile à contrôler, car il y a une horloge pneumatique au coin de la rue Tronchet, derrière la Madeleine, et on pouvait la voir de ce petit café d'habituez, un café bien sympathique, «Au Rendez-vous des Limousins», avec, pour les casse-croûte, des jambons et des saucissons qui pendaient au plafond, des piles de pain noir sur un coin du comptoir.

A cinq heures moins dix, donc, un jeune homme de vingt-cinq ans, environ, au visage très pâle, aux yeux fatigués, comme s'il avait passé plusieurs nuits sans sommeil, poussa la porte d'un autre bistro situé, celui-ci, à l'angle de la rue Tronchet.

Debout, près du comptoir, le jeune homme commanda un café-crème et ne quitta pas des yeux la devanture du «Rendez-vous des Limousins».

Quelques instants plus tard, deux hommes sortaient du métro Madeleine et, tout en flânant, se dirigeaient vers l'établissement. Un habitué de la Police judiciaire, et le jeune guetteur semblait en être un, pouvait reconnaître dans ces promeneurs, à l'air trop innocent, les inspecteurs Janvier et Bertrand.

Le jeune homme, qui avait froncé les sourcils, demanda à la caissière un jeton de téléphone, mais ne se dirigea encore vers la cabine.

A ce moment, en effet, un taxi s'arrêtait au coin de la rue Tronchet. L'homme qui en descendait ne pouvait nulle part passer inaperçu. D'abord, il mesurait plus d'un mètre quatre-vingts et, malgré sa barbe blanche en éventail, il se tenait aussi droit qu'un homme de trente ans. Sous les épais sourcils en brousaille, les yeux trahissaient une vie intense. Enfin, sur ses larges épaules, il portait une cape grise qui lui descendait jusqu'aux genoux.

Quelques passants se retournèrent sur lui. Deux ou trois d'entre eux, seulement, reconnurent le sculpteur T. . ., sans doute le plus célèbre sculpteur de l'époque.

Comme les deux inspecteurs de police l'avaient fait, il pénétra au «Rendez-vous des Limousins». Son regard aigu fit le tour des habitués, ne marqua aucune surprise en reconnaissant les policiers. Mais, sans leur adresser la parole, le sculpteur s'assit près de la fenêtre et commanda un verre de vin.

C'est alors que, dans le café du coin, *le jeune homme* pâle se précipita vers la cabine téléphonique. Quelques instants plus tard, *il avait l'Agence O. à l'appareil.*

Il était à ce moment cinq heures moins trois minutes. Torrence était assis à son bureau, occupé à bourrer une pipe. Emile, dans le cagibi voisin, pouvait non seulement voir ce qui se passait chez son patron, mais entendre tout ce qui s'y disait.

La sonnerie du téléphone retentit. Torrence décrocha. . . (Simenon)

Интересно отметить, что в ряде случаев последовательно расположенные части многочастного сверхфразового единства, как и следующие друг за другом отдельные сверхфразовые единства, различаются употребляемыми в них временными глагольными формами. Чаще всего это презенс—претерит—имперфект. Чередование этих временных форм объясняется их преимущественным употреблением в тексте, презенса — как формы рассуждения, претерита — как формы повествования о действиях, имперфекта — как формы описания ситуаций.

Примером могут служить следующие ниже отрывки текста. В первом рассуждение об одиночестве, вызывающем в человеке ощущение холода, дается в формах вневременного презенса. Во втором, в описании реки, вклинившемся в рассказ о действиях героя, используются формы описательного имперфекта. Собственно повествование ведется в обоих случаях в форме претерита.

. . . j'étais dans les régions basses, entouré partout par les eaux. . . Des haies d'arbres et de buissons *me cachaient* la vue du rivage. . . Parfois, une foulée de vent *secouait* les arbres. Les gouttes *s'écroutaient* d'un coup, et me *cinglaient* le visage. Elles étaient larges, glacées. Je *serrai* mon manteau en frissonnant. J'étais seul.

Solitude du frisson, du froid. Car rien ne *donne* plus que le frisson, le froid, l'impression de la solitude.

Et *c'est* là une solitude du dehors, mais pénétrante, qui tout à coup *envahit* l'être d'une muette désolation. Tout *est* abandon, silence.

Autour de moi, en moi, je *sentais* ce silence, cet abandon. «Ou suis-je venu? me *disais-je*. . . (Bosco)

Un soir, en rentrant à La Redousse, j'*aperçus* Balandran, de loin. Le dos courbé sous un faix de bois, il se hâtait. J'*essayai* de le suivre, mais je *perdit* sa trace. Peu après j'*entendis* de grands coups de marteau. Je *marchai* vers le bruit, et *arrivai* inopinément sur la rive droite de l'île.

Le fleuve n'y *était* pas large: deux cents mètres à peine de notre bord en terre ferme. Mais, resserré, il *prenait* un aspect terrifiant. Son flot *passait*, violent, sauvage, et les eaux qui n'avaient cessé de croître *couraient*, en certains points, pardessus l'île, entre les arbres colossaux et les taillis.

Je *dus* m'éloigner, mon sentier se perdant déjà sous l'inondation. Un autre, encore préservé, me *conduisit*, plus bas, sur la même rive. De là partait le bruit. Balandran travaillait. A la hache, au marteau, avec son agilité ordinaire, il construisait une sorte d'embarcadère de fortune, sur le bord. Je *l'appelai*. Il me *fit* signe de venir.

«L'eau monte toujours? *demandai-je*.

«Elle monte». (Bosco)

* * *

Будучи составными элементами текста, последовательно расположенные в нем сверхфразовые единства оказываются в самых различных между собой отношениях. Они могут вести одну линию повествования, соединяясь между собой «переходными» фразами или частями фраз. Они могут относиться к разным «уровням» текста: одно сверхфразовое единство может прерываться другим, уходящим от основного повествования, представлять авторские «отступления» или знакомить читателя с какими-нибудь второстепенными обстоятельствами, не имеющими иногда непосредственного отношения к повествуемому событию. Во всех случаях между сверхфразовыми единствами либо наличествуют связывающие их звенья, либо пролегают отчетливые границы, имеющие свое языковое выражение.

Переплетение сверхфразовых единств в тексте дает множество образцов замысловатых узоров, не только не мешающих последовательному продвижению повествования, но обеспечивающих его связность, содержательное и стилистическое богатство.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ТЕКСТЕ

ВРЕМЕННОЙ ПЛАН ПОВЕСТВОВАНИЯ

Претеритальный план. Вопреки традиционному мнению, что единственной глагольной формой повествования является претерит, в современном литературном языке французские писатели охотно пользуются другими временными формами для продвижения повествования о событиях. Тем не менее основной повествовательной формой продолжает оставаться претерит, при котором имперфект играет роль формы, описывающей ситуацию, в которой протекают действия, или характеризующей действующие лица.

Изучая систему глагольных времен французского языка, Г. Вайрих¹ относит к повествовательным формам *passé simple*, *imparfait*, *plus-que-parfait*, *passé antérieur* и *conditionnel*. Соответственно тексты, в которых участвуют эти формы, являются повествовательными. При этом автор отмечает, что кондиционал служит в повествовании для обозначения «антиципированных» действий.

В силу этого его значения кондиционал (или гипотетическое будущее) употребляется в повествовании о прошлых событиях, для называния проектируемых действий и этим ограничиваются его «повествовательные» возможности. Так что вряд ли его можно рассматривать как собственно повествовательную форму, если под повествованием понимать рассказ о последовательно происходящих событиях, о совершавшейся смене ситуаций, описание которых — функция имперфекта.

— Tu sais ce qu'Aurelio vient de me dire en dansant? Il paraît que Richter lui a proposé de l'emmener à New York. Il y *resterait* quelques jours pour prendre contact avec les associés de l'affaire. Et, en rentrant à Paris, il *aurait* une situation toute trouvée. Tu te rends compte? On n'*aurait* plus de soucis à se faire! (Troyat)

Quelquefois, quand les autres étaient partis, nous restions seuls à la «Croix du Sud». Le châlet était à nous. Je voudrais revivre certaines nuits limpides où nous contemplions le village, en bas, qui se découpait avec netteté sur la neige et l'on aurait dit un village

¹ Weinrich H. *Tempus*. Stuttgart, 1964, с. 20—23, 230—232 (франц. пер.: Weinrich H. *Le Temps*. Paris, 1973).

en miniature, l'un de ces jouets que l'on expose à Noël, dans les vitrines. Ces nuits-là tout paraissait simple et rassurant et nous rêvions à l'avenir. Nous nous *fixerions* ici, nos enfants *iraient* à l'école du village, l'été *viendrait* dans le bruit des cloches des troupeaux qui paissent. . . Nous *menerions* une vie heureuse et sans surprises. . . (Moldano)

Если обратиться к книжным текстам литературного языка, то совершенно очевидно следует признать основной глагольной формой, продвигающей рассказ о событиях, претерит. Эта его роль не зависит от жанра. Она свойственна претериту в любом жанре книжной речи — в художественной и научной литературе, в публицистике и административно-деловых текстах.

Из этого, однако, не следует, что в повествовательном тексте может употребляться только одна форма, продвигающая повествование. Как правило, в любом тексте имеет место смена, чередование глагольных форм в соответствии с его характером. В собственно повествование могут вклиниваться описания, рассуждения, отдельные замечания автора, не связанные непосредственно с линией повествования, может вклиниваться и прямая речь. Во всех этих случаях претерит, ведущий основную линию повествования, будет сменяться другими формами.

. . . Il *dépassa* les deux grands detours du fleuve puis il *remonta* sur la berge et il *remit* ses plaques. Il *se poussa* dans la fente. A la remontée il *arrêta* son élan en pliant un de ses genoux. Il *regarda*. Là-bas loin des hommes noirs, petits comme des fourmis. Ils *pa-taugeaient* lourdement avec leurs raquettes. (Giono)

Временная ограниченность действия формой претерита создает определенное впечатление жесткости, отсутствия обертонов действия, не выходящего за определенные пределы. Отсюда — известная сухость изложения, которая используется писателями в стилистических целях. Примером такого стилистического использования претерита на протяжении целого художественного произведения может служить роман Робера Мерля «Смерть — мое ремесло».²

Сюжету романа — автобиографии начальника немецкого концлагеря, человека сухого, жестокого, ограниченного, думающего только о неуклонном выполнении приказов начальства, какими бы бесчеловечными они ни были, старающегося, в интересах своей карьеры, повысить «пропускную способность» возглавляемого им лагеря, т. е. уничтожить как можно больше людей в как можно более короткие сроки. Мысли человека, лишенного человеческих чувств, маниака, переданы в романе Мерля лингвистическими средствами соответствующего характера. Прежде всего это, конечно, лексика определенных семантических пластов, но и некоторые грамматические приемы, например: минимальное количество прилагательных-определений, что создает впечатление сухости и скудости в характеристике понятий, и преимущественное

² Merle R. La mort est mon métier. Paris, 1952.

употребление «объективных» форм претерита, отрывисто, сухо перечисляющего действия, не придающего им никакой «картинности», никакой мягкости, никакой неопределенности, которые могла бы им сообщить форма имперфекта, никакой субъективности, которая кроется в формах сложного перфекта.

Разумеется, в отдельных случаях есть и прилагательные-определения, и другие, кроме претерита, временные формы, но и тех и других относительно мало и не они характеризуют стиль произведения.

«Au bout d'une demi-heure de trot, Suleiman *étendit* le bras à la hauteur de ma poitrine. Je *m'arrêtai*.

«Écouter! On entend des chiens».

Il *ajouta*:

«Cette fois, c'est bien le village rebelle».

J'*envoyai* un dragon prévenir le lieutenant, et la même manoeuvre que précédemment *se déroula*, mais cette fois-ci, ponctuée par des aboiements furieux. Les hommes *se mirent* en place d'eux-mêmes. Ils étaient maussades et silencieux.

Une forme blanche très petite *apparut* entre les maisons. Les dragons ne *bougèrent* pas, mais je *sentis* comme une tension traverser leur ligne. La forme *approcha* de nous avec un bruit étrange, et finalement *s'arrêta*. C'était un chien. Il *se mit* à japper plaintivement, en reculant devant nous pas à pas, l'arrière-train à ras du sol.

Du même instant, il y *eut* un martèlement de sabots, une salve de mousqueterie, et dans le bref silence qui *suivit*, un cri de femme *s'éleva*, un «hal hal hal» aigu, déchirant, interminable. L'instant d'après, des coups de feu *éclatèrent* de tous les coins à la fois, puis une vive lueur *éclaira* le ciel, on *entendit* des coups sourds, des piétinements, des plaintes, et nos chevaux *commencèrent* à s'agiter.

Trois chiens *sortirent* en trombe du village, *déboulèrent* sur nous à toute vitesse, et *s'arrêtèrent* net, presque sous les pieds des chevaux. L'un d'eux portait une large entaille sanglante au creux de l'épaule. Ils *se mirent* à japper et à pousser de petites plaintes comme des enfants. Puis l'un d'eux, brusquement, *s'enhardit*, *fila* comme une flèche entre le cheval de Bürkel et le mien. Les deux autres, aussitôt, *se précipitèrent* à sa suite, je *me retournai* sur ma selle pour les suivre du regard, ils *furent* quelques bonds, puis tout d'un coup, ils *s'arrêtèrent*, *s'assirent* sur leur arrière-train, et *se mirent* à hurler à la mort.

Un «hal hal hal» strident *s'éleva*, je *me retournai*, les coups sourds, dans le village, résonnaient violemment, et à deux reprises, des balles *sifflèrent* au-dessus de nos têtes. Les chiens, derrière nous, hurlaient à la mort, les chevaux s'agitaient, je *tournai* la tête à droite, et je *dis*:

«Bürkel, tirez un coup de feu pour éloigner ces bêtes.

— Sur elles, Herr Unteroffizier?

Je *dis* vivement:

«Mais non, pauvres bêtes, tirez donc en l'air».

Bürkel *tira*. Un groupé de formes blanches *sortit* du village en courant, *dévala* la pente vers nous, une voix de femme très aiguë *s'éleva*, je *me dressai* sur ma selle et je *criai* en arabe: «Va-t'en!»

Les formes blanches *s'arrêtèrent*, *refluèrent* et comme elles hésitaient, des formes sombres *fondirent* sur elles, des éclairs de sabre *brillèrent*, et ce *fut* tout. Il y avait maintenant, à trente mètres en avant de nous, se détachant nettement sur le sol, un petit amas blanc immobile, et qui tenait vraiment peu de place.

Sur ma droite, une petite flamme bleue *éclaira* les mains et le visage d'un dragon, je *compris* qu'il regardait l'heure, et comme cela n'avait vraiment pas d'importance, je *criai*:

«Vous pouvez fumer».

Une voix *répondit* joyeusement: «schönen Dank!» des petits points rouges *brillèrent* sur toute la ligne, et la tension *se relâcha*. Les cris et les hurlement *reprirent* avec tant de force qu'ils couvraient les hurlements des chiens. Il était impossible de distinguer les voix d'hommes des voix de femmes, c'étaient des «ha! ha! ha!» aigus et rauques à la fois, psalmodies comme un chant.

Il y *eut* une accalmie, et Bürkel dit:

«Herr Unteroffizier, regardez!»

Une petite forme blanche descendait la pente vers nous en hésitant curieusement, une voix *dit* avec indifférence: «Un chien». La petite forme jappait doucement comme un enfant qui pleurniche, elle avançait avec une lenteur exaspérante, elle trébuchait sur les pattes. A un moment donné, elle *parut* tomber et rouler plusieurs mètres, plus *se remit* sur pied. Elle *passa* dans l'ombre d'une maison, on la *perdit* de vue complètement, puis brusquement, elle *déboucha* dans le clair de lune, elle *fut* sur nous. C'était un petit garçon de cinq à six ans, en chemise, pieds nus, une balafre sanglante au cou. Il était debout, chancelant un peu sur ses pieds, il nous regardait de ses yeux sombres, et tout d'un coup, il *se mit* à crier, d'une voix extraordinairement forte: «Babal Babal». Puis il *tomba* tout de son long, le visage contre le sol.

Bürkel *sauta* au bas de son cheval, *courut* vers lui et *s'agenouilla*. Son cheval *fit* un écart. Je *réussis* à saisir les rênes, et je *dis* d'une voix nette:

«Bürkell!»

Il n'y *eut* pas de réponse, et au bout d'un moment je *répétai* sans élever la voix:

«Bürkell!»

Il *se releva* lentement et *vint* vers moi. Il *se tint* debout près de mon cheval, sa tête carrée brillait dans le clair de lune, je le *regardai* et je *dis*:

— Qu'est-ce qui vous a permis de démonter?

— Personne, Herr Unteroffizier,

— Est-ce que je vous ai donné l'ordre de démonter?

— Nein, Herr Unteroffizier.

— Pourquoi l'avez-vous fait?

Il y *eut* un silence et il *dit*:

— J'ai cru bien faire, Herr Unteroffizier.

— Il ne faut pas croire, Bürkel. Il faut obéir. Il *serra* les lèvres, et je *vis* la sueur couler sur sa machoire contractée. Il *dit* avec effort:

— Ja, Herr Unteroffizier.

— Vous serez puni, Bürkel.

Il y *eut* un silence. Je sentais les hommes tendus vers ce silence et je *dit*:

Remontez à cheval. . .

Il *prit* les rênes de mes mains et *se mit* en selle. Au bout d'un moment, je *vis* une cigarette allumée tracer un sillage lumineux dans la nuit et tomber sur le sol avec de petites étincelles. La seconde d'après, une autre *suivit*, puis une autre, puis une autre encore, et ainsi de suite sur toute la ligne. Et je *compris* que mes hommes me haïssaient. (Merle)

Существует мнение, что форма претерита выходит из употребления, что это форма умирающая. Действительно, в наше время в живом, разговорном языке она употребляется мало. Вероятно, ввиду именно этого своего «объективного» характера, затрудняющего возможность передачи отношения говорящего к называемому им действию. Когда говорящий в устном обращении к собеседнику сообщает ему о каких-либо событиях, участником или хотя бы свидетелем каковых он был сам, естественно употребление такой «субъективной» формы, как сложный перфект, связывающей (хотя теперь уже не столь явно, как это было когда-то) действие с моментом речи, а тем самым и с самим говорящим лицом.

Но стоит собеседникам, даже в разговоре, перейти к рассказу о неких прошлых событиях, как бы отдаляясь от них и во времени и в отношении психологического или эмоционального их восприятия, как возможен и закономерен переход к форме претерита.

Что же касается литературной письменной речи, то там претерит в ряде случаев совершенно незаменим именно в силу своего «объективного» характера; этот «объективный» характер сохраняется и в том случае, когда повествование ведется от первого лица:

Elsie et Frau Müller *furent* circuler les sandwiches et les rafraichissements, puis, quand les propos *commercèrent* à languir, Frau Hageman *s'installa* au piano, les messieurs *allèrent* chercher leurs instruments qu'ils avaient déposés dans l'entrée, et ils *se mirent* à jouer.

Au bout d'une heure, il y *eut* un entreacte, les pâtisseries *furent servies*, on *parla* musique, et Hageman *raconta* des anecdotes sur les grands musiciens. A onze heures et demie, j'*envoyai* Frau Müller reveiller les enfants, et un moment après, on les *aperçut* par la grande porte vitrée. . .

A minuit moins dix, j'*allai* les chercher. Ils *furent* le tour du salon, et *saluèrent* les invités très correctement. Puis la bonne et Frau Müller *apparurent* avec un grand plateau, des coupes et deux bouteilles de champagne. Je dis: «Le champagne est dû à Hageman», il y *eut* un brouhaha joyeux, et Hageman *sourit* à la ronde.

Quand les coupes furent en main, on se leva. Elsie éteignit le lustre, éclaira l'arbre de Noël, et on se rangea en demi-cercle autour de l'arbre en attendant minuit. Un silence tomba, tous les yeux étaient fixés sur les petites étoiles de l'arbre, et je sentis une petite main me saisir la main gauche. C'était Franz. . . (Merle)

Описания и ремарки автора, вклинивающиеся в повествование о последовательно совершавшихся событиях, включаются в него, как правило, в форме имперфекта:

Ils montèrent dans un wagon et trouvèrent deux places assises, vis-à-vis. André fit une mine réjouie et Constantin lui répondit de même, en clignant de l'oeil. C'était somme toute reposant, cette absence de mots. Le convoi s'ébranla. Le visage de Constantin prit de la vitesse. Immobile et pourtant rapide, avec ses cheveux blond de paille et son front bas. Un paysage fou lui souffletait le profil. Ses mains étaient posées sur ses genoux comme pour lutter contre l'accélération de la course. (Troyat)

Перфектный план. Хотя форма претерита превратилась постепенно в книжную форму по преимуществу, она и в этой области столкнулась с сильными противниками. Первый из них — сложный перфект, который начал с того, что вытеснил претерит из разговорной речи. Но границы между разговором и повествованием в сущности довольно зыбки. В разговор может быть включен рассказ — краткий или более длинный — о серии событий, превращающий речь говорящего в повествование. А там, где повествование, там возможен, даже закономерен претерит. И наоборот. Если сложный перфект — форма разговорная, она прежде всего предполагает непосредственное участие говорящего в событиях, о которых идет речь. Даже если это не непосредственное участие в их совершении, а только отношение к ним говорящего, его мнение о них.

В этом случае вполне уместен переход к форме сложного перфекта.

Когда автор пишет произведение художественной литературы, роман, новеллу, рассказ от первого лица, повествование, в котором он сам является героем, он рассказывает о себе, он «разговаривает» с читателем. Какая временная форма оказывается более уместной, претерит или сложный перфект? По-видимому, возможны обе, но через претерит автор сообщит читателю описываемое как бы «со стороны», как бы отойдя от своих собственных действий и переживаний, встав в позицию наблюдателя. Тогда как форма сложного перфекта, сохраняя связь с моментом речи, связь с живым присутствием результатов действий, оставляет рассказчика центром событий, его участие в них остается очевидным, весь текст приобретает некий «субъективный» характер.

Известно, что претерит наиболее употребителен в форме третьего лица, что и неудивительно, если согласиться с тем, что при этой форме «объективного» повествования автор остается в стороне от событий, как правило, не принимая в них личного участия. Напротив, в случаях, когда повествование ведется в форме

«субъективного» сложного перфекта, совершенно естественно преимущественное употребление формы первого лица, лица рассказчика, повествующего о своих действиях и чувствах. Отсюда текст художественного произведения, в котором повествование ведется в форме сложного перфекта, приобретает более интимный, живой характер.

Примером повествовательного текста, использующего почти исключительно форму сложного перфекта, может служить роман А. Камю «Посторонний».³

Роман повествует от первого лица о ряде событий, происходящих с героем, о его мыслях, о его переживаниях. Субъективный характер сюжета очевиден. Вряд ли можно согласиться с Г. Вайнрихом, считавшим, что⁴ автор избрал для ведения повествования форму сложного перфекта потому, что герой — простой парень и для него естественно вести рассказ о себе в той форме, которую он преимущественно употребляет в жизни.

Но, по-видимому, Г. Вайнрих прав, утверждая, что именно отсутствие в сложном перфекте специфического обертона повествовательной формы заставило Камю употреблять много наречий, подчеркивающих последовательный характер действий, о которых идет речь, который легко выражается претеритом, но не свойствен сложному перфекту. Характерно, что в романе «L'Etranger» сложный перфект чередуется с другим «субъективным» временем, с презенсом, еще сильнее связывающим повествуемые события и рассказчика. Для вклинивающихся в повествование описаний ситуации или характеристик второго плана используется имперфект как это полагается и при повествовательном претерите.

Après le déjeuner, je *me suis ennuyé* un peu et *j'ai erré* dans l'appartement. Il *était* commode quand maman *était* là. Maintenant il est trop grand pour moi et *j'ai dû* transporter dans ma chambre la table de la salle à manger. Je ne *vis* plus dans cette pièce, entre les chaises de paille un peu creusées. . . Un peu plus tard, pour faire quelque chose, *j'ai pris* un vieux journal et je *l'ai lu*. *J'y ai decoupé* une reclame des sels Kruschen et je *l'ai collée* dans un vieux cahier où je *mets* les choses qui *m'a m usent* dans les journaux. Je *me suis* aussi *lavé* les mains et, pour finir, je *me suis mis* au balcon. (Camus)

J'ai diné chez Celeste. J'avais déjà commencé à manger lorsqu'il *est entré* une bizarre petite femme qui *m'a demandé* si elle *pouvait* s'asseoir à ma table. Naturellement, elle *le pouvait*. Elle *avait* des gestes saccadés et des yeux brillants dans une petite figure de pomme. Elle *s'est débarrassée* de sa jaquette, *s'est assise* et *a consulté* fièvreusement la carte. Elle *a appelé* Celeste et *a commandé* immédiatement tout ses plats d'une voix à la fois précise et précipitée. En attendant les hors-d'oeuvre, elle *a ouvert* son sac, en *a sorti*

³ Camus A. L'Etranger. Paris, 1942.

⁴ Weinrich H. Le Temps, p. 309.

un petit carré de papier et un crayon, *à fait* d'avance l'addition, puis *a tiré* d'un gousset, augmentée du pourboire, la somme exacte qu'elle *a placée* devant elle. A ce moment on lui *a apporté* des hors-d'oeuvre qu'elle *a engloutis* à toute vitesse. En attendant le plat suivant, elle *a encore sorti* de son sac un crayon bleu et un magazine qui *donnait* les programmes radio-phoniques de la semaine. Avec beaucoup de soin, elle *a coché* une à une presque toutes les émissions. Comme le magazine *avait* une douzaine de pages, elle *a continué* ce travail méticuleusement pendant tout le repas. J'avais déjà fini qu'elle *cochait* encore avec la même application. Puis elle *s'est levée*, *a remis* sa jaquette avec les mêmes gestes précis d'automate et elle *est partie*. Comme je n'avais rien à faire, je *suis sorti* aussi et je l'*ai suivie* un moment. Elle s'était placée sur la bordure du trottoir et avec une vitesse et une sûreté incroyables, elle *suivait* son chemin sans dévier et sans se retourner. J'*ai fini* par la perdre de vue et par revenir sur mes pas. J'*ai pensé* qu'elle *était* bizarre, mais je l'*ai oubliée* assez vite.

Sur le pas de ma porte, j'*ai trouvé* le vieux Salamano. Je l'*ai fait* entrer et il m'*a appris* que son chien *était perdu*. . . (Camus)

Ça *c'est décidé* très vite. A cause de la neige. Depuis une semaine, il n'*arrétait* pas de neiger. J'*éprouvais* de nouveau cette impression d'étouffement que j'avais déjà connue à Paris. Je *me suis dit* que si je *restais* plus longtemps ici, nous serions pris au piège. Je l'*ai expliqué* à Denise.

Wrede *est revenu* la semaine suivante. Nous *sommes tombés* d'accord et nous *avons parlé* de passage de la frontière, avec lui et avec Besson. Jamais Wrede ne m'*avait semblé* aussi chaleureux, aussi digne de confiance. . .

Très tôt, ce matin-là, nous *avons bouclé* nos bagages, Denise et moi. Les autres *dormaient* encore et nous n'*avons pas voulu* les réveiller. J'*ai laissé* un mot à Freddie.

Ils nous *attendaient* au bord de la route. . . J'*ai ouvert* moi-même le coffre de la voiture pour charger les bagages et nous *avons pris* place, Denise et moi, sur le siège arrière.

Pendant tout le trajet nous n'*avons pas parlé*. Wrede *paraissait* nerveux.

Il *neigeait*. Wrede *conduisait* lentement. Nous *suivions* de petites routes de montagne. Le voyage *a bien duré* deux heures.

C'est au moment où Wrede *a arrêté* la voiture et m'*a demandé* l'argent que j'*ai eu* un vague pressentiment. Je lui *ai tendu* les liasses de billets. Il les *a comptés*. Puis il *s'est retourné* vers nous et m'*a souri*. Il *a dit* que maintenant nous *allions* nous séparer par mesure de prudence, pour passer la frontière. Je partirais avec Besson, lui avec Denise et les bagages. Nous nous retrouverions dans une heure chez ses amis, de l'autre côté. . . Il *souriait* toujours. Etrange sourire que je revois encore dans mes rêves,

Je suis descendu de la voiture avec Besson. Denise s'est assise à l'avant, aux côtés de Wrede. Je la regardais, et de nouveau un prèssentiment m'a pincé le cœur. J'ai voulu ouvrir la portière et lui demander de descendre. Nous serions partis tous les deux. Mais je me suis dit que j'avais un naturel très méfiant et que je me faisais des idées. Denise, elle, semblait confiante et de bonne humeur. De la main, elle m'a envoyé un baiser. . .

Wrede, toujours souriant, a mis en marche le moteur. J'ai fait un signe du bras à Denise qui penchait la tête par la vitre baissée. J'ai suivi du regard la voiture qui l'éloignait. Elle n'était plus, là-bas, qu'un tout petit point noir. . .

J'ai commencé à marcher, derrière Besson. . . (Modiano)

Перфект как форма повествования придает тексту личный, интимный характер. Нельзя сказать, чтобы он прочно вошел в художественную литературу в этой функции, но все же число авторов, употребляющих его вместо претерита, постепенно возрастает. По-видимому, сложный перфект переживает раздвоение. Оно напоминает судьбу латинского перфекта, который мог в классическую пору латыни обозначать как действие, законченное к настоящему моменту, к моменту речи, так и просто прошедшее, никак не связанное с настоящим. Первое употребление именовалось в латинской грамматике perfectum praesens или perfectum logicum, второе — perfectum historicum.

Французский сложный перфект еще не дошел до той же стадии, хотя несомненно находится на пути к ней:

— Je sais. Pauvre France!

Et elle est sortie. Aline l'a raccompagnée. Je les ai entendues encore qui se promettaient de se revoir. Je suis allé boire un verre d'eau à la cuisine et quand je suis revenu, Aline n'était pas encore là. J'ai ouvert la porte et j'ai vu m^{lle} Cora qui sanglotait dans les bras d'Aline. (Ajar)

J'ai fermé les yeux et j'ai presque prié. J'ai dit presque, parce que je ne l'ai pas fait, je suis cinophile mais pas à ce point. Si m^{lle} Cora disait que c'était parce que je l'avais laissée tomber pour une autre c'était foutu. . .

Elle n'a rien dit. Pendant tout le temps qu'on est restés là, elle ne nous a même pas regardés, ni l'un ni l'autre, mais droit devant elle, la où il n'y avait personne. Elle n'a pas voulu répondre et elle est restée là sans daigner, avec la couverture blanche ramenée jusqu'au menton et sa fierté féminine. Heureusement l'infirmière est venue nous informer que s'était assez et nous nous sommes levés. J'ai fait un pas pour sortir mais m^r Salomon ne bougea pas. On ne voyait même pas son visage, rien que le désespoir. Il dit:

— Je reviendrai. (Ajar)

Имперфектный план. Если в живой, разговорной речи соперником претерита уже довольно давно стал сложный перфект, то в письменной, книжной речи в настоящее время не менее, а может быть и более сильным противником претерита является имперфект.

Основная функция имперфекта в тексте — служить описательной формой, передавать действия и состояния «второго плана», создающие фон для основных действий, которые образуют цепь повествуемых событий.

Имперфект и прежде мог обозначать глобальные действия — звенья этой цепи, но лишь при условии более или менее точного указания в тексте на момент совершения действия. Имперфект представлял его как звено цепи, но изображал это звено как процесс без указания на его начало или конец. Такое «картинное» изображение более или менее краткого действия при помощи формы имперфекта носит название *imparfait pittoresque*.

Имперфект как форма повествования, а не описания, в современной художественной литературе является, видимо, дальнейшим шагом в расширении употребления «живописующего» имперфекта (и вытеснения претерита?), представлявшего некогда особый стилистический прием, введенный писателями натуралистического направления. Сейчас это уже не прием, а синтаксическая норма, и имперфект как повествовательная форма отличается от «живописующего» имперфекта тем, что при нем не требуется никакого указания на временную локализацию действия.

В роли формы повествования имперфект значительно отличается от сложного перфекта. В то время как сложный перфект (так же, как и презенс), как правило, предполагает участие автора в повествуемых событиях в качестве действующего лица или хотя бы наблюдателя, при форме имперфекта автор не является участником рассказываемых событий. Отсюда в рассказах от первого лица повествовательный имперфект не появляется.

— Elle n'osera pas venir! Je le savais.

Il y'avait un fond de tricherie dans le cas de Marcel, car s'il se répétait avec tant de force qu'elle ne viendrait pas, c'était dans l'espoir d'être détrompé.

— Elle ne viendra pas!

Et le miracle *se produisait* enfin, le plus naturellement du monde, si naturellement que c'en était déroutant. La porte du café *s'ouvrait* et *se refermait* aussitôt tandis que la Marie *se profilait* sur le seuil. Elle *y restait* un moment, le temps de mettre son manteau sur la tête, comme font les filles du pays quand il pleut.

Comment pouvait-il avoir l'impression qu'elle était pâle alors qu'elle n'était pas éclairée? Elle *jetait* un coup d'oeil à droite, un coup d'oeil à gauche. Elle ne l'avait sûrement pas vu, à demi caché qu'il était par la baraque des douanes, mais elle *s'élançait* néanmoins, *traversait* la rue en courant, *franchissait* le pont tournant ou elle *relentissait* le pas, d'instinct, parce que le pont était bruyant.

A deux ou trois mètres, comme les autres fois, elle *prononçait*:

— Tu es là, Marcel? (Simenon)

Превращение имперфекта в повествовательную форму, равноценную по своему значению форме претерита, приводит к возможности их чередования в этой функции в тексте, к свободному переходу от одной к другой.

Особенно часто такие переходы можно видеть у Сименона:

Il traversa le parc de l'ambassade, passa devant les garçons, frappa à une petite porte du second étage et pénétra dans le bureau du conseiller.

Il avait encore son monocle, sa haute stature, sa correction parfaite. Il *tendait* même la main avec une certaine familiarité au jeune homme assis derrière un bureau d'acajou. Mais c'était une familiarité déférente et il ne s'assit qu'après qu'on l'y eut invité.

— Je suis à vous dans un instant. . .

Le jeune homme *achevait* un travail commencé, *donnait* un coup de téléphone cependant que Jonsac, le chapeau sur les genoux, attendait en silence.

Enfin, le conseiller *rassemblait* quelques papiers, les *glissait* dans une chemise jaune qu'il *tendait* à son visiteur.

— Voue verrez ce que c'est. . . (Simenon)

. . . avec une certaine timidité, elle se tourna à nouveau vers Chatelard et elle dit de sa voix neutre qui, ce jour-là, lui faisait un si curieux effet:

— C'est fin. . .

Il se leva d'une détente. Il gueula:

— C'est idiot, oui! . .

Et il marcha à grands pas vers la porte. Le plus idiot, encore, c'est qu'il ne *retrouvait* pas la clef, qu'il *fouillait* febrilement ses poches et qu'en fin de compte la clef tomba de son mouchoir.

— Idiot! . . . Idiot! . . . Parfaitement idiot! . . . répétait-il sans savoir ce qu'il disait, mais avec une terrible conviction.

Il *ouvrait* la porte. Il ne voulait pas se retourner. Il ne l'aurait fait pour rien au monde.

Il *attrapait* le petit escalier brun et vert. Il *montait* les marches quatre à quatre, en répétant:

— . . . idiot.

Il *atteignait* le dernier étage, *suivait* un corridor, *poussait* une porte. (Simenon)

Chabot et Delfosse *traversaient* la salle, *passaient* devant la table de l'étranger, *répondaient* au bonsoir du patron, *poussaient* la porte des lavabos. Là, ils s'arrêtèrent quelques secondes, sans se regarder. (Simenon)

— Laquelle est Adèle? La grosse blonde?

— Elle n'est pas arrivée!

Elle *arrivait*. Elle *faisait* une entrée sensationnelle. Elle portait un ample manteau de satin noir doublé de soie blanche. Elle *avançait* d'abord de quelques pas, *s'arrêtait*, *regardait* à la ronde puis, nonchalante, *se dirigeait* vers l'orchestre, *tendait* la main au chef. . . (Simenon)

L'amarre, comme un fouet, décrivit une courbe dans le ciel et s'abattit sur le pont du chalutier. Les hommes, à moitié couchés, *la halaient*, *saisissaient* le filin d'acier qu'on y avait frappé, *le fixaient* à un crochet de fer. (Simenon)

Употребление в тексте имперфекта для обозначения действий, представляющих собой звенья одной цепи, притом без указания на временное ограничение, как это было свойственно «живописующему» имперфекту, хотя и является пока еще не очень обычным и свойственно лишь относительно небольшому числу писателей, однако не противоречит системному значению этой формы. В этом случае лишь используется как бы одна часть двойственного системного значения формы, часть, отвечающая представлению о совершенном действии в прошлом. Когда при этом глаголу свойствен характер предельности, имперфект оказывается равноценным претериту, обозначая законченное глобальное действие. Если же глагол непередлен, то имперфект может восприниматься как описательный:

Déjà une 203 Peugeot décapotable de couleur grenat progressait (описательный имперфект) le long de l'allée, s'arrêtait (повествовательный имперфект) au milieu du rond-point et une femme vêtue d'une robe bouffante à la taille mettait (повествовательный имперфект) pied à terre, un caniche nain sur le bras. L'homme restait (описательный имперфект). (Modiano)

Плюсквамперфект в функции повествовательной формы. Основная функция плюсквамперфекта несомненно состоит в обозначении действия или состояния, предшествовавшего другому прошедшему действию. В этой роли плюсквамперфект чаще всего попадает в придаточные предложения:

Le jeudi précédent, Mary Lampson. . . quittait le Southern Cross ou elle se trouvait seule.

Auparavant — selon Willy — elle *avait remis* à son amant un collier de perles le seul bijou de valeur qu'elle possédât. (Simenon)
— Mathilde l'a empoisonné!

Marie Dudon n'*avait* jamais été mêlée à un drame. Elle ne lisait pas les journaux. Et pourtant, elle acceptait le fait sans émotion. Tout le monde ne savait-il pas que Mathilde *avait épousé* le vieux Cassieux pour son argent? Or, Cassieux était avare, méchant, difficile à vivre. Sans doute n'*avait-elle pas eu* la patience d'attendre. . .

Marie poussa un soupir et revint vers sa bassine ou l'eau s'*était refroidie*. (Simenon)

В приведенном отрывке во всех случаях плюсквамперфект обозначает действия, совершившиеся ранее, чем те, о которых повествует автор. Но это не единственная возможность для плюсквамперфекта. Он может, оторвавшись от последующих действий, утратить характер обязательного временного с ними сопоставления, может выступать просто как форма прошедшего времени и обозначать действия, последовательно совершавшиеся в прошлом, т. е. сближаться по значению с претеритом.

Сложная форма плюсквамперфект проходит во французском языке длинный путь смысловых модификаций. Ее исконное грамматическое значение — видовое: название законченного в прошлом действия. От этого видового значения плюсквамперфект, так же как и остальные сложные формы, перешел к обозначению предше-

ствования в прошлом. И наконец в наше время от предшествования — к обозначению прошедшего действия, не обязательно связанного со следующим действием в качестве его предшественника (хотя практически, в цепи последовательных действий одни действия всегда оказываются предшествующими по отношению к другим). Подобно сложному перфекту, плюсквамперфект начинает как бы выступать в роли повествовательного прошедшего, т. е. также оказывается соперником претерита:

— Eh bien, oui, là! Et, si tu y tiens, j'ajouterais qu'il en était déjà ainsi avant que je te connaisse! Tu es content, mainte. . .

Elle n'acheva pas. Lannec *s'était levé* et lui *avait abattu* sa grosse patte sur la joue, si fort que la tête de Mathilde alla frapper le dossier de la banquette.

Il eut conscience du choc, de la douleur physique, de l'effroi de Campois, mais il marcha vers la porte et, sans voir le garçon aplati contre la cloison, il gagna le pont. (Simenon)

A vrai dire, Lannec cherchait une aventure quand il *avait aperçu* Mathilde assise à côté de sa mère. Il se souvenait même qu'elles mangeaient des gateaux si lentement qu'on eût dit qu'elles voulaient faire durer le plaisir.

Pourquoi *s'était-il amusé* à lancer des oeillades à la jeune fille? Elle *avait souri*. Puis elle *avait ri*. Sa mère n'y *avait rien compris* et *avait inspecté* les tables voisines.

— Allez jusqu'au lavabo, disaient les yeux de Lannec.

Il portait sa meilleure tenue de capitaine et il était rasé de frais. La jeune fille *avait fini* par se lever et par gagner le lavabo, où il l'*avait jointe*.

— On ne peut jamais vous voir seule?

Elle pouffait de rire, nerveusement, tant elle était surprise de cette audace. (Simenon)

Il s'enflamma:

— Je serai fier d'accomplir ce geste pieux pour lequel il va sans dire que je refuse toute rémunération. Il se trouve que je connais depuis fort longtemps Alavoine et que je suis à même de tracer tant son oeuvre que sa silhouette.

— Quelle oeuvre?

— Elle est oubliée mais non négligeable. Avant la guerre, il a *publié* un recueil de poèmes intitulé «A la nuit d'hui». La même année, il *avait sorti* «Contingences partielles», dont quelques pages *avaient déjà paru* dans la N. R. F. L'année qui a précédé la guerre, il a *donné* un petit roman, des plus singuliers. Il *avait obtenu* de flatteuses critiques et les encouragements de certains de ses aînés, de Cocteau notamment. Puis il s'est tû, ou presque. En trente ans, il n'aura guère publié qu'une contribution à l'étude de l'art baroque qui est passée inaperçue, une suite de courts articles sur la mode dans «Vogue» et une étude originale et robuste sur les poètes latins de la Gaule Cisalpine. Il *donna* aussi à la «Parisienne»,

des extraits d'une étude des plus subjectives sur «l'asag», cet usage de l'amour courtois. . . (Saint-Laurent)

В приведенном отрывке формы сложного перфекта, плюсквам-перфекта и претерита оказываются равноценными (ср. il a publié с il avait sorti; qui a précédé и il a donné с il avait obtenu и даже с il donna).

Презенный план. «Субъективный» характер в еще большей мере, чем сложному перфекту, свойствен пренсу в нарративной функции. Автор оказывается непосредственным участником или свидетелем повествуемых событий. Мало того, презент связывает их с настоящим моментом, представляет их как бы совершающимися на глазах у слушателя. Считается, что нарративный презент служит средством оживления изображаемых событий, переносимых в ситуацию речи.

Le voyage *s'effectue* rapidement. La chaise de poste *brûle* les étapes. On *couche* à Délémont. Le lendemain, on *déjeune* de truites à Saint-Ursanne, et tandis que les enfants *s'extasient* sur le petit bourg. . . M-me Suter *sent* son coeur se serrer à la pensée qu'elle *entre* dans les pays catholiques. On *couche* le soir dans la jaune Porrentruy. (Cendrars)

При презенсе в роли основной формы повествования формой предшествования служит сложный перфект.

L'Antiquité *est devenue* une obsession. Sa vie et sa force retrouvées dans les collèges, sa faveur extraordinaire, elle les *doit* à Jean Dorat ainsi qu'aux élèves nourris de grec et de latin par cet «étonnant bonhomme».

En 1544 *a paru* la traduction de l'Art Poétique d'Horace: Sibilet *proclame* que les langues grecque et latine *sont* les «deux forges» d'où l'on *peut* tirer «les meilleures pièces de notre harnois». Chez la jeunesse il *n'est* plus question que des dieux d'Olympe, d'Hercule, des Argonautes, de la guerre de Troie, de sirènes, de nymphes, de faunes, de centaures, de gladiateurs et de naumachies. Sous la bannière des Anciens, d'impetueux rimeurs *veulent* changer les lois du langage et *livrent* combat aux vieilles Ecoles.

Parallèlement, des architectes, non moins audacieux, *prétendent* secouer le joug ultramontain. Eux aussi *se réclament* de l'Antiquité pour créer un art français opposé à celui qui *s'épanouit* tant à Fontainebleau qu'au bord de la Loire, un art «sobre, dense, économe d'ornements». (Erlanger)

Изложение событий, составляющих ткань повествования, в форме настоящего времени носит очень отчетливый стилистический характер. Перемещение повествуемого в момент речи вызывает ощущение рельефности, жизненности, подлинности событий. Это — картина, кинолента, которая постепенно проходит перед глазами зрителя. Авторы, прибегающие к помощи форм презенса в рассказе о прошлых событиях, принадлежат к числу выдающихся стилистов современного литературного французского языка. Довольно часто встречающиеся формы презенса в публицистических произведениях, особенно в прессе, посят несколько иной

стилистический характер, отвечая стремлению авторов оживить свой рассказ, сделать восприятие его читателем проще, доступнее. Отнесенность к моменту настоящего как будто та же, но эффект приема, применяемого в различных жанрах, различен.

При повествовании в форме презенса описания так же даются в этой форме. Равным образом внутренняя речь героя, его размышления излагаются в настоящем времени. Вневременной презенс служит и для передачи многократно повторявшихся в прошлом действий. Таким образом, весь текст представлен формой, переносящей действия в момент речи. Различение собственно повествования, описания, внутренней речи и т. д. опирается на контекст и в каждом отдельном случае предоставляется читателю, который как бы втягивается таким образом в процесс создания самого текста.

Справедливость такого утверждения можно проверить на следующих отрывках из романа Ж. Сименона «*La neige était sale*»:

Frank a reconnu les pas a travers son sommeil: deux pas: celui de l'homme en souliers de ville et celui du soldat en bottes. C'est pour lui. Ces deux-là, c'est invariablement pour lui. A croire qu'il est le seul prisonnier à être interrogé. Il ne *perd* pas une bouchée de sommeil. Il *attend* que la porte s'ouvre. Alors, même, il *fait* semblant de ronfler, pour gagner quelques secondes. Il *faut* qu'on lui touche l'épaule. C'est devenu un jeu, mais ils ne *doivent* s'en apercevoir.

Il ne *se lave* pour ainsi dire plus, toujours pour gagner du temps. La totalité du temps dont il *dispose* est consacrée au sommeil. Et ce qu'il *entend* maintenant par sommeil est infiniment plus important que le sommeil de tout le monde. Sinon, cela ne vaudrait pas la peine de râler les moindres miettes de temps comme il le *fait*.

Il ne leur *sourit* pas. Ils ne *se disent* pas bonjour. Tout *se passe* sans un mot, avec une morne indifférence. Il *retire* son pardessus pour endosser on veston. En bas, il *fait* très chaud. Les premiers jours, il a souffert, parce qu'il avait emporté son pardessus. Il *vaut* mieux risquer de prendre froid sur la passerelle ou dans l'escalier. Sa propre chaleur n'a pas le temps de se dissiper dans un si court trajet. Il n'a pas de miroir, mais il *sent* qu'il a les paupières rougies, comme ceux qui ne *dorment* pas assez. Elles *sont* chaudes, picotantes. Sa peau *est* trop tendue, trop sensible.

Il *marche* derrière le civil, devant le soldat, et, pendant ce temps-là, il *continue* à dormir. Il *dort* encore en entrant dans le petit bâtiment où il *arrive* qu'on le *laisse* attendre longtemps — une heure? — dans la première pièce, sur le banc. . . Holst *est* en bas! Holst *est* dans le petit bureau, près du poêle, et, à côté de lui, un peu en retrait, il y a Sissy.

Ils *sont* là tous les deux!

Frank n'a été averti de rien. On est venu le chercher comme pour un interrogatoire. . . Sissy, dans un manteau noir qui la *fait* paraître très mince, avec un béret noir sur ses cheveux blonds qui *s'échappent*. Elle le *regarde*. Elle n'a pas envie de pleurer, comme Lotte. Elle ne *s'apitoie* pas, comme Minna. Peut-être ne *remarque-t-*

elle même pas ses deux dents qui *manquent*, ni sa barbe, ni ses vêtements fripés?

Elle ne *va* pas jusqu'à lui. Ils n'*osent* pas, ni l'un ni l'autre. Le feraient-ils, s'ils l'*osaient*? Ce n'*est* pas sûr.

Elle *entrouvre* la bouche. Elle *va* parler. Elle *dit* d'abord, comme il l'a tant prévu:

— Frank. . .

Elle *tient* à prononcer d'autres mots et il *a* peur.

— Je suis venue pour te dire. . .

Il *murmure*, gêné:

— Je sais.

Il a cru qu'elle allait dire, il *a* peur qu'elle dise:

— . . . que je ne t'en veux pas.

Ou encore:

— . . . que je te pardonne.

Mais ce ne *sont* pas ces syllabes-là qu'elle *articule*. Elle le *regarde* toujours. Il n'*est* pas possible que deux êtres se soient jamais regardés avec autant d'intensité. Elle *parle* simplement.

— Je suis venue pour te dire que je t'aime.

Elle *tient* son sac, son petit sac noir à la main. Les choses *se passent* presque comme dans son rêve, sauf que le vieux monsieur, qui *vient* de rouler méticuleusement une cigarette, *tire* la langue pour en coller le papier.

Frank ne *répond* pas. Il n'a rien à répondre. Il n'a le droit de rien répondre. Il *faut* qu'il se dépêche de la regarder. Il *faut* aussi qu'il regarde Holst. Il n'a pas ses bottes en feutre, qu'il mettait pour conduire son tramway. Il *porte* des souliers comme tout le monde. Il *est* en gris. Il *tient* son chapeau à la main.

Frank ne *bouge* pas, n'*ose* pas bouger. Il *sent* que ses lèvres *remuent*, mais ce n'*est* pas pour parler. C'*est* peut-être nerveux, il ne *sait* pas. C'*est* alors que Holst *s'avance*, sans s'occuper du vieux monsieur et des enfants de chœur à moustaches, et lui *pose* une main sur l'épaule, exactement comme Frank a toujours pensé que le ferait un père.

Holst *croit-il* lui devoir une explication? *Craint-il* que Frank n'*ait* pas tout à fait compris? *Conserve-t-il* un doute?

Sa main *fait* légèrement pression sur l'épaule et il *récite*, il *a* vraiment l'air de réciter, d'une voix à la fois grave et neutre qui *rappelle* certaines cérémonies de la Semaine Sainte:

— J'avais un fils, un garçon un peu plus âgé que vous. . . (Simenon)

* * *

Относительно применения временных глагольных форм в произведениях художественной литературы можно сказать, что, хотя основной книжно-повествовательной формой продолжает оставаться претерит, и другие формы с легкостью могут выполнять ту же функцию. Это не значит, однако, что эти формы полностью совпадают по свойственным им значениям и употреблением.

Так, сложный перфект продолжает быть формой живой разговорной речи по преимуществу. По сравнению с формами плюсквамперфекта и будущего предварительного он все же все больше и больше утрачивает не только бывшее ему свойственным видовое значение законченности к моменту настоящего времени, но и функцию выражения предшествующего действия, которая пока еще остается основной для этих двух форм.

Впрочем, в противоположность будущему предварительному, плюсквамперфект все больше отходит от этого значения, вернее, от этого употребления. Он употребляется в ряде случаев для обозначения не соотношенного ни с чем другим прошедшего действия, т. е. в простом предложении.

В сопоставлении же двух последовательно совершающихся действий, производится ли такое сопоставление в рамках сложного предложения или вытекает из контекста, эти три сложные формы продолжают обозначать предшествующие события.

Что касается имперфекта, то тут можно высказать, как кажется, обоснованное предположение, что эта форма довольно интенсивно распространяется на область употребления претерита в функции повествовательной формы, так что у последнего сейчас оказывается два очень сильных противника — нарративный сложный перфект в живой речи и нарративный имперфект — в книжной.

ЗНАЧЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ В ТЕКСТЕ

Огромное значение для функционирования в речи любой глагольной формы имеет предельный или непредельный характер глагола.⁵

Всякое действие либо включает представление о достигаемом им пределе, который является естественным моментом его завершения, дальше которого действие не может продолжаться, либо не предполагает такого предела. В последнем случае, чтобы закончиться, действие должно быть прервано другим действием или каким-либо иным обстоятельством.

Эта особенность характеристики любого действия подмечена многими лингвистами, посвятившими ее изучению интересные и плодотворные исследования.⁶

Сейчас упоминание об этой характеристике действий, а следовательно, и глаголов, которые передают эти действия, является тривиальностью. Оно наличествует почти во всех работах, посвя-

⁵ См. работы автора: *Реферовская Е. А.* 1) Категория вида во французском глаголе. — Изв. АН СССР, т. VII, вып. 5, 1948; 2) К вопросу о категории вида в языке французского народного эпоса. — Учен. зап. ЛГУ, 1949, № 97.

⁶ См., например: *Холодович А. А.* Проблемы грамматической теории. Л, 1979; *Klum A.* Verbe et Adverbe. Stockholm, 1961; *Martin R.* Temps et aspect. Essai sur l'emploi des temps narratifs en moyen français. Paris, 1971; *Lafleche G.* Etude de psycho-systématique sur les valeurs aspectives des temps du passé en français. — Revue des langues romanes. Montpellier, 1973, t. LXXX, 2e fsc.

щенных глаголу. Но так как употребление глаголов изучается на текстах, а в текстах они стоят в определенных формах, часто предельность / неопределенность приписывается этим формам, а не самим глаголам. Тем более что в разных контекстах глаголы, в соответствии со своим окружением, могут употребляться в разных лексических значениях, а следовательно, будет разным и зависящее от значения глагола отношение действия к пределу. Нестабильность рассматриваемой характеристики действия (т. е. глагола) привела к тому, что в ряде случаев исследователи склонны к полному ее отрицанию или, в лучшем случае, к непризнанию ее значения в процессе функционирования глаголов в речи.

Однако характеристика по предельности / неопределенности представляется при изучении функционирования глагольных форм в речи важной и даже определяющей это функционирование ввиду того, что предельный или неопределенный характер глагола вступает в различные отношения с грамматическим значением форм, отчего, в свою очередь, зависит конечное и весьма разнообразное (для некоторых глаголов) значение этих форм в речи. Предельность / неопределенность глаголов не является ни постоянной, ни неизменной их характеристикой вследствие изменчивости их значения и влияния определенных контекстуальных условий. Тем не менее в каждом конкретном употреблении это — реальная характеристика каждого глагола, и с ней нельзя не считаться. Все это ясно видно при изучении глагольных видовременных форм в речи, ибо именно в речи сталкиваются системные значения форм с лексико-грамматическими характеристиками глаголов, и из этих столкновений рождается огромное многообразие тех речевых значений глагольных «времен», которыми так богат французский язык.

Имперфект и претерит. По определению Г. Гийома, разница системных значений форм имперфекта и претерита состоит в том, что претерит представляет действие как глобальное, целостное, а имперфект обозначает расчлененное действие в прошлом, действие, одна часть которого уже совершилась, а другая еще совершалась. Г. Гийом четко формулирует свое понимание грамматической природы претерита и имперфекта в системе французского языка: несмотря на общепринятое мнение, которое, впрочем, Г. Гийом считает необходимым отбросить, форму претерита он рассматривает не с точки зрения того, является ли действие долгим или кратким, длящимся или не длящимся, а независимо от его длительности или краткости, как обозначение действия, совершившегося в прошлом в определенных временных рамках, но без учета той его части, которая уже совершилась. Напротив, имперфект предполагает прошедшее действие как бы разделенным на две части — уже совершившееся ранее (без точного указания на момент начала и конца) и совершившееся в прошлом, тоже без указания на временные ограничения. Таким образом, системное значение претерита — «совершение» в прошлом (*accomplissement*), си-

стемное значение имперфекта — «совершенное» ранее + «совершавшаяся» в прошлом (accompli + accomplissement).⁷

Эти системные значения форм определяют все возможные случаи их речевой реализации.

По определению Г. Гийома,⁸ претерит и имперфект символизируют различные точки зрения на прошедшее действие, которое может рассматриваться и з в н е — когда оно предстает в своей целостности — это функция претерита, или и з и у т р и — когда действие представляется процессом, не ограниченным никакими рамками, процессом, уже начавшимся, но еще не законченным. В силу этого различия в системных значениях эти формы и в речи употребляются различно, например, передавая процесс в прошлом как уже начавшийся в какой-то точно не указанный момент времени, имперфект может сочетаться в речи с наречием *déjà*, что невозможно для претерита:

— Je vous raccompagne, dit Fanny. Vous oubliez la cravate, Bernard.

Il *était déjà* à la porte d'entrée, très pâle. (Sagan)

Il y eut d'autres dîners, tous les quatre, ou avec des amis de Luc. Puis Françoise alla passer dix jours chez des amis. Je l'*aimais déjà*; elle portait une extrême attention aux gens, elle avait une grande bonté. . . (Sagan)

Характерная для претерита повествовательная функция и для имперфекта — описательная находятся в полном соответствии с их системным значением, сформулированным Г. Гийомом. Их системные языковые значения «разрешают» все множественные конкретные значения, свойственные им в речи. Но в речи формы наполняются определенным денотативным содержанием, и это содержание может оказаться гармонично сочетающимся с грамматическим значением формы, либо противоречащим ему. Как указывалось выше, неотъемлемой чертой характеристики глагола является его отнесенность в разряд предельных или непредельных, и отношение между предельностью/непредельностью глагола и системным грамматическим значением самой глагольной формы определяет значение форм претерита и имперфекта в речи в каждом конкретном случае. Именно это отношение, не привлекавшее, как правило, внимания исследователей и недооцениваемое ими, и надлежит, как кажется, учитывать в первую очередь при сопоставлении и изучении функционирования форм претерита и имперфекта в речи.

Вполне целесообразно исходить из того, уже ставшего общезвестным положения, что системное грамматическое значение претерита сводится к обозначению целостного действия, включенного в некие временные рамки в прошлом («совершение» действия

⁷ Guillaume G. Langage et science du langage. Paris; Québec, 1969, p. 213—214.

⁸ Guillaume G. Structure sémiologique et structure psychique de la langue française. Québec, 1974, II, p. 108.

в прошлом). Имперфект же, согласно свойственному ему грамматическому значению в системе языка, обозначает прошлое действие вне временных рамок, действие, начало которого уходит в прошлое, а конец еще не наступил («совершенство + совершение» в прошлом). В речи многочисленные функции этих форм сближаются, даже могут совпадать под влиянием их конкретного лексического наполнения и контекста, но тем не менее все их употребления всегда находятся в строгом соответствии с их позицией в системе языка.

* * *

Основная функция претерита, непосредственно вытекающая из его системного значения, состоит в том, чтобы служить обозначению серии действий, законченных в прошлом, действий последовательных или совпадающих во времени. Основной функцией имперфекта, равным образом отвечающей его системной позиции, является передача описаний в виде незаконченных в прошлом действий, которые происходили в течение более или менее длительного отрезка времени:

Elisabeth étudiait, songeait, marchait de long en large, se rongeaît l'ongle du pouce. Enfin, elle trouva le tiroir, glissa le portrait par la fente, le referma. (Cocteau)

Ils traversèrent une salle à manger en contournant la table et entrèrent à droite dans la chambre des enfants. Cette chambre contenait deux lits minuscules, une commode, une cheminée et trois chaises. Entre les deux lits, une porte ouvrait sur un cabinet de toilette-cuisine où l'on pénétrait aussi par le vestibule. Le premier coup d'oeil sur la chambre surprénait. . . Des boîtes, du linge, des serviettes éponge jonchaient le sol. Une carpeite montrait sa corde. Au milieu de la cheminée trônait une buste en plâtre. . . ; des punaises fixaient partout des pages de magazines, de journaux. . . Ils entendirent enfin le malade sur un lit encombré de livres. Gérard raconta la bataille. (Cocteau)

Формы претерита продвигают действие, имперфекта — описывают ситуацию, но каждый раз их роль, их конкретное грамматическое значение зависят от того, является ли глагол предельным или неопредельным в данном контексте и каково взаимоотношение этой его характеристики с системным значением самой формы.

В приведенных отрывках предельные глаголы в форме претерита представляют целостные действия. В форме имперфекта — глаголы неопредельные, и они представляют действие начавшимся уже ранее, но не дошедшим до момента своего завершения; действие перспективно, но не закончено. Отсюда — обычное употребление имперфекта в описаниях и его свойство картинного изображения действия. В случае чередования в тексте форм претерита и имперфекта первый служит продвижению повествования, обозначая действия, входящие в основную линию повествования и образующие цепь событий, тогда как имперфект передает действия и состояния, образующие фон и сопровождающие действия основ-

ной линии. Отсюда часто даваемое имперфекту наименование формы «одновременности».

Относя действие к плану прошлого, обе формы сообщают им прежде всего основные видовые оттенки самих этих форм, которые и реализуются в тексте в тех случаях, когда им не противоречит характеристика действия по предельности/непредельности. Собственное видовое значение претерита, представляющего действие как целостное, законченное, отлично сочетается с природой предельных глаголов, называющих действия, содержащие понятие предела, т. е. завершения, законченности:

L'avocat se dirigea . . . vers une penderie. . . il y décrocha une robe de chambre incolore qu'il endossa. . . Puis il entra dans la petite cuisine ou il fit réchauffer le café. . . Il rapporta la cafetière et une tasse ébréchée dans le cabinet de travail: la première trouva sa place toute naturelle sur la poêle. . . la seconde échoua sur le tapis râpé, aux pieds de l'antique bergère dans laquelle l'avocat s'enfonça. (Des Cars)

Le facteur qui avait un pli recommandé à remettre à Edmond Dortu, poussa la grille, gagna le perron de la maison. Là, il appela en vain et, comme la porte était entrouverte, il entra dans le corridor. (Simenon)

Серия действий, представленная предельными глаголами в форме претерита, дает четкую картину цепи событий, где каждое следующее наступает по завершении предыдущего.

«Серия» может состоять из повторения одного и того же действия или из повторения чередующихся действий. Каждое из них представлено как законченное звено единой цепи; в таком употреблении форм претерита участвуют, как правило, предельные глаголы:

A un certain moment, sans abandonner la partie, il porta à plusieurs reprises la main à son front et, appelant sa femme, il la pria de lui apporter de l'aspirine. (Simenon)

Обстоятельство, присутствие которого обязательно в подобных случаях, указывает на повторяемость действия в течение определенного промежутка времени. Повторность может быть подчеркнута численно:

Je feuilletai deux ou trois fois le dossier. (Simenon)

Когда в форме претерита оказывается непредельный глагол, происходит как бы столкновение грамматического значения формы, которая хочет выразить законченность, подчеркнуть временные рамки действия, его начало и конец, и значения глагола, противоположного по своей природе, ибо оно рисует действие вне временных рамок, вне предела, его ограничивающего. Из этого столкновения рождаются особые аспектные оттенки: значение формы может как бы отчасти подчиниться характеру глагола и изобразить большую или меньшую длительность действия, но в то же время требует, чтобы момент окончания действия был указан. Такое указание на законченность, которое сама форма как бы не в силах сообщить непредельному глаголу, должно быть выражено в тексте

обстоятельством (или обстоятельственной группой), указывающим на отрезок времени, в течение которого действие продолжалось. В этом случае присутствие такого обстоятельства строго обязательно:

La main du magistrat se posa doucement sur la porte close. . . Une seconde encore il hésita devant le corridor ténébreux puis après un dernier coup d'oeil au jardin solitaire, il entra. (Bernanos)

Elle inspecta longuement l'épreuve et ne répondit rien. (Cocteau)

Указание на отрезок времени, в течение которого протекало действие, может быть самым общим, очень приблизительным. Дело сводится к тому, что в предложении должно присутствовать какое-нибудь обстоятельство времени со значением длительности:

Tout cela, malheureusement, dura peu. Mais on peut dire que cette belle manifestation fut, en tous points, réussie. (Chevalier).

Если указание (хотя бы приблизительное) на длительность действия отсутствует, то неопределенный глагол в форме претерита получает начинательное значение. От обозначения временных рамок, свойственного системному значению претерита, остается только указание на начало действия. Конец как бы теряется, остается завуалированным, ибо неопределенный характер глагола не позволяет форме, без поддержки контекста, установить его с точностью:

. . . il se rejeta brusquement en arrière. . . Sa main laissa échapper le verre de rhum qui roula (покатился) sur le parquet. Son visage blêmit. . . (Cotte)

Nous nous mîmes à rire tous les trois, et on parla (заговорили) d'autre chose. (Maupassant)

Un soir, je m'emportai et quittai brusquement la salle, presque les larmes aux yeux. Fabrizio courut (побежал) après moi sur la lande. . . (Gracq)

Интересно сопоставить значение одного и того же неопределенного глагола в претерите, когда в предложении указана длительность действия и когда она не указана:

Il la vit, il l'aima — он ее увидел, он ее полюбил

Il l'aima toute sa vie — он любил ее всю жизнь

Il attendit (стал ждать). D'autres hommes attendaient (ждали) des vendeuses d'un magasin voisin. Pour tout dire, il attendit (прождал) jusqu'à sept heures, jusqu'à ce qu'on vînt fermer les volets. . . (Simenon)

У Бальзака в «Шагреновой коже» читаем: Cursy saisit un cor et se mit à sonner une fanfare. Ce fut comme un signal donné par le diable. Cette assemblée en délire hurla, siffla, chanta, cria, rugit, gronda. . . (=неистовствующая ватага завывала, засвистела, запела, закричала, заревела, зарычала). (Balzac)

Здесь вместо скучного повторения «начинательных» формул se mettre à, se prendre à или сочетания с глаголом commencer и каждый раз повторяющегося предлога, для обозначения начинающегося действия автор использовал инкоативный претерит. Фраза

выиграла в краткости, яркости и привлекательности языкового выражения.

В отдельных и в общем довольно редких случаях форма претерита неопределенных глаголов употребляется без специальных вспомогательных языковых средств для обозначения единичного законченного действия. Но это возможно лишь при том условии, чтобы действие входило в серию законченных действий, обозначенных предельными глаголами, было бы окружено ими:

Le docteur s'accroupit, soulevant la tête du moribond qu'il posa entre ses genoux. La gouvernante. . . s'arrêta devant l'inconnu sans d'abord oser lever les yeux. Puis elle le *regarda* (посмотрела) en silence, et poussa un long soupir. (Bernanos)

Сложное системное значение имперфекта определяет значительно более разнообразное его употребление в тексте. Напомним, что это значение складывается из обозначения части действия, уже совершенного, и части, еще не дошедшей до завершения (в прошлом). Форма имперфекта не устанавливает для действия временных рамок. Исходное двойное (двучастное) значение имперфекта (в системе) в сочетании с неопределенностью или предельностью глаголов дает несколько различных речевых осмысленных формы.

Наиболее простым является значение совершавшегося в прошлом действия, начало и конец которого не обозначены. Часть совершившаяся уходит в прошлое, часть совершающаяся (в прошлом) как бы проходит перед глазами наблюдателя. Это отвечает характеру действий, выраженных неопределенными глаголами:

Elisabeth entra dans la chambre de sa mère; cette chambre *formait*, avec un pauvre salon, le côté gauche de l'appartement. La malade *sommeillait*. Depuis quatre mois qu'une attaque l'avait paralysée en pleine force cette femme de trente cinq ans *paraissait* une vieille et *souhaitait* mourir. (Cocteau)

Certes, il *connaissait* Elisabeth, le culte qu'elle *vouait* à son frère et l'amitié qu'il *pouvait* en attendre. Elisabeth et Paul *l'aimaient* beaucoup, il *savait* leur tempête d'amour. . . (Cocteau)

В таком употреблении имперфект передает состояния, в которых находятся действующие лица, и картина этих состояний рисует ситуацию, на фоне которой могут развиваться события, образующие цепь повествования. В сложном предложении одновременность действий подчеркивается присутствием временного союза или обстоятельства времени:

Tandis que Paul et Gérard *rappelaient* des souvenirs, Elisabeth entra. (Cocteau)

Comme je *feuilletais* machinalement le dossier, mon regard tomba sur un croquis représentant un petit voilier. (Simenon)

Ce matin, à 5 heures, *au moment où* il *posait* les poubelles sur le trottoir, Marius Galimier, concierge au 28 de la rue de Mirosmenil constata qu'une fenêtre du rez-de-chaussée. . . était entrouverte. (Simenon)

Mais *dans l'instant précis* où il *prononçait* ces paroles il comprit que ça n'était pas un jeu. (Cotte)

Когда в форме имперфекта стоит предельный глагол, основной характеристикой которого является законченность, то действие предстает как длящееся неопределенный отрезок времени (как это следует из системного значения формы), но само оно складывается из серии повторяющихся и каждый раз законченных действий (что естественно для предельного глагола). Повторяющиеся однородные действия образуют цепь, воспринимаемую как нечто целое. Отрезок времени, в течение которого происходит это повторение, может быть сколь угодно долгим:

Je ne l'avais jamais vu aussi animé. Il ne s'aperçut même pas que j'avais gardé à la bouche la pipe qu'il me *priaît régulièrement* d'éteindre. (Simenon)

La porte *s'ouvrait* et *se refermait sans cesse*, envoyant chaque fois à Maigret un courant d'air froid. (Simenon)

Такое значение имперфекта предельных глаголов используется для обозначения постоянно, привычно повторяющихся действий. В грамматике оно носит название *imparfait d'habitude*.

Dans les premiers temps qu'il prit l'*habitude* de faire cette promenade, il *s'asseyait* en quelque coin pour regarder les champs. Il *découvrait* les prairies valonnées et, dans la perspective de ces vallons, il *apercevait* les cimes de la forêt. En été, il *voyait s'envoler* selon le vent les graines de chardon qui *montaient* au ciel ou *fuyaient* à travers les herbes. Des oiseaux *venaient* se percher sur les fils des parcs. (Dhôtel)

Пожалуй, самым интересным и, быть может, несколько неожиданным оказывается употребление имперфекта, этой формы длительного и незаконченного действия, для обозначения мгновенных, завершенных действий. Разумеется, это возможно только для предельных глаголов, притом при выполнении определенных контекстуальных условий.

Это употребление основано на том, что любое, самое короткое действие, даже такое, которое обязательно предполагает естественный предел, дальше которого оно не пойдет, требует для своего осуществления некоторого «оперативного» времени и может быть представлено в процессе его осуществления (сколь угодно краткого) и в отвлечении от его предела, от его завершения. Значение формы представляет действие как процесс вне достижения его предела, но с некоторой уже завершенной частью, а если это действие по своей природе кратко, даже, может быть, мгновенно, то оно окажется представленным как бы в искусственно растянутом виде. Такое изображение действия напоминает «замедленную съемку» (вернее, демонстрацию) в кинематографе, где быстро совершающееся действие (бросок, прыжок, бег и т. п.) представлены в замедленном виде, причем отчетливо выступают все его детали, все составляющие его движения.

Такое «картинное» изображение действия — излюбленный стилистический прием писателей-реалистов и натуралистов конца XIX—начала XX в. — сейчас пользуется чрезвычайным распространением независимо от литературного направления авторов.

Разумеется, не все писатели в равной степени им пользуются, хотя для некоторых он превратился в неотъемлемую черту их стиля.

Но есть одно чисто грамматическое требование, которое до сих пор всегда соблюдалось (хотя современные авторы начинают им пренебрегать). А именно обозначение «длительной» формой имперфекта краткого предельного действия вызывает впечатление отсутствия равновесия, создает асимметрию. Для того чтобы этого не было, для того чтобы характер законченности действия не был поглощен значением перспективности, свойственным форме, в тексте должно присутствовать в том или ином виде указание на момент совершения действия, подтверждающий его краткость. Этим предельный глагол как бы защищается от противоположного ему значения формы:

A sept heures, Lupin dinait et repartait. A dix heures, il arrivait au château de Bruggen et s'inquiérait de Geneviève. (Leblanc)

Impressionné, Marius Galimier se mit à la recherche d'un sergent de ville et, quelques instants plus tard, accompagné du représentant de l'autorité, il pénétrait par la fenêtre dans l'appartement de son locataire. (Simenon)

При точном указании момента совершения действия возможно употребление и претерита. Но экспрессивная разница очевидна. Тогда как имперфект (именуемый в этом случае imparfait pittoresque) дает подлинно картинное изображение действия, как бы растягивая его во времени, претерит ограничивается простым перечислением происходящих событий:

Et ce soir-là, à dix heures, la porte du café s'ouvrit, Marie resta un moment sur le seuil, son manteau sur la tête, puis s'élança, traversa le quai en courant, franchit le pont, grimpa la pente et arriva chez elle éssoufflée comme quand elle était petite. (Simenon)

Une heure plus tard seulement, le médecin arriva. (Simenon)

При употреблении imparfait pittoresque момент осуществления действия не обязательно должен быть указан в том же предложении и не обязательно в виде обстоятельства. Часто он просто подсказан контекстом:

Il n'y avait pas besoin d'entendre les paroles prononcées. C'était clair. Amadiou disait:

— Qu'est-ce qu'il t'a demandé?

— Si j'ai vu Cageot le matin.

Maigret allumait sa pipe, laissait l'allumette brûler jusqu' à la dernière extrémité, se levait enfin en appelant: «Garçon!» (Simenon)

Elle ne l'avait sûrement pas vu, à demi caché qu'il était par la baraque des douanes, mais elle s'élançait néanmoins, traversait la rue en courant, franchissait le pont tournant où elle ralentissait le pas, d'instant, parce que le pont était bruyant. (Simenon)

При таком употреблении имперфекта как бы используется одна часть его системного значения, а именно «совершение действия в прошлом». Законченность его обеспечивается предельностью глагола и контекстуальными указаниями на момент осуществления.

Многие современные французские писатели употребляют «картинный» имперфект предельных глаголов, опуская указание на время совершения действия. Эффект «картинности» однако же сохраняется. Тем самым имперфект как бы вторгается в область применения претерита как формы повествования.

В привлечении имперфекта для обозначения несостоявшегося в прошлом (предельного) действия реализуется характер перспективности формы, отсутствие временных рамок, что приводит к нечеткой временной локализации действия, более того, к невозможности в определенных контекстуальных условиях более или менее точного его утверждения. В этом употреблении участвуют предельные глаголы, четкий характер которых в этом случае как бы подчиняется значению формы:

Et au bout du décamètre, *pour un peu, je tombais dans un trou de près d'un mètre, juste au pied d'un figuier. . .* (Simenon)

— Tu t'en tires bien, m'a-t-elle dit. *Si Raphaëlo m'avait flanquée dehors, je t'épousais pour n'être pas sur le sable.* (Aymé)

Et puis, à supposer, contre toute vraisemblance, que l'abordage réussisse? Le premier coup de feu de Bergsthal serait pour le Basque, le second pour moi, si je le ratais. . . Et les cinq autres Allemands me *tombaient dessus!* (Bommart)

Сложность основной, системной временной характеристики действия, отсутствие строгих временных рамок в пределах прошлого явились причиной превращения имперфекта в форму «вежливости». Разница между *je veux vous demander* и *je voulais vous demander* в степени утвердительности, в степени настойчивости обращения с просьбой.

* * *

Таким образом, в функциональных (речевых) значениях форм претерита и имперфекта проявляется взаимоотношение грамматического системного значения этих форм и предельного или не-предельного характера глагола. Вне этого взаимоотношения вся гамма функциональных значений форм оставалась бы трудно-объяснимой, особенно если учесть, что самые противоположные речевые значения определенным образом связаны с системным значением, зависят от него и никогда ему не противоречат. Учет характера глаголов, облакаемых в эти формы, дает возможность не только констатировать их употребления, но также объяснить появление в них множественных сематических оттенков и показать, для каких именно глаголов тот или иной из них свойствен, для каких — не свойствен или просто невозможен.

Презенс. Для точного представления о возможных значениях грамматических форм глагола в речи необходимо прежде всего установить зависимость этих значений от их системного значения. Ибо все речевые реализации возможны постольку, поскольку они «разрешены» системными значениями, и никакая форма не может выйти за пределы, поставленные ими. При этом не следует упу-

скасть из виду, что сама система языка не есть нечто застывшее, статичное, не подверженное развитию и изменениям.

Модификации системных значений и изменения речевых употреблений форм идут рука об руку. Но для некоторого — ограниченного временем — языкового среза состояние языковой системы условно может быть принято как явление, имеющее определенные, более или менее отчетливо обрисованные контуры.

В работах, специально посвященных изучению временных форм французского глагола, оценка места, занимаемого каждой из них в глагольной системе, зависит в значительной мере от точки зрения исследователя. Так, Дамуретт и Пишон, а за ними и другие авторы⁹ считают, что вся индикативная¹⁰ система глагольных форм строится вокруг презенса и имперфекта.

В своем капитальном исследовании употребления форм индикатива в среднефранцузском языке М. Вильме изучает их поведение в текстах этой эпохи. В центре внимания также презенс и имперфект, системные значения которых имеют общую черту: обе формы представляют действие вне ограничивающих его временных пределов, обозначая тем самым собственно «протекающие» действия в настоящем или прошедшем времени.

Определяя презенс в системе языка как временную форму, обозначающую действие, захватывающее частицу прошлого и частицу будущего, между которыми заключен момент перехода от одного к другому, М. Вильме рассматривает различные употребления этой формы в речи (в тексте), где она служит для обозначения:

моментального действия, происходящего в момент речи:
Voici mon frère qui vient;

действия, происходящего в момент речи, но начавшегося до этого момента: *Il dort comme ça depuis deux heures du matin;*
действия, являющегося общим положением: *Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire;*

привычного действия: *Après la pluie vient le beau temps.*

К этому перечню значений можно было бы прибавить действие, повторяющееся в течение определенного отрезка времени. Согласно определению М. Вильме, презенс представляет собой «лингвистический знак, утверждающий в момент речи одновременность частичную, виртуальную или фактическую означающего и означаемого».¹¹

Поль Имбс,¹² соглашаясь с тем, что презенс образует ось симметрии морфологической системы глагола, вокруг которой распо-

⁹ Ср.: Wilmet M. Le système de l'indicatif en moyen français. Genève; Droz, 1970.

¹⁰ Как известно, формы кондиционала сейчас относят к индикативу, а формы субжонктива, утратившие модальное значение, оказываются занимающими второстепенное положение оформителей темы коммуникации.

¹¹ Wilmet M. Le système de l'indicatif en moyen français, p. 29.

¹² Imbs P. L'emploi des temps verbaux en français moderne. Paris, 1960, p. 21 et sq.

лагаются остальные временные формы, считает презенс формой «наименее дифференцированной, наименее специализированной». С точки зрения временного значения формы, автор различает «моментальный презенс» и «не-моментальный презенс». Первый, по его мнению, представляет по отношению к настоящему времени то же, что претерит представляет по отношению к прошедшему времени. В первом случае действие рассматривается как единичное и не связывается с представлением о его длительности. «Презенс не-моментальный» составляет оппозицию «презенсу моментальному» и может характеризоваться двояко: либо он обозначает повторяющееся действие, либо длительное действие или состояние. В этом значении он противопоставляется «моментальному презенсу».

Из этих определений видно, что П. Имбс рассматривает временное употребление презенса в связи с его собственными видовыми значениями. Собственное временное значение формы автор определяет как помещение действия во вневременной план (*temps indivis*) либо в план настоящего (*présent actuel*), или, по транспозиции — прошедшего и будущего.

В духе теории Г. Гийома решает вопрос о природе формы настоящего времени французского глагола и Р. Мартен.¹³ Он предупреждает, что для того чтобы правильно понять природу презенса, следует иметь в виду, что обозначаемое этой формой действие нельзя рассматривать как обязательно совпадающее с моментом речи. С одной стороны, оно может мыслиться как не ограниченное ни моментом прошлого, ни моментом будущего: *La lune tourne autour de la terre*. С другой стороны, действие, совершаемое в момент речи, ускользает от лингвистического его выражения, ибо мгновенно переходит в прошлое. Момент «настоящего» оказывается лишь границей между прошедшим и будущим. Понятие «настоящего времени» оказывается условным и содержащим частицу прошлого и частицу будущего, разделенные не поддающимся измерению моментом настоящего. Поскольку частицы прошедшего и будущего, объединяющиеся в понятие «настоящего», сами не ограничены временными рамками, действия, обозначаемые формой презенса, представлены как неограниченно длительные.

Опираясь на теорию Г. Гийома, Робер Мартен рассматривает значения, получаемые формой презенса в тексте, как результат различных акцентов в реализации его двойственного системного значения. Так, можно говорить об использовании формы во всей широте ее значения или о подчеркивании одного из компонентов системного значения, что дает возможность употреблять форму презенса для обозначения прошлых и будущих действий. Таким образом, в предложении *Depuis vingt ans je me lève à six heures du matin* все внимание говорящих устремлено к прошлому, и в форме презенса реализуется частица прошлого. Если же мы

¹³ *Martin R. Temps et aspect. Essai sur l'emploi des temps narratifs en moyen français. Paris, 1971, p. 84 et sq.*

скажем: Désormais je me lève à six heures du matin — акцент перенесется на будущее — в глагольной форме реализуется частица будущего.

В отличие от большинства исследователей, не привлекающих характера предельности или неопределенности глаголов при изучении функционирования в речи глагольных видо-временных форм, Р. Мартен учитывает эту характеристику глаголов, которая обладает способностью обуславливать видовое значение и временную отнесенность данного глагола в определенном конкретном контексте.

Таковы возможные позиции рассмотрения значения презенса в речи.

Помимо временного значения, каждой глагольной форме французского языка свойствен в той или иной степени аспектный характер. С этой точки зрения презенс обозначает действие, не ограниченное определенными рамками, действие как процесс. Эта видовая характеристика презенса находится в полном соответствии с процессным характером неопределенных глаголов:

Robert d'Artois, pendant la saison chaude. . . aime à passer les fins de semaine à Reully, dans un château qui appartient à sa femme par héritage Valois.

Les prairies et les forêts entretiennent une agréable fraîcheur autour de cette demeure. Robert garde là son oisellerie de chasse. (Druon)

Если глагол носит в соответствующем контексте предельный характер, форма настоящего времени передает самый момент его совершения. В результате — серия последовательных действий:

Jeanne de Dwion apparaît, bien provinciale, bien modeste. . . Elle sort d'une grande bourse d'étoffe de parchemin roulé où pendent plusieurs sceaux, et le remet à Robert qui le déploie, le considère un moment, puis le passe au notaire. (Druon)

Действия «появиться», «передать», «развернуть» носят предельный характер и представляют в приведенном примере серию единичных действий.

Подобные употребления формы настоящего времени представляют собой некую условность повествовательного текста художественного произведения. Действия в форме презенса не совпадают с моментом речи, но представлены автором так, как будто бы автор переносится в период времени их совершения и передает их как если бы они протекали перед его глазами.

Сочетание предельного характера глагола с процессным значением презенса охотно опирается на дополнительные лексические средства, подчеркивающие то или иное конечное значение формы в данном контексте. Так, когда речь идет о повторных действиях в условно-настоящем времени, в предложении это значение, обусловленное единичностью и завершенностью действия, свойственным предельному глаголу, поддерживается или даже подсказывается либо множественным числом действующих лиц, либо соответствующими наречиями:

— Mes bons sires, mes amis, dit-il, j'ai requis votre compagnie afin que vous me portiez conseil.

Les geus sont toujours flattés qu'on requière leur avis. Les jeunes ecuyers nobles *proposent* aux invités les breuvages d'avant repas, les vins aux aromates, et *présentent* les dragées épicées. . . (Druon)

De temps en temps Robert lance un coup d'oeil à sa femme pour s'assurer de l'effet produit. Jeanne *approuve* de la tête, imperceptiblement. . . (Druon)

Что касается употребления форм настоящего времени для обозначения предстоящих и прошедших действий, то такого рода транспозиции имеют свое объяснение, во-первых, в двойственном характере системного значения формы, и, во-вторых, в авторском намерении достигнуть большей выразительности речи. Когда прошлое действие обозначается формой презенса, что возможно, впрочем, лишь при наличии во фразе или в самой ситуации недвусмысленного указания на временной план действительного протекания действия, автор как бы перемещается в прошлое, чтобы непосредственно наблюдать совершающиеся события, либо перемещает эти события в свой, авторский, временной план. Как правило, такое употребление презенса характерно для прямой речи:

. . . Nous nous mîmes à rire tous les trois, et on parla d'autre chose.

Une heure plus tard je *rentre* chez moi.

Il faisait froid cette nuit-là. (Maupassant)

Когда настоящее время служит для обозначения предстоящего действия, то тут автор как бы выражает абсолютную степень уверенности в том, что это действие совершится. Он представляет его совершающимся, а следовательно, совершенно реальным, в отличие от формы будущего времени, которая хотя и утверждает предстоящее действие, но, в сущности, делает это в какой-то мере условно, ибо высказывать абсолютную уверенность в совершении действия, время которого еще не наступило, психологически трудно. Тогда как уверенность в действии, совершающемся в настоящий момент перед глазами говорящего, совершенно естественна:

Nous *décollons* dans trois quarts d'heure. (Saint-Exupéry)

Richter serra la main d'André, tapota l'épaule d'Aurelio et lui dit avec une rude douceur:

— Je vous laisse. J'ai un rendez-vous à l'autre bout de Paris. Vous me *téléphonez* à cinq heures, n'est-ce pas?

— J'essaierai, dit Aurelio. (Troyat)

При такой транспозиции формы презенса в план будущего сохраняется характер предельности или неопределенности действия, которое представляется либо целостным, завершенным, либо как процесс без определения его временных рамок.

Формы будущего времени.

Простое будущее (простой футурум). Форма футурума служит для категорического утверждения предстоящего действия. Это временное значение формы можно считать в извест-

ной мере условным, ибо всякое, даже категорически утверждаемое предстоящее действие, может и не состояться. Именно эта невозможность выражения во всех случаях полной уверенности в совершении действия в будущем и послужила, очевидно, психологической причиной создания второй формы обозначения предстоящего действия, формы кондиционала, которая обозначает не категорически утверждаемое будущее действие. Но так как в грамматическом значении формы присутствует в некоторой степени сема утверждения, а не только предположения, эта форма относится к системе индикатива и противопоставляется субъюнктиву, совершенно лишенному значения утверждения. Называется эта форма в современной грамматике французского языка «будущее гипотетическое» (*futur hypothétique*), чем подчеркивается разница между простым предположением, которое может не быть обоснованным и которому отвечает форма субъюнктива, и выдвигаемой гипотезой, которая всегда имеет определенные обоснования и обозначается формой будущего гипотетического.

Итак, форма простого футурума утверждает действие в плане будущего времени. Собственного сознания вида форма простого категорического будущего не имеет. Когда речь идет о действии предстоящем, совершенно очевидно, что прежде всего в представлении слушателя возникает представление о начальном моменте этого действия когда-то в будущем. Этот момент может быть уточнен или не уточнен контекстом, он все равно наличествует. Характер же протекания будущего действия всецело зависит от предельности/непредельности глагола. Если глагол предельный, действие будет представлено как дошедшее до этого предела, если глагол выражает мгновенное действие, форма футурума представит его именно таким:

... Je *trouverai* un autre emploi. Je *reprendrai* mon destin en main. Je *m'appliquerai*, *monterai* en grade, *ferai* des économies. . . (Falbert).

Lucien s'est conduit d'une façon ignoble, il doit payer et il *paiera*. (Aymé)

То же и в этом и в следующем примере. Предельные глаголы *payer* и *trouver* в форме футурума передают целостные, законченные действия будущего.

J'ai fait aussi une bonne pâtée de son, pas trop cuite. Tu la *trouveras* dans une boîte blanche que j'ai mise dans la musette. . . (Aymé)

Глагол непредельный в форме футурума может сохранять основной характер процессуальности без указания на временные рамки: Je pars ce soir pour l'Angleterre et je vous emmène avec moi pour être sûr que vous ne *bavarderez* pas. (Aymé)

Puisque l'épreuve est au-dessus de mes forces, mieux vaut supprimer moi-même. Marion *pleurera*. Mais elle *aura* Maxime Joubert pour la consoler. (Troyat)

Глагол непредельный в форме футурума может обозначать начальственный характер действия. В этом отношении он сходен

с формой претерита, так же способной передавать при неопределенных глаголах начало действия.

Vernet trouvera aisément l'origine de votre appel. Votre signallement sera donné en Suisse, ou l'on *attendra* (где станут ожидать) à vous voir accomplir un nouvel exploit. . . (Falbert)

. . . Sur mon ordre, tu sortiras de la voiture. Tu *marsheras* (ты пойдешь) tout droit pendant cent mètres, puis tu tourneras à gauche. . . (Falbert).

Suis-je vraiment un être supérieur? Oh, oui. Je les étonnerai tous. Je forcerai le destin. On *parlera de moi* (обо мне заговорят). (Troyat)

Можно считать, что видовое значение, передаваемое футурумом, так же, как и презенсом, в значительной степени зависит от предельного или неопределенного характера глагола.

Вудущее гипотетическое простое. Системное значение этой формы заключается в некатегорическом утверждении будущего действия. Традиционное наименование формы — «кондиционал» — произошло от одной из ее функций, а именно от функции обозначения предстоящего действия, в осуществлении которого, однако, нет полной уверенности, ибо оно зависит от выполнения некоего условия. Естественно, что полной уверенности не может быть в случае, когда действие зависит от выполнения каких-либо условий, так как неизвестно еще, осуществляются ли сами эти условия. Они могут оказаться простым предположением. Осуществление обусловленного предстоящего действия, зависящего от *категорически* утверждаемого действия в форме презенса, обозначается формой категорического будущего:

— Ne pouvez-vous acheter votre médecine sur place?

— On ne sait jamais, dans ces petites villes. . . Je *serai* plus tranquille si je la prends à Paris. (Daninos)

В случае, если обуславливающее действие само не может быть утверждаемо категорически, оно обозначается не презенсом, а имперфектом, не устанавливающим (в соответствии со своим системным значением) четких временных рамок действия. Зависимое же от него действие ставится в форме гипотетического будущего:

Si nous *retrouvions* Cisneros, nous *poursuivriions* le voyage. . . et nous *atterririons* à Casablanca. . . (Saint-Exupéry)

Как форма не категорически утверждаемого предстоящего действия «будущее гипотетическое» употребляется — и здесь его значение проявляется в наиболее четком виде — для обозначения проектируемых действий:

— Eh bien! répondit miss Lydia, pourquoi n'*irions-nous* pas en Corse? Pendant que vous *chasseriez*, je *dessinerais*. . . (Mérimée)

Равница системного значения форм простого футурума и футурума гипотетического проявляется особенно ярко в тех случаях, когда они употребляются в тексте, внешне схожем и различающемся лишь степенью утвердительности, выраженной в отношении предстоящего действия.

Например:

Don Cesare *pensa* qu'il ne *partirait* jamais à la chasse, dans la fraîcheur de l'aube. (Vailland)

Don Cesare *pensa* aussi que plus personne jamais ne *sera* capable de voir du même oeil que lui ce qu'il était en train de regarder. (Vailland)

Оба предложения передают мысли старика, знающего, что конец его близок. В первом случае он, завзятый охотник, с грустью думает, что, пожалуй, ему уже не придется больше ходить на охоту. Во втором он, человек богатый, влиятельный, пользующийся в округе огромным уважением и считающий себя намного превосходящим всех его окружающих, считает, будучи полностью в этом уверен, что, конечно, никто, никогда не сможет смотреть на окружающий мир и воспринимать этот мир так, как это делает он. Отсюда — форма футурума, выражающая категорическое утверждение.

Аналогичным образом объясняется употребление двух форм футурума в следующих предложениях:

Elle (=Mariette. E. P.) avait *combiné* de s'élaner dans le couloir, dès que don Cesare et Elvire *seraient* dans leur chambre. (Vailland)

Elle *calculait* qu'elle *s'enfuira* dès que don Cesare sera dans la chambre. (Vailland)

В первом случае речь идет о том, что Мариетта, подслушивавшая из-за двери разговор дона Чезаре и Эльвиры, предполагала ускользнуть незамеченной, когда они уйдут в свою комнату. Этот план выражен глаголом *combiner*, не выражающим твердой уверенности. Во втором случае речь идет о расчете — *calculer*; точно рассчитанное действие имеет все основания для своего осуществления; наиболее подходящая в этих условиях форма — категорически утверждающий футурум.

Что касается отношения значения формы гипотетического футурума с предельным или непредельным характером глагола, то здесь наблюдается то же положение, что и при форме простого футурума. Действие, обозначенное предельным глаголом, сохранит это значение, представляясь как достигшее предела, как мгновенное или как целостное, глобальное действие, занявшее определенный, указанный контекстом отрезок времени:

...comme il était à peine dix heures du soir, il *décida* qu'il *passerait la nuit* dans la maison jusqu'à l'heure du retour des propriétaires. (Aymé)

— Je vous *demande* pardon, mon oncle.

— Pas de scène d'attendrissement dans la rue! Si l'on te laisse libre, rendez-vous à la Chope du Pont-Neuf. Au cas où je n'y *serais* pas, tu *trouverais* un mot. (Simenon)

Гипотетический футурум непредельного глагола представляет действие либо как процесс, без указания временных рамок, либо в определенном контексте, подчеркивающим его начало, как начинательное действие:

Ces nuits-là tout paraissait simple et rassurant et nous rêvions à l'avenir. . . Nous *mènerions* une vie heureuse et sans surprises. . . (Modiano)

M-elle Savelli. . . se leverait, elle *marcherait* à pas lents (М-ль Савелли пойдет медленными шагами) habitée par un calme qu'elle n'avait jamais connu. (Prou)

Собственного, четко выраженного видového значения форма гипотетического будущего, подобно форме простого, категорического будущего, не имеет.

Сложные формы. Сложные формы возникли в романских языках, как формы законченности, завершенности действия, т. е. как формы видовые.

В речи (в тексте) сложные формы используются для обозначения действий не только завершенных, но — более того — действий, предшествующих другим действиям независимо от временного плана, в который те и другие помещаются.

Так, в сложных формах возникают значения «относительного времени», т. е. за ними закрепляется функция обозначения хронологической последовательности действий.

И если в момент своего появления сложные формы были прежде всего формами видовыми, формами завершенности действий, впоследствии они превратились в формы «предшествования».

Образуются сложные формы из причастия прошедшего времени, значение которого для большинства глаголов (представленного предельными глаголами) заключается в обозначении качества, явившегося результатом завершенного действия, и из временных форм вспомогательного глагола. Эти последние сообщают сложным формам свойственные им самим временные значения, которые прибавляются к значению завершенности, заключенному в причастии.

Так, с л о ж н ы й п е р ф е к т в первую очередь обозначает действие, законченное к моменту настоящего времени, а затем уже и просто прошедшее действие. Презенс вспомогательного глагола, связывающий форму с настоящим временем, делает ее в основном разговорной формой, почему она и употребляется чаще всего в прямой речи и чередуется с презенсом.

Ici 3 pages du cahier *ont été arrachées*. Une quatrième porte un dessin qui représente une sorte de ville vue d'avion. Les rues *ont été faites* au crayon à bille. . . On a *écrasé* un mégot en bas de la feuille, à gauche. (Le Clézio)

П. Имбс приводит красноречивый пример из М. Бютора,¹⁴ в котором связь формы сложного перфекта с настоящим временем эксплицируется наречием *maintenant* и противопоставляется форме плюсквамперфекта, связанного с прошедшим:

Or si *maintenant* vous *avez* effectivement *décidé*, si vous *avez* effectivement *demandé* autour de vous et obtenu cette proposition que vous cherchiez, si tout ce que vous lui disiez *est devenu*

¹⁴ Imbs P. L'emploi des temps verbaux en français moderne, p. 101.

vrai, à ce moment-là vous n'aviez encore fait aucune démarche en ce sens. . . (Butor)

Будучи формой «преднастоящего», сложный перфект, тем самым, является формой прошедшего времени. Сейчас он употребляется для обозначения прошедших действий без связи с настоящим, но и без акцента на законченность действия. И все же, несмотря на несомненное сближение с претеритом в письменной литературной речи, форма сложного перфекта отличается от него своим преимущественным употреблением в разговорной речи, а отсюда и ее более субъективный характер, отсюда ее частое употребление в первом лице, т. е. для обозначения действия, непосредственно связанного с говорящим субъектом, следовательно, и с моментом речи. Предельные глаголы в форме сложного перфекта обозначают действия мгновенные или ограниченные временными рамками, неопредельные — действия, не ограниченные временем, хотя и законченные.

En 1544 a paru la traduction de l'Art Poétique d'Horace. (Er-langer)

Wrede est revenu la semaine suivante. Nous sommes tombés d'accord et nous avons parlé du passage de la frontière, avec lui et avec Besson. (Modiano)

Значение законченности сложному перфекту свойственно и в тех случаях, когда предельный глагол употребляется в этой форме по транспозиции, для обозначения предстоящего действия:

— Alors il a eu ce qu'il voulait. Tu comprendras que je ne me sente tenue à aucune gratitude envers lui. Nous avons joué chacun notre partie et je ne vais pas pleurer lorsqu'il a perdu la sienne. (Saint-Laurent)

Плюсквамперфект и сложное предпрошедшее. Подобно тому как сложный перфект, обозначающий действие законченное к моменту настоящего, а затем действие, предшествующее действию, происходящему в момент речи, плюсквамперфект и сложное предпрошедшее (plus-que-parfait, passé antérieur) обозначают действия, законченные в прошлом или предшествующие другим прошедшим действиям.

Значение плюсквамперфекта складывается из значения законченности, свойственного причастию, если глагол относится к числу предельных, и отнесенности действия в прошлое со всеми нюансами, свойственными имперфекту, входящему в эту форму.

Il réagissait violemment au mépris de Mathilde. Il ne s'était donc pas trompé. . . Par bonheur, elle ne lui avait pas manifesté de tendresse. . . (Mauriac)

Если глагол неопределен, плюсквамперфект будет обозначать действие, относимое в прошлое и представленное в нем как процесс. Значение имперфекта вспомогательного глагола и неопредельный характер глагола гармонично сочетаются:

Il lui avait parlé moitié à l'oreille et moitié dans son coeur à lui sans savoir exactement quels mots elle entendait et quels mots n'avaient été dits qu'intérieurement. (Courta de)

Для того чтобы форма плюсквамперфекта неопределенного глагола отчетливо обозначила завершенность действия, она должна сопровождаться (как и имперфект неопределенных глаголов) указанием на момент времени или отрезок времени, в течение которого действие совершалось:

Il *avait* peut-être *dormi* une heure, sans rêves, tout habillé, sur le divan. (Courtade)

Si le voyage *avait duré* plus longtemps, je me serais endormi. (Courtade)

La vérité était que je ne pouvais rien retrouver qui prouve que je n'*avais jamais aimé* Marie-Madeleine. . . (Courtade)

Системное значение имперфекта, входящего в форму и не содержащего указания на границы процесса в прошлом, отражается на значении и употреблении плюсквамперфекта: как и имперфект, эта форма может сочетаться с наречием *déjà*:

Le fugitif *avait couru* près de cinquante mètres, *déjà*, lorsque la balle l'atteignit. (Nemours)

Depuis une semaine, il n'arrêtait pas de neiger. J'éprouvais de nouveau cette impression d'étouffement que j'*avais déjà connue* à Paris. (Modiano)

Подобно имперфекту, плюсквамперфект может обозначать действия повторяющиеся, привычные и т. п.

Что касается сложного предпрошедшего (*passé antérieur*), то эта форма имеет довольно узкое значение и употребляется практически только в письменной речи. Ее грамматическое значение определяется входящим в нее претеритом вспомогательных глаголов: оба они — *être* и *avoir* имеют неопределенный характер, а их претеритам свойственно начинательное значение. Сочетание этого значения с законченностью причастия сообщает форме сложного предпрошедшего своеобразное значение действия, законченного в прошлом *непосредственно* перед началом следующего действия, ибо форма вспомогательного глагола говорит, что законченность, выраженная причастием, «начала быть» или «начала иметься». Предложение типа *dès qu'il eut fini son travail, il s'en alla* буквально означает: «как только он начал иметь работу законченной, он ушел».

Этим значением формы объясняется ее частое сопровождение наречиями и союзами соответствующего значения, например, *dès que*, *à peine* и т. п., а также представление о том, что обозначенное ею действие совершилось быстро. Оно поддерживается наречиями *vite*, *en un instant*, любым другим указанием на краткость отрезка времени, занятого действием:

En quatre mois, il eut dépensé ainsi près d'un dixième de sa fortune. (Aymé)

В силу этого значения краткости действия сложное предпрошедшее употребляется только от предельных глаголов и, как правило, в сложноподчиненных предложениях.

Будущее сложное (предварительное). Значение этой формы, непосредственно вытекающее из значений со-

ставляющих ее компонентов, — это завершенность действия в будущем. Если причастие образовано от предельного глагола, завершенность выражена дважды — формой причастия и предельным характером глагола; если глагол неопределен, то все равно форма выражает завершенность в будущем. В этом случае неопределенность глагола отражается лишь в неопределенной длительности действия:

Au moment même où vous en *avez donné* l'ordre, je *serai déjà parti*.

D'ici-là, j'*aurai* si bien *prêché* les compagnons de la forêt que les plus hargneux *seront devenus* doux comme des filles. (Aymé)

Ce grand cochon-là, marier ma fille? Un feignant, un coureur. . . Quand je pense qu'il lui *aura fait* manquer son brevet. . . (Aymé).

Pas une phrase inutile, pas une complaisance, une digression. L'essentiel, la ligne droite. Péri *aura toujours été* l'homme de la ligne droite. (Aragon)

Как и всякая форма, относящая действие в будущее, «будущее предварительное» содержит в своем грамматическом значении сему неуверенности. Всякое утверждение предстоящего действия является относительным, условным; полная уверенность возможна лишь в отношении действия, происходящего в момент речи, на глазах у говорящих или в отношении действия, совершившегося ранее.

Грамматическое значение формы будущего предварительного разлагается на следующие компоненты, определяющие в конечном счете употребление этой формы в речи. Во-первых, это отнесение действия в план будущего; во-вторых, характер законченности действия, что свойственно всякой сложной форме французских глаголов; в третьих, представление о действии, как о предшествующем некоему другому действию (это — общее направление развития грамматического значения в прошлом видовых сложных форм); в четвертых, неизбежный для действия, относимого в будущее, оттенок неполной уверенности. В результате сложения этих значений форма предварительного будущего получила в языке своеобразное употребление, которое П. Имбс называет «брахиологическим». ¹⁵ В этом употреблении *futur antérieur* обозначает действие, происшедшее в настоящем, прошедшем или будущем, но рассматриваемое как законченное с точки зрения будущего (как правило, отдаленного будущего). ¹⁶

— Voilà les conséquences d'une mauvaise conduite. . . Et tu veux que je pardonne à ce jeune monstre? mille fois non! Je saurai l'obliger à rentrer dans le devoir. Tant pis pour lui, il l'*aura voulu*. (Aymé)

Le reste n'était plus, pour les assassins, que de la besogne de manoeuvre. Ils avaient tout le reste de la nuit pour s'en acquitter

¹⁵ Imbs P. L'emploi des temps verbaux en français moderne, p. 111.

¹⁶ См. также: Штейнберг Н. М. Так называемое будущее предварительное во французском языке. — В кн.: Вопросы грамматического строя и словарного состава. Л., 1959, с. 265.

à loisir. Ils purent . . . soulever le chapiteau du kiosque . . . et par cette ouverture, précipiter le cadavre de Jules Pontin. Je suppose qu'ils l'*aurait* préalablement rendu méconnaissable et *affublé* d'autres vêtements. (Aymé)

Та же сема неуверенности определяет употребление формы для обозначения предполагаемых действий:

Je ne trouve pas mes lunettes, c'est que je les *aurai oubliées* à la maison. (я не нахожу своих очков, по-видимому, я забыл их дома).

Будущее гипотетическое сложное. Системное значение этой формы довольно сложно. Во-первых, ей свойственно временное значение предстоящего действия, и, во-вторых, она, как и другие сложные формы, сохраняет исконно ей присущее значение законченности. В-третьих, ей, как и простой форме гипотетического будущего, свойствен характер некатегорического утверждения.

Первые два значения — отнесение в будущее и законченность — определяют ее употребление для обозначения действий предстоящих и предшествующих другим будущим действиям:

C'est le mois prochain qu'ils devaient s'enfuir. Elle partirait d'Yonville. Rodolphe *aurait retenu* les places, *pris* les passeports, et même *écrit* à Paris. (Flaubert)

Некатегорический характер утверждения, свойственный форме, обуславливает ее употребление для действий, окрашенных неуверенностью, близкой к предположительности:

Bien, dit l'enquêteur dégoûté. On vous accuse de choses graves, tout les trois . . . vous *auriez dit* à Rifer. . . : «Nous allons nous débarrasser du vieux». (Lanoux)

Особого разъяснения заслуживает употребление сложной формы гипотетического будущего для обозначения действия, не состоявшегося в прошлом.

Обозначая действия прошлые, сложная форма гипотетического будущего получает оттенок «нереальности», значительно более выраженный, чем форма простого гипотетического будущего. Действие, не утверждаемое в будущем категорически, все же может еще осуществиться и стать, следовательно, реальностью. Тогда как действие, остающееся «возможным» в прошлом, неизбежно оказывается несостоявшимся, т. е. нереализованным. Таким образом, условный период, включающий форму гипотетического будущего, перенесенный в прошлое, оказывается выражающим неосуществившееся условие и не состоявшееся зависевшее от него действие:

Au bout de quelques mois, elle *aurait pleuré* si on l'avait retirée de l'asile. Toujours à cause de l'habitude. (Camus) (=Она расплакалась бы, если бы ее взяли из приюта, к которому она привыкла).

При неопределенном глаголе, так же как в форме простого будущего, возможно либо изображение действия как процесса, либо как начинательного. При предельном — как глобального действия:

Il ouvrait la porte. Il ne voulait pas se retourner. Il ne l'*aurait fait* pour rien au monde. (Simenon)

* * *

С тех пор как сложные формы спряжения перешли от собственно видового значения к обозначению предшествования, вопрос о существовании категории вида как отдельной специальной совокупности форм решается для французского языка отрицательно. Видовое значение сохраняется как некое сознание временных форм. В тексте видовой характеристика действия зависит не только от значения видо-временной формы, а складывается из соотношения этого значения с предельным или непредельным характером глагола.

Соотношение вида глагольной формы с предельностью/непредельностью глаголов и обуславливаемые им в тексте аспектные значения прослеживаются во всех формах временной системы французского языка, хотя не во всех формах оно проявляется в равной степени ярко.

Появление множественных речевых значений глагольных форм обусловлено, с одной стороны, теми значениями, которые вытекают из их положения в системе, с другой, является результатом взаимодействия лексических и грамматических характеристик глаголов и их форм, т. е. взаимодействия лексики и грамматики, совершенно естественного именно в речи, которая строится из этих двух основных компонентов. Лексические и грамматические единицы находятся в речи не просто в тесном контакте, а в некоем единстве, ибо как невозможна речь без лексики, так невозможна она без грамматического ее оформления.

Наиболее сильно видовое значение глобального действия, ограииченного временными рамками, свойственно форме претерита; в повествовании, правда, в определенных контекстуальных условиях, даже непредельные глаголы в этой форме могут обозначать действие, совершившееся в течение указанного в тексте отрезка времени. Значение непредельности побегдается в этом случае грамматическим значением формы. В имперфекте, напротив, присущее форме значение перспективности действия может подчиниться предельному характеру глагола, в результате чего имперфект становится формой единичного, ограииченного временными рамками, глобального действия. Форма презенса при непредельном глаголе выражает всю полноту своего условного значения, т. е. называет действие, совершающееся в настоящий момент (момент речи) и захватывающее частицу прошлого и частицу будущего. Для предельных же глаголов презенс служит лишь для обозначения действия в момент речи (здесь речь не идет о возможностях транспозиционного употребления презенса, которое подчиняется своим особым законам). Формы будущего (категорического и некатегорического) не оказывают влияния на предель-

ность/непределельность глаголов: предельные глаголы представляют в этих формах действие как глобальное, непределельные — как начинательное и перспективное.

Что касается сложных форм, то, став формами предшествования и имея тенденцию превращения просто в формы прошедшего времени, они сохраняют те видовые оттенки, которые свойственны входящим в их состав вспомогательным глаголам.

В сложных формах будущего времени логический конфликт, возникающий между представлением предстоящего действия как законченного, и неизбежным оттенком неуверенности в том, что предстоящее действие на самом деле осуществится, приводит к появлению в этих формах модального оттенка предположительности.

Таким образом, текстуальные значения личных форм глагола оказываются результатом сложения и взаимодействия грамматического системного значения форм и конкретного характера действия, сказывающегося в отношении глагола к характеристике предельности или непределельности.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ НАКЛОНЕНИЯ В ТЕКСТЕ

Для того чтобы уяснить себе принципы, управляющие употреблением во французском, да и в других романских языках двух наклонений их глагольной системы — индикатива и субжонктива, необходимо вспомнить их системные характеристики. Согласно разъяснениям, данным в работах Г. Гийома и его последователей¹⁷ — а точка зрения этой грамматической школы по праву является сейчас общепринятой, — формы индикатива служат прежде всего для обозначения утверждаемых действий, помещенных в точно определенный момент времени — в настоящем, прошедшем или будущем. В противоположность формам индикатива формы субжонктива не обладают способностью точной временной локализации действия, лишь называя его вместе с действующим лицом, но оставляя момент его совершения указанным лишь приблизительно.

Эта особенность субжонктива приводит к тому, что возможности его употребления в речи ограничены. Отсюда его употребление в придаточных предложениях, в которых точное указание на время совершения действия необязательно, так как оно вытекает из содержания главного предложения. Употребление же субжонктива в простых предложениях является, как известно, пережитком, последствием латинского языка, в котором формы конъюнктива еще сохраняли свойственное им некогда модальное значение «оптатива».

¹⁷ См.: *Guillaume G. Temps et Verbe*. Paris, 1929; *Moignet G. Essai sur le mode subjonctif en latin postclassique et en ancien français*. Paris, 1959, I—II.

Таким образом, основным употреблением субъонктива является сфера подчиненных предложений и употребление его в придаточных, в которых можно видеть и формы индикатива, представляет собой центральную проблему наклоения в романских языках.

Сложноподчиненное предложение семантически представляет собой единое сложное целое. Однако оно состоит по меньшей мере из двух частей, формально объединенных прежде всего подчиняющим словом. Взаимоотношения — семантическое и грамматическое — частей сложного целого могут быть различными внутри одного и того же вида сложноподчиненного комплекса. Наиболее типичным является употребление субъонктива в сложном комплексе с дополнительным подчинением, т. е. с придаточным предложением, введенным союзом *que*. Здесь смысловое отношение между главной и придаточной частью раскрывается семантикой главного предложения, чаще всего значением его глагола. Это же отношение определяет роль в коммуникации главной и придаточной части и имеет свое формальное выражение в выборе наклоения глагольной формы придаточного, т. е. в выборе между индикативом и субъонктивом.

Формы индикатива употребляются в дополнительных придаточных предложениях в тех случаях, когда подчиняющему слову в главном предложении свойствен характер констатации, утверждения, несомненности. Действия, характеризующиеся этими нюансами, находятся по одну сторону «порога», отделяющего «вероятное» от «возможного». По другую сторону, в области «возможного», находятся действия, которые сами не утверждают, но являются поводом для констатации некоего факта в главном предложении, факта, выражающего прежде всего отношение говорящего к содержанию придаточного предложения или оценку этого содержания.

В первом случае оба факта — содержащийся в главном и содержащийся в придаточном — служат в равной мере цели сообщения и отношение между ними состоит в том, что придаточное «раскрывает» содержание главного, переданное лишь в самой общей форме словом широкого значения. Т. е. содержание главного предложения заключается в констатации некоего факта, требующего «раскрытия», и придаточное повторяет, но более детализованно, «раскрыто», содержание главного, которое служит как бы введением к сообщению, находящемуся в придаточном. Информация распределяется между обеими частями сложного комплекса, и составляющие его части относительно самостоятельны.

В тех случаях, которые предполагают употребление в придаточной части глагольных форм субъонктива, содержание главной части сообщает об о т н о ш е н и и говорящего к факту, заключенному в придаточной части, о р е а к ц и и говорящего на его содержание и весь комплекс является единым сообщением, обе части его теснейшим образом между собой связаны.

Такая оценка природы сложноподчиненного комплекса с дополнительной связью находится в полном соответствии с теорией

Г. Гийома о значении форм субъюнктива в современном французском языке, который способен точно локализовать действие во времени, что исключает возможность его утверждения, отнесения его в область вероятного. Оно находится за порогом, отделяющим «вероятное» от «возможного», в области этого «возможного».

Употребление форм субъюнктива в дополнительных придаточных предложениях может служить иллюстрацией для теории «коммуникативного членения». Важен не факт, а отношение к нему. Это отношение и есть «центр высказывания», рема. Она находится в главном предложении. В придаточном — основание для высказывания, то, к чему выражается «отношение». Это — тема, второй план высказывания, упotreбляющий формы субъюнктива.

Многие исследователи занимались изучением природы французского субъюнктива. Так, Ж. Гугенейм считал, что современный французский язык прибегает к субъюнктиву во всех тех случаях, когда суждение содержит хотя бы минимальную оценку.¹⁸ Э. Лерх¹⁹ основывался на теории коммуникативного членения. Г. Гийом рассматривал формы субъюнктива с точки зрения формирования понятия времени.

Но, в сущности, ни одна из предложенных теорий не противоречила оценке субъюнктива в придаточных дополнительных предложениях как формы, отражающей характер взаимоотношения двух частей сложноподчиненного предложения в рамках единого высказывания.

Итак, содержанием главного предложения (с глаголом всегда в форме индикатива, в главном предложении субъюнктив употребляться не может) служат:

р е а к ц и я говорящего на факт, содержащийся в придаточной части комплекса;

о т н о ш е н и е говорящего к содержанию придаточного, которое может быть либо отношением неуверенности (т. е. отсутствия констатации), либо отношением уверенности (констатацией);

о т р и ц а н и е факта, содержащегося в придаточном;
выражение п р и к а з а н и я осуществить факт, содержащийся в придаточном;

в о п р о с по поводу содержания главного или придаточного предложения.

В случаях, когда содержание главного предложения представляет собой реакцию говорящего на содержание придаточного, ядро сообщения, т. е. рема, находится в главном предложении. Придаточное служит для него опорой, т. е. содержит тему.

Ah! messieurs, j'ai horreur qu'on me *suive* de trop près, cria-t-il aux jeunes gens qui trottaient derrière lui. (Druon)

— J'ai eu peur qu'on ne te *dise* rien et je suis venu. (Simenon)

¹⁸ Gougenheim G. *Système grammatical de la langue française*. Paris, 1938, p. 199.

¹⁹ Lerch E. *Zum Konjunktiv des psychologischen Subjekts*. — *Die Neueren Sprachen*, 1928, T. 36.

Отношение к факту, содержащемуся в придаточном, очень близко к реакции на этот факт со стороны говорящего. Придаточное так же является основой для высказывания в главном, т. е. содержит тему. Целью сообщения — ремой — оказывается отношение к содержащемуся в придаточном факту, который не находится в центре сообщения, а лишь — повод для сообщения.

— Je le lui proposerai, monsieur le curé, dit Anne froidement, mais je doute fort que sa santé *puisse* lui permettre un travail régulier. (Benoît)

Le vol de mes papiers n'a peut-être été que la goutte d'eau . . . Je ne regrette pas, en tout cas, que le vase *ait débordé*. (Lapierre)
. . . il plaisait à Bérénice que ces rues *fussent* aussi bien des morceaux d'une étrange et subite province. . . (Aragon)

— Oui, dit-il, et pour me convaincre — mais il serait bon que vous *retourniez* le plus tôt possible auprès de votre mari. (Hériat)

В тех сложных предложениях с дополнительной связью, в которых глагол придаточной части стоит в индикативе, последняя служит раскрытию содержания глагола, находящегося в главной части и управляющего подчиненным предложением. Следовательно, действие придаточного представляется как вполне вероятное, утвержденное, оно входит в рему. Весь комплекс содержит два утверждения: I — в общем виде в главном предложении, II — в раскрытом виде, в придаточном:

J'appelle défaitistes ceux qui croient à la victoire finale de l'Allemagne. Ceux qui déclarent que ce qui nous arrive *est bien fait* pour nous, que nous ne nous relèverons jamais et que la France *connaîtra* tous les bonheurs de l'Arcadie quand elle sera province allemande. (Hériat)

Agnès ne tarda pas s'apercevoir que son regard à la photo du Maréchal *avait été surpris*. (Hériat)

В сущности, в таком сложном комплексе содержание главного предложения служит как бы введением для придаточного, в котором и находится ядро сообщения:

Ça embête assez les Allemands, ça leur rappelle que nous *avons gagné* l'autre (guerre). (Hériat)

Nous avons gagné (la guerre précédente) — ядро сообщения.

Ça leur rappelle (quelque chose) — введение к сообщению.

Certes, ils craignaient d'attirer l'attention sur les aises de leur vie, et l'on voyait bien que leur grand épouvantail *était* la réquisition toujours possible de l'hôtel. Mais chez eux c'était surtout affaire de dignité. (Hériat)

Elle s'éleva seule dans l'escalier. On lui avait expliqué que l'ascenseur *était condamné* par économie sur l'attribution de courant. (Hériat)

. . . on avait dû examiner sa fiche et, en constatant qu'il *fréquentait* les milieux anarchistes, on l'avait suivi. (Simenon)

Поскольку характер отношения к содержанию придаточного определяется лексически глаголом главного предложения, требуют особого разъяснения те случаи, когда после одних и тех же глаго-

лов в главном предложении в придаточном появляются то индикатив, то субжонктив.²⁰

Такое параллельное употребление форм наклонений обуславливается двумя факторами: 1) широким диапазоном значения некоторых глаголов — от утверждения до выражения аффективного отношения (*supposer, comprendre, admettre* и т. п.) и 2) тем, что характер отношения между содержанием главного и придаточного может радикальным образом меняться в условиях отрицательного значения глагола главного предложения.

Установление характера отношения между главным и придаточным помогает выяснить роль, выполняемую ими в актуальном членении предложения. В основе всего лежит значение глагола главного предложения, реализуемое в данном контексте.

При некоторых глаголах, обозначающих процесс интеллектуальной деятельности человека, возможно употребление обоих наклонений. К ним относятся *penser, croire, imaginer, supposer, admettre, comprendre* и некоторые другие.

Если отрицательная форма глагола главного предложения превращает его значение в утверждение, в констатацию действия придаточного, то при нем нормально появление в этом последнем форм индикатива:

Il ne pouvait aller voir ses amis, ni Robert, ni l'Imprimeur, ni les autres, car il n'ignorait pas qu'ils *étaient* tous plus ou moins *surveillés* par la police. (Simenon)

Совершенно очевидно, что отрицательная форма глагола *ignorer* имеет то же значение, что и утвердительная форма глагола *savoir*. Утверждение содержания придаточного превращает его в особое сообщение, оформляемое индикативом.

Содержание главного предложения иногда исходит от литературного персонажа, содержание же придаточного — от автора. Оно может не совпадать с мнением героя или находиться за пределами его сведений:

— Le rideau! . . . rappela Pierre Chave à l'électricien qui ignorait que *c'était* la fin de l'acte. (Simenon)

Осветитель сцены не знал, что акт кончался, это обстоятельство оказалось за пределами его сведений. Автор же сообщает читателю, что акт кончился, и делает он это независимо от его персонажа.

Какое из возможных значений управляющего глагола из рассматриваемой группы глаголов реализуется в присутствии в подчиненном предложении формы индикатива или субжонктива? Или: какие формы наклонения привлекаются в придаточную часть тем значением, которое автор хочет выразить глаголом главной части в соответствии с задачей высказывания?

²⁰ В дальнейшем некоторые литературные примеры и теоретические обобщения будут приводиться, с любезного разрешения автора, из диссертации Л. Б. Люблинской (см.: *Люблинская Л. Б. Параллельное употребление наклонений в дополнительных придаточных предложениях современного французского языка*. АҚД. Л., 1966).

Ф. Брюно,²¹ говоря об употреблении в старофранцузском языке после глагола *suider* как индикативных, так и субъюнктивных форм глаголов, объясняет последнюю возможность тем, что субъюнктив служит для оформления неправильного суждения, суждения, не соответствующего действительности.

Невозможно согласиться с этим мнением, ибо формы субъюнктива отнюдь не служат для определения правильности или неправильности суждения или для выражения степени реальности выражаемого глаголом действия. Именно такое толкование значения субъюнктивных форм старой французской грамматикой и привело к необходимости досконального пересмотра тех доводов, на которые оно опиралось, так как множество употреблений субъюнктива никак ими не может быть объяснено. В предложении *La mère est contente que les enfants soient sages* факт, что дети хорошо себя ведут, не подвергается никакому сомнению, он отнюдь не противоречит действительности. То обстоятельство, что поведение детей радует их мать, подтверждает, что они действительно ведут себя хорошо. Следовательно, употребление субъюнктива объясняется не «нереальностью» факта, не «несоответствием» его действительности, а иначе.

Г. Гийом в упоминавшейся выше работе и многочисленных статьях, посвященных этому вопросу, определил форму французского субъюнктива как форму, не обладающую, в отличие от индикатива, способностью точно локализовать обозначаемое ею действие во времени. Действие, представленное субъюнктивом, обрисовано в общем виде, недостаточно четко, почему и временная его отнесенность обозначается недостаточно отчетливо. Отсутствие точной соотношенности действия с определенным временным планом позволяет французскому субъюнктиву обходиться всего четырьмя формами (против 8 форм индикатива), не заставляя его страдать от отсутствия специальных форм для действия, относимого в план будущего, и т. д.

Но, если принять такую «нечеткость» обозначения действий формами субъюнктива — а возразить против этого нечего, — то из этого надо сделать вывод, что формы субъюнктива могут быть использованы языком лишь для обозначения второстепенных действий, не служащих центром сообщения. Г. Гийом говорит, что действие, обозначенное глаголом придаточного предложения, «заслонено» действием главного, что оно не привлекает к себе внимания говорящих, которое полностью поглощено содержанием главного предложения, семантикой его глагола.

Значение глагола главного предложения «заслоняет» собой содержание придаточного, препятствуя его восприятию, потому что содержание придаточного является второстепенным моментом в сообщении, и как нечто второстепенное оно не нуждается в очень большой четкости. Оно служит не целью сообщения, а основанием для сообщения, заключающегося в главной части сложного ком-

²¹ Brunot F. Histoire de la langue française. Paris, 1957, t. I, p. 249—250.

плекса, а следовательно, и останавливающей на себе внимание слушающего. Таким образом, теория коммуникативного членения предложения, выдвинутая Э. Лерхом, удачно дополняет теорию модальности Г. Гийома и разъясняет то, что в этой теории осталось недостаточно убедительным.

Итак, значение глагола главного предложения, определяющее отношение между его содержанием и содержанием придаточного, устанавливает их место в высказывании, т. е. их роль в коммуникативном членении. То, что является темой, отправной точкой для сообщения, то, что можно считать «данным», обозначается наклонением субъюнктива. Тема содержится в придаточном предложении в тех случаях, когда центром сообщения является установление реакции или отношения субъекта на нечто «данное» или его оценка. В тех случаях, когда в придаточном стоят формы индикатива, оно входит в рему наравне с содержанием главной части сложного предложения, являясь его раскрытием.

Значение глагола главного предложения соотносится определенным образом с ролью придаточного в коммуникативном членении, независимо от отношения факта, в нем выраженного, к действительности.

В примере из Песни о Роланде (3724)²²

Alde la bel est a sa fin alce.
Quidet li reis que el se seit pasmee. . .

глагол *suidier*, управляющий придаточным предложением с субъюнктивом, имеет оценочный характер, выражая не констатацию факта придаточного, а лишь предположение. Король подумал, что Альда упала в обморок, он предположил, что это так, ему показалось, что это именно так и есть. В данном примере предположительный факт падения Альды в обморок противоречит действительности. Но употребление в нем субъюнктива вызвано не этим, а тем, что в главном предложении заключается не констатация, не утверждение, а предположение. Ведь когда мы говорим *les disciples sont heureux que leur maître soit parmi eux* — факт присутствия учителя никак не может не соответствовать действительности, а все-таки глагол здесь ставится в форме субъюнктива!

В современном языке глагол *penser*, наследник старого глагола *suidier*, являющийся сейчас глаголом утверждения, все же проявляет иногда ту же способность выражать разные оттенки отношения своего субъекта к факту, находящемуся в придаточном предложении.

В предложении:

*Petit Doré n'avait pas honte d'être rouquin; il pensait même que ce fût une couleur distinguée*²³ — употребление субъюнктива обу-

²² Das altfranzösische Rolandlied nach der Oxforder Handschrift, hgg. von A. Hilka. Halle, 1948, S. 102.

²³ Fischer M., *Haecquart G. A la découverte de la grammaire française*. Paris, 1959, p. 330.

словлено не тем, что сообщаемое в придаточном предложении не соответствовало действительности, а тем, что благодаря этому значение глагола *penser* никак нельзя воспринять как утверждение или констатацию, а лишь как предположение, что и входило, видимо, в задачу автора. Т. е. важно не то, каково истинное отношение действия придаточного к действительности, а то, как оно представлено содержанием главного предложения. Если то, что содержится в придаточном, находит в главном свое утверждение, то независимо от того, соответствует этот факт действительности в самом деле или не соответствует, узус требует употребления индикатива.

J'affirme que cet homme est un scelerat. На самом деле человек может и не быть злодеем. Но глагол *affirmer* главного предложения обязательно предполагает индикатив в придаточном.

Je regrette que cet homme charmant nous ait quittés.

То, что этот «милый человек» нас покинул, не подлежит сомнению, это — действительный факт, иначе было бы невозможно сожаление о нем. Но сожаление о факте — это отношение к нему, а там, где нет констатации, а есть лишь выражение отношения, употребляется субжонктив.

Какое значение имеет в приведенных выше примерах глагол *penser*?

. . . *il pensait même que ce fût une couleur distinguée* — здесь выражено мнение маленького Дорэ в отношении рыжего цвета. «Он думал», что это благородный цвет, не значит, что он «утверждал» это. «Он думал» значит здесь «он полагал», «он считал», «он предполагал». Для формы субжонктива глагола *être* важно в данном случае не то, так это или не так на самом деле (да и вообще, как решить этот вопрос? — это ведь дело вкуса), а важно, что в главном предложении содержится предположение, высказанное по поводу содержания придаточного.

В предложениях, где главная часть содержит утверждение или констатацию, в придаточном всегда будет индикатив:

. . . *Tom cessa de parler et je le regardai du coin de l'oeil; je vis qu'il était devenu gris, lui aussi, et qu'il avait l'air misérable.* . . (Sartre)

Il remarqua seulement alors qu'elle avait la robe qu'elle portait à leur première rencontre. (Aragon)

En y regardant de plus près, on constatait que son linge n'était pas de première fraîcheur. . . (Simenon)

Как только появится оттенок оценки, эмоционального отношения или отношения неуверенности субъекта в действии придаточного, глагол последнего ставится в субжонктиве.

. . . *il avait tant été question de ne pas jouer.* . . *que c'était miracle que les spectateurs fussent là, dans les fauteuils rouges, les acteurs sur la scène, la rampe éclairée.* (Simenon)

Je ne trouve pas si affreux que vous repreniez des mots qui ont déjà servi, si les mots sont jolis, Aurélien. . . (Aragon)

Содержание придаточных в этих случаях не входит в рему, так как то, что не утверждается, не может служить сообщением, а служит лишь основанием для сообщения, которое находится в главном.

Если я скажу: «Я хочу, чтобы ты приехал», можно ли считать, что этой фразой я сообщаю о твоём приезде? Я сообщаю лишь о своём желании, чтобы ты приехал. Когда я говорю: «Я рад, что ты приехал», центром сообщения является вовсе не факт приезда, а моё отношение к нему. При переспросе: «Что ты говоришь?» ответ может быть: «Я радуюсь твоему приезду», ибо именно это «радуюсь» является центром сообщения.

Возьмем другое предложение: «Я утверждаю, что этот человек — негодяй». На переспросе: «Что ты говоришь?» ответ может быть: «Этот человек негодяй», так как именно содержание придаточной части является сообщением, а глагол главной части сложного предложения лишь утверждает факт, содержащийся в сообщении, вводит его в высказывание.

При глаголах более или менее однозначных употребление в придаточном форм того или другого склонения единообразно и не вызывает никаких колебаний. Другое дело, когда речь идет о глаголах, диапазон значения которых простирается от «утверждения» до «предположения». В первом и смежных с ним значениях такой глагол вызывает употребление в придаточном индикатива. Во втором, так же как и в близких к нему значениях, он может сочетаться только с субъюнктивом:

Elle fit *dire* qu'elle *était* indisposée et qu'on l'*excusât* de ne point paraître au dîner. (France)

Как видно из примера, один и тот же глагол может одновременно, в пределах одного сложного комплекса, подчинять себе два глагола в придаточном предложении. Форма склонения этих глаголов зависит от отношения, связывающего их с управляющим глаголом, и соответствует тому, в каком из своих значений этот управляющий глагол сочетается с каждым из них. В данном случае глагол *dire* в сочетании с *qu'elle était indisposée* означает «сказать» (*dire que* = сказать, что) и выражая утверждение, предполагает индикативную форму подчиненного глагола. В сочетании с *excuser* глагол *dire* приобретает дополнительный оттенок «попросить» (здесь *dire que* = сказать, чтобы).

В этом втором значении глагол *dire* уже не содержит утверждения или констатации, чем и определяется его сочетание с субъюнктивом *qu'on l'excusât*. . .

То же возможно и при глаголе *penser*. В значении утверждения мнения, в значении выражения констатирующей мысли, *penser* сочетается с индикативом в придаточном предложении:

. . . Dans mon rêve je *pensais* que le volet de la cuisine *battait* contre le mur. C'était vous qui *cogniez* à ma porte. (Bernanos)

Для того чтобы глагол *battre* получил форму индикатива, отнюдь не важно, действительно ли ставень ударялся о стену.

Важно, что говорящий это утверждает, ибо таково было его мнение. На самом деле стучал в дверь кюре.

... *je pense qu'il avait à peu près autant d'intelligence qu'une bûche, mais sans doute n'était-il pas méchant.* (Sartre)

Равным образом и в этом случае неважно, настолько ли глуп человек, о котором идет речь. Важно, что таково мнение героя. Он не высказывает предположение, а утверждает, заявляя о своем мнении — отсюда индикатив в придаточном предложении.

Относительно случаев двойственного употребления форм глагола придаточного предложения при одном и том же глаголе в главном, вопрос можно поставить и так: определяется форма в придаточном значением глагола в главном или значение глагола в главном зависит от склонения глагола в придаточном?

Очевидно, что при чтении текста оттенок значения, которое в каждом данном случае свойственно глаголу главного предложения, можно определить по тому, в каком наклонении стоит глагол придаточного. При составлении того же предложения форма субъюнктива или индикатива глагола придаточного предложения будет выбрана в соответствии с тем, какой оттенок значения хочет говорящий придать глаголу главного предложения.

Основное значение глагола *penser* в современном французском языке — значение констатирующее, утверждающее: *je pense* (я думаю, таково мое мнение) = *je sais* (я знаю). Поэтому нормально в придаточном, раскрывающем его содержание и представляющем собой рему, употребляется индикатив. Но в ряде случаев после *penser* в придаточном можно видеть формы субъюнктива. Марсель Коэн, приводя примеры употребления субъюнктивных форм в современном языке, подчеркивает, что в языке людей, не слишком точно придерживающихся официальных грамматических правил, в речи провинциалов, субъюнктив появляется всякий раз, как в значение глагола главного предложения вкрадывается хоть малейший оттенок сомнения или неуверенности. Это именно так. *Penser* с оттенком неуверенности, предположения, передвигающийся по семантической шкале в сторону таких глаголов, как *supposer* и утрачивающий свое «констатирующее» значение, не может вводить ремы. Он служит сообщением о том отношении предположительности, которое возникло у говорящего к содержанию придаточного. Последнее превращается в основание (тему) для сообщения, что предполагает употребление в нем форм «второстепенного действия», т. е. субъюнктива:

Voilà la façon dont nous pensons que la culture doit évoluer pour s'adapter à la situation présente. (Jean-Richard Bloch)²⁴

К мнению М. Коэна, оценивающего, впрочем, такое употребление субъюнктива, как провинциализм, думается, можно прибавить, что эта манера опирается на многозначность глагола *penser* или, вернее, на возможность обрастания его значения дополнитель-

²⁴ *Cohen M. Le subjonctif en français contemporain, 2-me éd. Paris, 1965, p. 148—149.*

ными оттенками, которые радикальным образом меняют его характер, что и отражается в изменении общей тональности всего сложного предложения, в изменении семантического отношения между содержанием главной и придаточной частей. Это новое отношение синтаксически реализуется при помощи употребления субъюнктива, знаменующего передвижение коммуникативного центра от придаточной части к главной.

Двойное употребление форм наклонения глагола в придаточном предложении возможно также при глаголе *croire* в главной части сложного предложения. И в этом случае можно установить, что выражение уверенности, утверждения, бесспорности в главном предложении приводит к появлению в придаточном индикатива.

— *Mademoiselle Céleste, dit le curé tout à coup avec une chaleur singulière bien que contenue, je crois que nous serons amis. (Bernanos).*
«Nous sommes foutus».

— *Je le pense aussi, dis-je, mais je crois qu'ils ne feront rien au petit.*

— Мы пропали.

— Я тоже так думаю, сказал я, но я уверен, что они ничего не сделают малышу. (Sartre)

Степень уверенности, заключенная в глаголе *je crois*, превращает его в «констатирующий» глагол, управляющий индикативом в придаточном, в котором содержится рема.

Но коль скоро в *croire* преобладает оттенок предположения, неуверенности, что для этого глагола вполне возможно, в придаточном ставится субъюнктив:

*On pouvait croire que le marquis fût bon chrétien. (La Varende)*²⁵

Здесь *croire* не обладает оттенком уверенности. Это усиливается сочетанием его с *pouvoir*. Имеет место допущение, а отсюда и субъюнктив в придаточном предложении.

Есть все основания считать, что глаголы, допускающие возможность появления в придаточном обоих наклонений, обнаруживают в соответствующих случаях преобладание в своем значении либо оттенка утверждения, констатации (и тогда в придаточном — индикатив), либо предположения, отношения или оценки (в этом случае — в придаточном субъюнктив).

Не случайно Ж. Гугенейм²⁶ говорит о том, что дополнительные придаточные предложения, зависящие от глагола *supposer*, допускают в придаточном как индикатив, так и субъюнктив. Разница в наклонении глагола придаточного предложения точно отвечает разнице в значении *supposer*. Когда речь идет об умозаключении как результате рассуждения — в придаточном индикатив; когда речь идет о простом предположении — в придаточном появляется форма субъюнктива.

Ж. Гугенейм приводит также примеры употребления обоих наклонений после глагола *entendre*.²⁷ При значении физического

²⁵ См.: *Grevisse M. Le bon usage. Gembloux, 1959, p. 983.*

²⁶ *Gougenheim G. Système grammatical de la langue française, p. 197.*

²⁷ *Ibid., p. 198 et squ.*

восприятия, что соответствует констатации факта, — индикатив: *J'entends que vous ne me suivez pas*. При значении пожелания — субжонктив: *J'entends que vous ne me suiviez pas* (Fromentin).²⁸

Далее формулировки Ж. Гугенейма еще более отчетливы и однозначны. Так, относительно глаголов, в значении которых содержится аффективный оттенок (боязнь, радость, удовлетворение, жалоба, огорчение, удивление и т. п.), автор отмечает, что они в современном языке всегда сочетаются с субжонктивом. В языке наших дней, говорит он, субжонктив появляется во всех случаях, как только в суждении возникает хотя бы маленький оттенок оценочного характера. Индикатив продолжает употребляться, пишет Ж. Гугенейм, только после глаголов, обозначающих чисто интеллектуальные процессы. К их числу прежде всего относится глагол *penser*.

Один из наших современников, известный французский романист, ученик Гюстава Гийома, Жерар Муанье также отмечает возможность для глагола *supposer* сопровождаться как индикативом, так и субжонктивом. Он также считает, что выбор наклонения для глагола придаточного предложения зависит от оттенков значения *supposer* в каждом конкретном случае. *Je suppose qu'il viendra* будет обозначать обоснованное суждение, справедливость которого представляется вполне вероятной.²⁹ В *Je suppose qu'il vienne* содержится необоснованное предположение, не позволяющее помещать результат в область вероятного.

Таким образом, *supposer*, выражающий чистое предположение, сопровождается субжонктивом, *supposer*, приближающийся по значению к утверждению, управляет индикативом:

— *Il a tué votre mari.*

— *Supposons même que ce soit prouvé, il n'en reste pas moins mon frère et ce n'est pas de le mettre en prison jusqu'à la fin de ses jours qui ressuscitera René. . .* (Simenon)

— *Supposé qu'un type ait fait le coup, remarqua le garde champêtre, sûr qu'il aurait filé du côté de Dombasle. En tout cas, il n'aurait pas pris par ici, vers le village.*

— *Quel coup?* demanda le maire, *goguenard.*

— *«Supposé», que j'ai dit. Une supposition, quoi. Une idée, rien de plus.* (Bernanos)

— *Votre mère était déjà morte?*

— *Elle est morte quelques jours après sa naissance. . . Et cela explique bien des choses. . . Je suppose que tout ce que je vais vous dire s'étalera demain dans les journaux. . .* (Simenon)

. . . Vous lui avez annoncé un nouveau coup de téléphone pour lui donner rendez-vous. . . J'ai tout lieu de *supposer* que l'heure et le lieu de ce rendez-vous *étaient*, ce soir, *fixés* dans votre esprit. . . (Simenon)

²⁸ См. также: *Grevisse M. Le bon usage*, p. 991.

²⁹ *Moignet G. Essai sur le mode subjonctif en latin postclassique et en ancien français*, I, p. 101.

— De plus, continua-t-il, les persiennes de la chambre et du cabinet semblent être restées closes. Je dis «semblent» parce que, après tout, rien n'interdit de *supposer* qu'elles ont été fermées après le crime. (Bernanos)

Сюбжонктив в придаточном может быть вызван появлением в глаголе *supposer*, под влиянием общего контекста, аффективного оттенка любого характера: Ah! tu dis ça? Et tu le répètes calmement? Eh bien! mon vieux, tu as de l'estomac! . . . Non, mais. . . est-ce que tu donnes un sens à tes paroles? . . . D'abord. . . D'abord, je te ferai remarquer ceci: *en supposant* que je *prenne* au sérieux une seconde ton genre de proposition. . . (Roussin)

В таком контексте глагол *supposer* означает «немыслимое допущение»; содержание придаточного предлагается рассматривать как возможное, хотя из контекста следует, что оно совершенно невероятно.

Оба наклонения возможны при глаголе *admettre*. При значении «позволять», «разрешать» или «допускать мысль» при нем субжонктив; при значении «признавать», «соглашаться», «подтверждать» — индикатив:

Ils ne pouvaient *admettre* (допустить мысль) que ce départ douloureux pour eux deux, ces quinze jours un peu égarés et cette soirée où ils s'étaient retrouvés. . . que tout cela *correspondit* à une décision. En fait pour Alan c'était: tu *admits* (допускать, разрешать) que je *doive* partager toute ta vie, et pour Josée: tu *admits* (соглашаться, признавать) que tu *n'es* pas toute la vie. (Sagan)

Обусловленность наклонения глагола придаточного предложения значением управляющего глагола широко признается.³⁰ Употребление индикатива или субжонктива после глагола *comprendre* также зависит от выражаемого им в каждом отдельном случае значения. C'est de la folie! Je l'ai compris trop tard. *J'ai compris* que *j'étais* un mufle et un egoïste, — et un imbécile par-dessus le marché. (Roussin)

Здесь *comprendre* имеет значение «признавать, считать», т. е. содержит элемент утверждения.

При субжонктиве в придаточном *comprendre* выражает оценочное, сочувственное отношение говорящего к факту, заключенному в придаточном предложении:

— Tu es un organisateur merveilleux, chéri! *Je comprends* que tu aies si bien réussi dans les affaires! (Roussin)

Entre nous, *je comprends* que vous ayez hâte de filer, le pays est plutôt macabre, brr! . . (Bernanos)

П. Имбс³¹ усматривает в значении глагола *comprendre*, управляющего придаточным предложением с субжонктивом, оттенок возможности. О. Соважо³² говорит, что вмешательство субъектив-

³⁰ См., например: *Regula M.* 1) La fonction du subjonctif dans le français moderne. — RLR t. XII (1936), p. 298; 2) Encore le problème du subjonctif. — ZRPh, 74 (1958), Н. 3—4, S. 263.

³¹ *Imbs P.* Le subjonctif en français moderne. Strasbourg, 1953.

³² *Sauvageot A.* Les procédés expressifs du français contemporain. Paris, 1957, p. 153.

ного фактора проявляется в особенности в тех случаях, когда говорящий может по выбору пользоваться то формами субъюнктива, то индикатива, в зависимости от того, хочет ли он подчеркнуть субъективную оценку факта или ограничиться простой его констатацией. Ср.:

Nous comprenons que vous ayez commis une erreur.

Nous comprenons que vous avez commis une erreur.

Автор считает, что в первом случае, употребив субъюнктив, говорящий выдвигает на передний план свое эмоциональное отношение и свое сочувствие собеседнику; во втором — констатирует совершение им ошибки, не проявляя никакого аффективного отношения к этому факту. Взгляд Соважо представляется совершенно правильным. Он подтверждается фактами языка.

Henri: Tu ne *comprends* pas qu'il te *fait* la cour à chaque mot? Tu ne *comprends* pas qu'il *se conduit* avec toi comme pendant une lune de miel? qu'il éclate de bonheur? . . . Et tu ne *comprends* pas que cela me *soit* insupportable? (Roussin)

В последнем случае имеется в виду не столько рассудочное понимание факта, сколько оценочно-эмоциональное к нему отношение.

При глаголе *imaginer* в придаточном дополнительном могут быть как индикатив, так и субъюнктив. Выбор зависит от семантического наполнения самого глагола *imaginer*. Он может иметь два значения: первое «воображать», близкое по смыслу к «предполагать», и второе — «представлять себе», приближающееся к «думать», «полагать».

J'*imagine* que les premiers soirs tout au moins son sommeil n'a pas dû venir très vite. (Roussin)

Зная о душевном состоянии героя, его друг высказывает не столько предположение, сколько утверждает, что он должен был плохо спать, особенно первое время.

В другом случае, в том же тексте, *imaginer* сопровождается субъюнктивом. Значение глагола здесь иное. Имеется в виду чистое предположение факта, к тому же не соответствующего действительности с точки зрения говорящего, что совершенно исключает возможность утверждения.

Eh bien! Sais-tu à quoi j'ai pensé le premier soir? J'ai tout à coup *imaginé* qu'au lieu d'être ici, rescapés tous les trois, Suzanne *ait péri* dans le naufrage et que nous *soyons* seuls, toi et moi, chacun dans notre hutte. . . (Roussin)

С собственно коммуникативным членением предложения связывают вопрос употребления тех или иных форм наклонения в придаточных предложениях Дамурет и Пишон³³ и в первую очередь Э. Лерх.³⁴

³³ Damourette J., Pichon E. Dès mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française. Paris, 1911—1936, t. V, p. 477.

³⁴ Lerch E. 1) Hauptprobleme der französischen Sprache. Braunschweig, 1930, T. 2, S. 104; 2) Zum Konjunktiv des psychologischen Subjekts, S. 85.

Э. Лерх считал, что употребление в придаточном предложении субъюнктива или индикатива находится непосредственно на службе коммуникативного членения. Индикатив служит сообщению нового и оформляет это «новое» в сообщении. Субъюнктив выражает то «данное», «известное», что служит основанием для коммуникации.

Хотя Э. Лерх ничего не говорил о значении управляющего глагола для выбора наклонения глагола придаточного предложения, но его теория отлично согласуется со взглядами Г. Гийома, который считал значение глагола главного предложения решающим для выбора наклонения в придаточном, но в свою очередь ничего не говорил о коммуникативном членении предложения.

Интересна одна деталь. Некоторые глаголы могут употребляться в сопровождении форм субъюнктива или индикатива независимо от того, какова их собственная форма. Все зависит от реализуемого в данном контексте значения управляющего глагола. Но есть такие глаголы, которые допускают формы субъюнктива в придаточном предложении только в том случае, если сами они стоят в инфектных формах (*présent, imparfait*). Те же глаголы в перфектных формах не допускают субъюнктива в придаточных. С первого взгляда это кажется странным. Но, в сущности, ничего удивительного в этом нет. В конечном счете употребление субъюнктива или индикатива в придаточном все-таки зависит от лексического значения управляющего глагола. Но само это лексическое значение может испытывать воздействие влияния грамматической формы, в которой стоит глагол. Так, перфектные формы при предельном глаголе *comprendre* никак не влияют и не видоизменяют значение самого глагола в этих формах. В форме инфинитива, в претерите и в сложном перфекте *comprendre* остается передающим предельное действие и не получает никаких других оттенков ни аспектного, ни лексического характера, он обозначает процесс интеллектуального значения «понимать», «усваивать». В этом значении он является глаголом утверждения, констатации и сочетается с индикативом в придаточном.

Il faut me soutenir, voyons, et lui faire comprendre qu'il doit être ému. (Anouilh)

Si peu que je susse l'espagnol, je compris qu'il me fallait renoncer aux huîtres et reprendre le volant. (Chevallier)

В формах инфектных (презенс, имперфект) аспектный характер предельного глагола входит в противоречие с грамматическим значением незавершенности, свойственным самой глагольной форме. Из этого столкновения рождаются некоторые дополнительные оттенки аспектного характера, которые влияют на лексическое значение глагола. Этим изменением лексического значения в результате возникновения в нем новых оттенков и объясняется возможность сочетания именно этих форм глагола с субъюнктивом в придаточном.

Et pourtant Daniel comprenait si bien qu'on puisse être happé

par un de ces appareils, y perdre peu à peu son argent et recommencer encore et encore. . . (Sartre)

Значение глагола *comprendre* в этом контексте должно быть истолковано так: Даниэль «понимал» (=чувствовал) предательски опасный характер автоматических аппаратов для игр, которые способны были поглотить сколько угодно денег, не потому, что кто-то ему «объяснил» это, а потому, что «чувствовал» это по всей обстановке кабака, в котором он находился.

В ряде случаев воздействие на значение глагола и придание ему аффективной окраски берет на себя контекст. Влияние контекста сочетается с влиянием видового значения формы, что и приводит к возникновению новых оттенков в самом глаголе; инфективные формы презенса и имперфекта легко допускают влияние этой окраски на семантику глагола, который значит здесь не просто «понимать умом», а «понимать, оценивать, сочувствовать, постигать чувством» то состояние, в котором находится собеседник. То же в следующих примерах:

Elle regardait son mari avec attention.

— Tu l'aime bien, non?

— Je crois que je commence à le comprendre.

— Tu *comprends* qu'un homme comme lui *devienne* clochard?

— Peut-être. . . (Simenon)

D'ailleurs elle *comprenait* très bien qu'une beauté aussi éclatante *eût ému* un très jeune homme. (Maurois)

Различна и структурная связь между главным и придаточным предложениями в тех случаях, когда *comprendre*, будучи глаголом главного предложения, стоит в инфективных или в перфектных формах. При перфектных формах рема содержится в придаточной части, главное служит «вводом» этого сообщения.

При инфективных формах *comprendre*, при которых у него появляются оттенки значения оценки, отношения к содержанию придаточного, глагол которого оформлен субъюнктивом, придаточное предложение представляет собой основу для сообщения, тему.

Л. Б. Люблинская отмечает, что преимущественное употребление субъюнктива в тех случаях, когда подлежащим глагола *comprendre* является местоимение 1-го лица, объясняется, по-видимому, тем, что именно 1-е лицо легче и непосредственнее всего выражает в речи отношение говорящего к содержанию придаточного предложения. Ей же принадлежит следующее наблюдение: так как имперфекту предельного глагола *comprendre* может быть свойствен аспектный оттенок итеративности действия, то это значение также может отражаться на употреблении наклонения в зависимом предложении. При наличии аспектного характера повторности действия форма *comprenait* не может считаться способом передачи аффективных значений оценки, реакции или отношения субъекта к действию. В этих случаях, следовательно, имперфект глагола *comprendre* не обуславливает субъюнктива в придаточном, и при повторном характере действия, который обычно подчеркивается

в предложении и лексически, после имперфекта глагола *comprendre* следуют формы индикатива:

Dès qu'on les voyait face à face, on *comprenait* qu'il n'y avait rien à espérer, ni à redouter d'eux. (Beauvoir)

Рассматривая конструкции сложноподчиненного предложения с дополнительным придаточным, М. Гревис замечает,³⁵ что такие глаголы, как *admettre, comprendre, concevoir, supposer*, в утвердительной форме предполагают индикатив или subjunkтив как наклонение придаточного предложения в зависимости от того, какое значение из числа свойственных им реализуется в каждом конкретном случае. М. Гревис³⁶ устанавливает также, что глаголы типа *arrêter, décider, décréter, établir, exiger, mander, ordonner, prescrire, régler, stipuler*, когда они служат для выражения волеизъявления, сочетаются с subjunkтивом. В значении же просто декларативных глаголов они привлекают в придаточное индикатив. Само придаточное в этом случае является раскрытием содержания декларативного глагола, т. е. содержит рему. В богато документированной работе М. Гревиса собрано много примеров употребления указанных глаголов с индикативом и с subjunkтивом в современном французском языке.

Не будучи последователем Г. Гийома, он, однако, полностью подтверждает положение этого крупного французского лингвиста-теоретика о значении для употребления subjunkтива лексико-семантических связей между главной и придаточной частями сложного предложения. Очевидно также, как велика роль коммуникативной перспективы предложения при выборе наклонения для глагольных форм придаточного предложения.

В тех случаях, когда в главном предложении подлежащее стоит в 3-м лице, возникает возможность расхождения между точкой зрения героя (этого 3-го лица) и автора. То, что для героя будет служить основанием для сообщения о его отношении к факту, с точки зрения автора может оказаться сообщенным. И наоборот, то, что для героя — сообщение, утверждение, может ставиться автором под сомнение, автор может не разделять мнения героя, не принимать его слов как утверждение. Например:

«...c'est ici le lieu de s'inscrire formellement en faux contre les assertions des auteurs qui vont *affirmant* au monde que dans la France d'aujourd'hui il y *ait* un écart sensible entre le langage écrit et le langage parlé».

Tout ce qui s'écrit se parle. (Damourette et Pichon)

Авторы не согласны с мнением тех, кто утверждает, что («будто бы»: с точки зрения Дамуретта и Пипсона, — *Е. Р.*) между письменным и устным французским языком можно наблюдать значительное расхождение. Они не согласны с этим, следовательно, не принимают этого факта как утверждаемого сообщения. Отсюда — subjunkтив после глагола *affirmer*, который нормально,

³⁵ *Grevisse M. Le bon usage*, p. 986.

³⁶ *Ibid.*, p. 991.

в качестве глагола утверждения, управляет индикативом. В данном же случае авторы, отвергая высказанное мнение, переводят *affirmer* в разряд глаголов, выражающих предположение, с которым можно и не согласиться.

Повелительная форма предложения. Коль скоро форма может оказывать влияние на лексическое значение управляющего глагола и тем самым выступать в качестве фактора, обуславливающего употребление наклонений в дополнительных придаточных предложениях, небезынтересно выяснить, какие формы, помимо рассмотренных, могут оказывать аналогичное воздействие на значение и на конструкцию всего сложного комплекса.

Несомненно, с этой точки зрения примечательна форма императива. При императиве одних глаголов в придаточном предложении употребляются формы индикатива, при других — субъюнктива. Очевидно, что форма наклонения глагола придаточного зависит от лексического содержания управляющего глагола главного предложения и от роли придаточного предложения в коммуникации.

Форма императива некоторых глаголов представляет просто некое «введение» к сообщению, содержащемуся в следующем за императивом высказывании. Адресат должен лишь принять к сведению это сообщение. Он не должен при этом выражать или каким бы то ни было образом проявлять свое отношение к принимаемому сообщению. Такое значение императива исключает всякое проявление реакции или оценки сообщаемого со стороны адресата. Наклонение придаточного — индикатив. Ядро сообщения находится в придаточном.

Espérons aussi que j'étais un chasseur dont tout le monde riait et que je n'ai pas atteint trois bêtes. (Anouilh)

Vous ne vous rendez pas compte. Allons, avouez que vous ne vous rendez pas compte. (Anouilh)

В приведенных придаточных предложениях содержится ядро сообщения, т. е. рема.

Глагол придаточного предложения, зависящего от императива в главном, стоящий в субъюнктиве, не может служить ремой. Как было неоднократно показано, форма субъюнктива не используется для утверждения или констатации. Содержание придаточного с субъюнктивом опять-таки зависит от значения глагола в форме императива. Если это значение состоит в том, что адресату не предлагается произвести никакого конкретного действия, если требуется лишь проявить отношение к некоему предполагаемому факту, то формой придаточного предложения окажется субъюнктив.

Глагол главного предложения, значение которого может колебаться от предположения до утверждения, может управлять и субъюнктивом и индикативом в зависимости от того, к какому из двух возможных для него полюсов значения он склоняется в данном контексте.

Поэтому при *imaginer* в главной части придаточное может содержать как **субъюнктив**, так и **индикатив**:

Elle resta ainsi une seconde, n'osant avaler. . .

— Avale, lui dit Boris. *Imagine-toi que c'est de l'eau: il n'y a que ça.* (Sartre)

В словах Бориса нет предположения. Он предлагает сестре проглотить рюмку виски, представив себе, что это вода. Он как бы утверждает, что выпить рюмку виски это то же самое, что выпить рюмку воды.

S'imaginer = «представить себе» некий конкретный факт:

. . . si tu n'es pas heureuse en même temps que moi, je ne pourrai l'être. Tu comprends? *Imagine-toi que j'ai rencontré au cours, une jeune fille. . .* (Cocteau)

В сущности, то, что Лео встретил на занятиях молодую девушку, является сообщением. *Imagine-toi* — введение к этому сообщению. Ничего предположит **ьного** в высказывании нет. Есть констатация факта, — *j'ai rencontré. . .*

В тех конструкциях, где после императива *s'imaginer* в придаточном стоит форма **субъюнктива**, значение глагола *s'imaginer* иное. Он приближается к *supposer*, становится глаголом, выражающим предположение. Содержание придаточного не носит утвердительно характера, выражает предполагаемый факт:

. . . il était maintenant tout à fait logique pour toi de te retourner, du moment que tu avais cru entendre «Henri».

— D'accord! Seulement, *imagine-toi que je me sois appelé Charles!* (Roussin)

Здесь *imagine-toi* = *suppose* (=представь себе = предположи). Адресат должен предположить некий **неутверждаемый факт**, а не принять его в качестве сообщения.

В силу тех же причин глагол *supposer* в значении «предполагать» в форме императива сопровождается **субъюнктивом**. Равным образом придаточное при нем не содержит собственно сообщения. То, что адресат должен только предположить, не может служить предметом сообщения. Сложный комплекс с дополнительным предложением оказывается **одночленным**, и с точки зрения актуального членения придаточное является темой.

Avez-vous remarqué, m'a-t-il dit qu'on ne peut pas cumuler les maladies? *Supposez que vous ayez une maladie grave ou incurable, un cancer sérieux ou une bonne tuberculose, vous n'attraperez jamais la peste.* (Camus)

Выражающими предположение и, следовательно, близкими по значению глаголу *supposer* оказываются в форме императива глаголы *admettre* и *mettre*: они сочетаются с **субъюнктивом** глагола придаточного предложения:

Admets que tu partes dans l'état où tu es en ce moment: tu risques de crever comme une bulle, tu auras rêvé ta vie trente cinq ans et puis un beau jour une grenade fera éclater tes rêves, tu mourras sans t'être réveillé. (Sartre)

Но если содержание придаточного предложения является утверждением, глагол в нем ставится в индикативе, а значение глагола *admettre* теряет оттенок предположения:

— *Admettons que je n'ai rien dit. Mensonge par omission, simplement.* (Bernanos)

— . . . *Aujourd'hui, avec un peu de complaisance, tout le monde passerait pour fou.*

— *Mettons que vous soyez des maniaques. Tu le reconnais.* (Coc-teau)

Очевидно, что при сложном предложении с императивом в главной части наблюдается та же зависимость между семантикой управляющего глагола и наклонением в придаточной части.

Если ядро сообщения содержится в придаточной части, форма наклонения в ней — индикатив, а императив главной части играет роль вводного элемента, привлекающего внимание адресата к содержанию придаточного, представляющему собой ремю. Таким образом, в конечном счете употребление субъюнктива или индикатива в придаточном дополнительном предложении диктуется коммуникативным членением.

Отрицательная форма предложения. В тех случаях, когда в главной части сложного комплекса находится отрицание содержания придаточного, последнее, само собой разумеется, не может рассматриваться как сообщение о констатированном, утверждаемом факте, т. е. содержать ремю. Само же отрицание не может быть полным самостоятельным сообщением, если неизвестно, по поводу чего оно высказывается. Таким образом, содержание придаточной части служит необходимым основанием для отрицания, но не сообщением, т. е. не является ремой, что и оформляется субъюнктивом.

Il n'est pas attesté que Guillaume ait ramené des concubines arabes. . . (Rouquette)

— . . . *Je le convoquerai demain.*

— *Permettez, permettez! Je ne pense pas qu'il puisse se rendre, si tôt du moins, à votre convocation. Il a dû partir ce matin. . .* (Bernanos)

Sur le palier elle refusa que Valentin montât avec elle jusqu'au troisième. (Hériat)

При этом безразлично, имеет ли глагол собственно отрицательное значение или стоит в отрицательной форме.

Значение глаголов декларативных, или глаголов, выражающих мыслительный процесс, которое в утвердительной конструкции носит характер констатации, в отрицательной превращается в свою противоположность. При отрицании констатации содержания придаточного предложения последнее естественным образом не может составлять сообщения. А следовательно, и иметь форму индикатива.

Je me rendai compte que je n'avais jamais pensé vraiment que je dusse partir. (Sagan)

— *Je ne crois pas, Françoise, que notre grand-mère ait été malheureuse.* (Maurois)

Отрицательный характер значения глагола может не быть явным и все же он привлекает subjunctif. Так, например, глагол *oublier* имплицитно содержит в своем значении оттенок отрицания, который и может управлять выбором наклонения в придаточном.

Семантически глагол *oublier* может быть приравнен к отрицательной форме глагола *se rappeler*: *oublier* = *ne pas se rappeler*. Оба члена этой пары сопровождаются subjunctifом в придаточном: ³⁷

Ben et Baba s'agitaient, repris par une longue passion du travesti, et un tel enthousiasme les animait qu'ils avaient fini par oublier complètement que Basil fût malade. (Druon)

Bernard s'était un peu détendu, mais elle ne se rappelait pas qu'ils se soient adressés directement la parole. (Sagan)

В теории сложного предложения существует взгляд, разделяемый многими романистами ³⁸ и состоящий в том, что при анализе употребления наклонений в дополнительных придаточных предложениях необходимо учитывать, является ли подлежащее главного предложения одновременно и подлежащим придаточного, т. е. выражено подлежащее главного предложения 1-м или 3-м лицом.

Ж. Дамурет и Э. Пичон дифференцируют выбор наклонения в придаточном предложении с точки зрения говорящего лица (автора) и с точки зрения действующего лица (протагониста).

Когда подлежащим главного предложения оказывается местоимение 3-го лица или какое-либо существительное, к его оценке действия придаточного, выраженной значением глагола главного предложения, может примешаться оценка, даваемая этому же действию самим автором. Так объясняются формы индикатива придаточного предложения в таких, например, случаях:

— *Elle ne pense pas que vous êtes si inquiet, dis-je. (Beauvoir)*

Согласно сказанному выше, здесь оценка содержания придаточного предложения действующим лицом и автором не совпадает. Героиня романа отрицает факт (*vous êtes si inquiet*), тогда как автор устанавливает этот же факт формой индикатива. Возможно, однако, что в некоторых случаях появлению индикатива при отрицательных формах некоторых глаголов, утвердительная форма которых сопровождается индикативом же, способствуют и речевые навыки, не ассоциирующие данного глагола с subjunctifом.

В тех случаях, когда при отрицательной форме главного предложения желательно точно обозначить временную соотносительность действий главного и придаточного предложений, необходимо появляется индикатив, так как subjunctif, как известно, не обладает способностью достаточно точной временной локализации действия. В подобных ситуациях язык жертвует коммуникативной

³⁷ См.: Люблинская Л. Б. Указ. соч.

³⁸ Ср.: *Damoirette J., Pichon E. Dès mots à la pensée, t. V, p. 473; Poerck G. de. Modalités et modes en français. — Le Français moderne, 1950, N 2, p. 83—84; Regula M. Encore le problème du Subjonctif. — ZRPh, 74 (1958), N. 3—4, S. 273.*

ролью субъектнктива ради точной локализации действия во временном плане. Это очень характерно для французского языка, в системе глагола которого на первом месте стоит именно временная характеристика действия.³⁹

J'avais pensé à me cacher à Saint-Etienne du Mont. Ils font des rafles dans tout le quartier, mais *je ne pense pas* qu'ils regarderont dans les églises. (Beauvoir)

— Quand sera-tu de retour?

— *Je ne crois pas* que je *reviendrai* de la nuit. Je reste à l'écoute près d'un poste de radio. (Rémy)

— *Je ne croyais point* que *je te perdrais* en route. C'est une histoire à peine croyable. (Salacrou)

Формы субъектнктива во всех трех приведенных примерах, подчеркнув отрицательный смысл всего высказывания, не показали бы точного временного соотношения действий главного и придаточного предложений, которое отчетливо обозначено формами индикатива.

Вопросительные предложения. Употребление наклонений в придаточном дополнительном при вопросительной конструкции заслуживает особого внимания.

Форма наклонения глагола придаточного предложения при вопросительной конструкции зависит от того, что является объектом вопроса — содержание ли главной или придаточной части сложного предложения. Вопрос может строиться со специальной вопросительной формулой *est-ce que*, хотя в современном французском языке она встречается все реже и реже. В живой речи ее заменяет вопросительная интонация, превращающая в вопрос простое утвердительное предложение. В письменном языке показателем вопроса служит обязательный вопросительный знак. Наконец, вопрос может быть истинным, т. е. предполагающим ответ, и риторическим, т. е. ответа не требующим, а содержащим некое общее утвердительного характера, но лишь оформленное в виде вопроса. Наконец, речь может идти о частновопросительном или общевопросительном предложении.

Все эти черты вопросительной конструкции соотносятся известным образом с выбираемым в каждом отдельном случае наклонением для глагола придаточного дополнительного. И, кроме того, как и в утвердительных предложениях, употребление индикатива или субъектнктива отвечает требованиям дифференциации в высказывании ремы и темы.

Употребление наклонений в придаточных дополнительных при вопросительной форме мало привлекало к себе внимание исследователей. И это несмотря на то, что, например, параллельное употребление обонх наклонений после одних и тех же глаголов в главном предложении, казалось бы, нуждается в объяснении.

Вопросительные предложения бывают грамматически маркированными, с инвертированным порядком слов в главном предло-

³⁹ Ср. мнение на этот счет Г. Гийома (*Guillaume G. Temps et Verbe*).

жении, т. е. такими, у которых глагол предшествует подлежащему, что и является грамматическим признаком вопроса, и грамматически не маркированными — имеющими прямой порядок слов в главном предложении. Вопросительный характер предложения обозначается в этом случае только интонацией в живой речи и вопросительным знаком — в письменной.

В общевопросительном сложном предложении вопрос может относиться либо к сказуемому главного, либо к сказуемому придаточного предложения. От того, к чему относится вопрос, зависит употребление индикатива или субъюнктива в придаточном предложении. Одновременно с этим выбор наклонения в придаточном при вопросе определяется отношением между содержанием главного и придаточного, обусловленным значением подчиняющего глагола. Так же, как и в утвердительной конструкции, «констатирующее», «утверждающее» значение этого глагола сопряжено с употреблением индикатива в придаточном. Глаголы главного, выражающие «отношение» или «оценку», сочетаются с формами субъюнктива в придаточном предложении.

Общевопросительные сложные предложения. Наиболее нормативной и грамматически отчетливо оформленной является такая конструкция, в которой в главном предложении имеется инверсия подлежащего. В придаточном может быть и субъюнктив, и индикатив. В тех случаях, когда глагол главного является выражением «отношения» или «оценки», в придаточном — субъюнктив, который служит выражению «второстепенного» действия. Следовательно, в центре внимания находится действие главного предложения. К нему и относится вопрос.

— Et, dit encore l'abbé Vergez, *est-il vrai* que vous vous occupiez de sa conversion? (Benoît)

Ответ был бы: *oui, c'est vrai*, или: *non, ce n'est pas vrai*.

Il ne savait que lui dire. Que pensait-elle? *S'attendait-elle* à ce que geste fortuit *marquât* le commencement d'un amour véritable? (Maurois)

Ответ: Elle s'y attendait.

Monsieur le curé, monsieur le curé, *croyez-vous* sérieusement que Dieu ait le loisir de s'occuper d'aussi piêtres choses? (Benoît)

Ответ: Oui, je le crois.

Когда объектом вопроса является сказуемое главного предложения, представленное глаголом *croire* (= *penser*), т. е. в тех случаях, когда спрашивающий интересуется, действительно ли его собеседник имеет то или иное мнение по поводу содержания придаточного, это последнее представляет собой тему, а следовательно, глагол в нем имеет форму субъюнктива:

Croyez-vous que nous *ignorions* la tendresse des chômeurs volontaires en temps de grève, pour les ouvriers persistants? (Salacrou)

Croyez-vous que Mme Thomasson ait été au courant de cette liaison de Payot? (Delory)

Crois-tu que nous n'ayons jamais eu envie de partir en voyage tous les deux? (Roussin)

Несмотря на то, что существует специальная форма вопроса в виде инверсии, в современном литературном языке все больше и больше укрепляется вопрос с прямым порядком слов.

Порядок слов — прямой или инвертированный — никак не влияет на выбор глагольных форм сложного предложения, в котором вопрос относится к сказуемому главного предложения:

Au fait, dit-il, pourquoi n'en avoir pas parlé d'abord à Micheline? *Vous voulez sans doute que je serve d'intermédiaire?* (Aymé)

Ответ: Je le veux.

— *Vous tenez donc à ce que je m'en aille si vite?* (Benoît)

Ответ: J'y tiens.

В случаях же, когда вопрос относится к содержанию придаточного предложения, глагол в нем ставится в индикативе, так как представленное им действие выдвигается на передний план, т. е. входит в ремю. Что касается главного предложения, то оно превращается во второстепенный элемент ремы и вводит вопрос:

— *C'est signé. Ah! alors, si c'est signé. . . Et est-ce que je le connais, celui avec qui vous avez signé? Vous me disiez tout à l'heure qu'il n'était pas de Bordeaux?* (Benoît)

Возможный ответ: Oui, il n'est pas de Bordeaux.

— *Vous l'avez vu vous-même? Vous êtes sûr qu'il est mort?* demanda M. Achille qui se méfiait de tous les renseignements indirects. (Maurois)

Возможный ответ: Certainement, qu'il est mort.

— *J'espère que vous allez rester longtemps?*

— *Je repars demain après-midi.* (Aymé)

Что вопрос в подобных конструкциях относится к содержанию придаточного предложения, подтверждается ответами на заданный вопрос:

Ils s'assirent. Lola se tourna vers Boris, elle semblait tout à fait à son aise.

— *Il paraît qu'ils ont emboîté Ellinor?*

— *On en cause.*

— *Elle est venue pleurer dans ma loge.* (Sartre)

Среди артистов прошел слух о том, что публика плохо приняла выступление певички Элинор. Именно этот факт и стоит в центре внимания беседующих:

. . . *Personne ne me parle jamais de moi; moi aussi, quelquefois, j'ai de la peine à me retrouver. Alors? Tu penses que j'ai besoin de m'engager?*

— *Oui, dit Brunet avec force. Oui, tu as besoin de t'engager. . .* (Sartre)

Брюне, отвечая на заданный ему вопрос, повторяет содержание придаточного предложения, которое и являлось объектом вопроса.

— *A le voir faire avec elle, dit-elle doucement, comme si, vivante ou morte, ça ne lui importait plus désormais, vous croyez qu'il est possible d'en arriver. . . là. . . autrement que. . . par désespoir?* (Duras)

Спрашивающей важно не столько то, думает ли так ее собеседник, сколько то, может ли человек прийти к тому, чтобы ему было безразлично, жива или мертва его возлюбленная.

Tu crois que c'est suffisant? (Délory)

Вопрос касается содержания придаточного предложения. Он означает, в сущности, то же, что было бы выражено вопросом *est-ce que c'est suffisant?*

— *Qu'est-ce que tu crois donc que je fais dans cette maison (что я делаю в этом доме) depuis vingt-trois ans? Pauvre aveugle. . . pauvre sourde. Je souffre.* (Cocteau)

Содержание главного предложения как бы вовсе исключается из вопроса, который касается, в сущности, только придаточного:

La veille de son départ pour la Hollande, Antoine lui dit:

— *Je pense que tu iras dire au revoir à Françoise? Elle te réclame. Veux tu venir dîner?* (Maurois)

В сущности, здесь главное предложение не является логически необходимым. Вопрос мог бы быть выражен только содержанием придаточного: *iras-tu dire au revoir à Françoise?*

Объектом вопроса при индикативных формах в главном и в придаточном предложениях может служить содержание обоих предложений. Формы индикатива соответствуют «сообщению», которых в сложноподчиненном предложении может быть два: в общем виде — в главном и в раскрытом виде — в придаточном.

Вопросительная формула *est-ce que* ничего не меняет в логико-синтаксических отношениях между членами комплекса.

— *Est-ce que vous saviez que Boris avait besoin de cinq mille francs?*

— *Non, dit-il. Non, je ne savais pas. Il a besoin de cinq mille francs?* (Sartre)

Ч а с т н о в о п р о с и т е л ь н ы е с л о ж н ы е п р е д л о ж е н и я. Наклонение глагола придаточного предложения может быть различным также и в таких сложноподчиненных комплексах с дополнительной связью, где вопрос относится к какому-либо отдельному члену предложения, формально заменяющемуся вопросительным словом. Такого рода конструкции носят название частновопросительных, в отличие от общевопросительных, в которых вопрос относится к сказуемому.

Так, вопрос может относиться к подлежащему главного предложения, т. е. спрашивающий хочет узнать, кто является агентом действия, представленного сказуемым.

Qui a décrété que vous êtes lié à Pont-l'Éure pour l'éternité? (Maurois)

. . . *il y a des choses que je peux lui apprendre, ajoutait-elle avec défi. Et puis qu'est-ce qui vous dit que je suis trop vieille pour lui?* (Sartre)

Форма наклонения придаточного предложения определяется, как и в прочих случаях, отношением между действием главного и действием придаточного. Если имеется в виду, что глагол глав-

ного предложения утверждает действие, находящееся в придаточном, то в нем ставится индикатив.

Однако при вопросе типа *qui te dit, que*. . . может появиться и subjunkтив. Это имеет место в тех случаях, когда к вопросу *qui te dit?* присоединяется оценка факта со стороны самого спрашивающего. Ситуация расчлняется так: кто-то говорит (кто именно — спрашивающему неизвестно, и он хочет это узнать), но одновременно он выражает свое отношение к содержанию придаточного предложения, дает свою оценку факта, в нем заключенного, особенно если в этой оценке присутствует оттенок сомнения или неодобрения.

В результате этой дополнительной оценки содержания придаточного в нем появляется subjunkтив:

— *Qui te dit, riposte aigrement Dominique Eseurol, que nous (кто говорит, будто мы. . .) prenions Olympe pour ce qu'elle n'est pas? (Chevallier)*

— *Qui me prouve (кто мне докажет) qu'il soit né à la clinique des Ormeaux? Vous affirmez, vous affirmez. Et comme par hasard, votre seul témoin est mort et enterré. (Salacrou)*

При subjunkтиве в придаточном в центре вопроса находится глагол главного предложения: Кто говорит? Кто мне докажет?, но одновременно subjunkтивом выражено отношение говорящего к содержанию придаточной части.

В частновопросительном предложении вопрос может касаться различных обстоятельств, относящихся к действию придаточного дополнительного. Форма наклонения глагола в этом последнем зависит во всех случаях от значения глагола главного предложения и обусловленного этим значением отношения между ним и придаточным.

— *C'est très joli, mais je ne peux pas me charger de faire un sort au mobilier. Où voulez-vous que je le mette? (Aymé)*

Центром вопроса является обстоятельство места, представленное вопросительным наречием *où*. Характер глагола *vouloir*, обозначающего «отношение», обуславливает subjunkтив в придаточном.

То же в следующем предложении:

Mais, Dieu me pardonne, ma pauvre fille, tu deviens folle. Pourquoi veux-tu que nous vendions nos maisons? (Benôit)

Вопрос относится к причине возникновения такого, с точки зрения матери, странного желания дочери, как продать все принадлежащие им дома.

Та же ситуация имеет место в предложениях с *comment* и инфинитивом в главном предложении, которые имеют в придаточном subjunkтив. Предложения этого типа иногда относят к риторическим.⁴⁰ В них отсутствует отношение утверждения между главным и придаточным предложениями даже в том случае, если глагол главного имеет «констатирующее», «утверждающее» зна-

⁴⁰ См.: Люблинская Л. Б. Указ. соч.

чение. Оно снимается вопросом *comment?*, выражающим сомнение в возможности произвести это действие. В рассматриваемом сочетании заключено если не полное отрицание, то, во всяком случае, весьма солидное сомнение в отношении содержания придаточного предложения. Сомнение это выражено присутствием вопросительного наречия *comment*. В этих условиях глагол придаточного, являющегося темой, вполне естественно облекается в форму субжонктива и занимает второстепенное положение. В центре вопроса инфинитив и наречие *comment*, представляющие собою рему:

Comment admettre que Robert soit en danger? Comment le tolérer? (Beauvoir)

При личной форме «утверждающего» глагола в главном предложении и при вопросах *comment* и *pourquoi*, при отсутствии сомнения, неуверенности в отношении действия, находящегося в придаточном, закономерно появление индикатива в придаточном:

Comment savez-vous que j'ai une grande nouvelle à vous annoncer? (Maugois)

Отношение утверждения между главным и придаточным не нарушается присутствием *comment*, которое относится только к сказуемому главного предложения.

— *A moi, dit-il, pourquoi dis-tu que ça ne doit pas me coûter beaucoup à moi?* (Sartre)

Однако и в эти конструкции может вмешаться отношение говорящего к факту придаточного предложения, которое модифицирует связь между главным и придаточным в случае, если это отношение носит характер оценки, неуверенности или сомнения. При этом, естественным образом, глагол придаточного оказывается в субжонктиве:

Mais comment expliquez-vous alors, que cette grève vienne d'être votée à l'unanimité. (Salacrou)

Comment se fait-il, puisque vous êtes tellement en marge, que cet homme qui est venu vous voir cet après-midi, ait pu nous accuser nettement et tenter de vous enlever? (Gascar)

Э. Лерх⁴¹ говорит по поводу конструкции *comment se fait-il*, что при ней субжонктив в придаточном является психологическим субъектом, т. е. основанием для сообщения, темой. Он, очевидно, прав, ибо вопрос никоим образом не относится к содержанию придаточного, а только к содержанию главного предложения. Содержание придаточного находится на втором плане, а следовательно, субжонктив в нем совершенно закономерен.

Таким образом, и при вопросе выбором наклонения глагольной формы придаточного предложения управляет отношение между содержанием главного и придаточного (утверждение или не утверждение), выраженное значением глагола главного предложения, но также и отношение говорящего субъекта к содержанию придаточного предложения.

⁴¹ *Lerch E.* Zum Konjunktiv des psychologischen Subjekts, S. 93—94.

Риторический вопрос. Особое место среди вопросительных конструкций занимает «риторический» вопрос, т. е. такой, который не требует ответа, потому что является вопросом лишь по форме. По существу же это простое сообщение. Как правило, риторический вопрос возможен в конструкции сложно-подчиненного предложения, при глаголах типа «знать» и «говорить». Говорящий как бы осведомляется, знает ли слушатель то, что он ему сейчас сообщит, или предупреждает слушателя о том, что ему сейчас что-то скажет.

Содержание главного предложения в этих случаях оказывается формально «введением» к сообщению и не связано с содержанием придаточного. Сообщение находится в самом придаточном и, естественно, облекается в форму индикатива.

L'autre lui jeta un regard de défi qui fit éclater la sourde colère de Mme Larralde.

— *Sais-tu que nous commençons à avoir assez de tes manières?*

— *Vraiment, fit Marie-Louise, avec un petit rire. (Benoît)*

— *Vous aurez du moins, ma chère Constance, dit la vieille demoiselle, la consolation de penser que la chère petite est au ciel, en train de prier pour vous. Savez-vous que c'est miraculeux, cette conversion?*

Mme de Saint-Selve poussa un profond soupir.

— *C'est la seule pensée qui soit capable d'adoucir ma douleur, dit-elle. (Benoît)*

— *Tu es mille fois trop intelligente pour moi. Sais-tu que tu arriveras à gagner de quoi vivre avec tes reliures. Je me ferai entretenir. (Cocteau)*

Si je vous disais que cela me fait de la peine de vous abandonner ici, toute seule, dans cette maison noire? Vous n'avez pas l'âge de vivre de la sorte. (Benoît)

Вопросительная конструкция *Sais-tu que nous commençons à avoir assez de tes manières?* содержит заявление о том, что родственникам Марни-Луизы надоели ее выходки. Это могло бы быть передано и в утвердительной конструкции: *Nous commençons à avoir assez de tes manières.* То же и во втором примере. По существу, собеседница не задает вопроса, она высказывает свое мнение. Форма вопроса чисто условна. В третьем примере вопрос *Si je vous disais* также совершенно формален и непосредственно за ним следует придаточное, содержащее сообщение.

Понятно, что в подобных конструкциях форма наклонения придаточных предложений должна быть индикативом.

* * *

Думается, что вопрос о значении и употреблении субъектива во французском языке, вопрос, послуживший предметом оживленных дискуссий и вызвавший множество различных противоречивых утверждений, может быть решен с опорой на мнения

исследователей, занимавшихся им с различных позиций, следующим образом.

Прежде всего следует иметь в виду системное значение форм субъюнктива, которые не обладают способностью к точной временной локализации действия, обозначенного глаголом, почему и употребляются в тексте исключительно в качестве темы. Не последнюю роль играет говорящий субъект, в тексте — автор, отношение которого к выраженному глаголом действию может совпадать или не совпадать с отношением к нему персонажа повествования (протагониста). Наконец, выбор наклонения для придаточного дополнительного предложения зависит от того, утверждается помещенное в нем действие содержанием главного предложения или не утверждается. Если глагол главного предложения носит констатирующий характер, то действие придаточного, утвержденное им, может стоять в индикативе и представлять собой ремю. Если в главном предложении содержится оценка или выражение отношения субъекта к действию, обозначенному глаголом придаточного, глагол получает форму субъюнктива. Вот почему в сложно-вопросительном и сложно-отрицательном предложениях, как правило, мы видим субъюнктив: то, о чем спрашивается, не может утверждаться и служить ядром сообщения; то, что отрицается, тем более не может утверждаться в качестве ремы.

ПОРЯДОК СЛОВ¹

В 1971 г. Р. А. Будагов² писал: «... порядок слов принадлежит к наименее изученным проблемам индоевропейской филологии». В центре внимания языковедов находилось, главным образом, взаиморасположение слов предложения, непосредственно зависящих друг от друга — определяемое и определяющее, глагол и его дополнение, или определяющее его обстоятельство и т. п. Отсюда и вывод о двух основных характеристиках порядка слов как в прямом, т. е. такого, при котором зависимый член предложения примыкает к управляющему или вводится служебным, и как об обратного, в котором зависимый член предложения предшествует управляющему. И тот, и другой рассматривались по праву как основная характеристика грамматической структуры предложения, отвечающей логическому строению мысли.

Однако даже в тех языках, где порядок членов предложения представляется нам наиболее четко и строго фиксированным,

¹ Вопросу о порядке слов французского предложения в его отношении к построению сверхфразового единства посвящено исследование Т. А. Аполлонской, защищенное ею в 1976 г. в качестве кандидатской диссертации в Лен. Пед. Институте им. А. И. Герцена. С любезного разрешения автора здесь использованы некоторые положения ее работы и иллюстрирующие их языковые примеры.

² Будагов Р. А. Язык, история и современность. М., 1971, с. 219.

а именно в языках, в которых преобладают элементы аналитического строя (среди индоевропейских языков чисто «аналитических» или чисто «синтетических» найти невозможно), на практике мы постоянно встречаемся с колебаниями в порядке расположения членов предложения.

Интерес к изучению порядка слов значительно возрос в последние десятилетия, вместе с обращением лингвистов XX в. к углубленному исследованию синтаксических структур. Особенно же важным изучение порядка слов оказывается при обращении к исследованиям синтаксиса связной речи, синтаксиса текста. Дело в том, что порядок слов предложения, являющегося элементом связного текста, отражает не только логико-грамматическую связь между членами предложения, но подчиняется еще ряду неизбежных требований речи.

Необходимо принимать во внимание, что выбор того или иного порядка слов для каждого данного предложения зависит от ряда факторов различной природы и различной степени значимости. Шарль Балли так сформулировал это положение: «Всякое высказывание мысли с помощью языка обусловлено логически, психологически и лингвистически». ³ Конкретизируя слова Ш. Балли, можно сказать, что взаиморасположение подлежащего и сказуемого, ⁴ с одной стороны, и второстепенных членов предложения — с другой, определяется грамматикой, ритмом и мелодикой, коммуникативным членением предложения, связями внутри сверхфразовых единств.

Эти факторы могут объединяться, действуя в одном направлении. Если силы их разнонаправлены, образуется некая средняя или один из факторов оказывается решающим. Для литературного языка немаловажное значение имеют также индивидуальные особенности стиля автора: стремление варьировать структуру фразы, желание избежать скучного однообразия прямого порядка слов, в случае если он является к тому же нормативно закрепленным, как это имеет место, например, для французского языка.

В этом языке прямой порядок слов начиная с XVII в. считался единственно возможным и даже обязательным. Разумеется, в этом есть известное преувеличение, но, как бы то ни было, взгляд этот сохраняется вплоть до нашего времени. Так, его разделял В. Вартбург, который писал: «Все знают, что структура французской фразы и в особенности порядок слов являются неизблемыми. . . Французский язык не может нарушить этот закон, который требует, чтобы подлежащее предшествовало глаголу, а дополнение следовало за ним». ⁵ Однако достаточно самого беглого взгляда на

³ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

⁴ О месте подлежащего в предложении см.: *Le Bidois R. L'Inversion du sujet dans la langue littéraire française contemporaine (1900—1950), étudiée plus spécialement dans l'oeuvre de Marcel Proust.* Paris, 1952.

⁵ Wartburg W. v. *Evolution et structure de la langue française.* Berne, 1946, p. 221.

литературный текст, чтобы убедиться, что закон прямого порядка слов очень часто не соблюдается. Несомненно, наиболее простым, наиболее частым и наименее экспрессивным является именно прямой порядок. Он особенно удобен для короткой фразы, члены которой не слишком распространены. Впрочем, краткость фразы еще отнюдь не определяет необходимости придерживаться прямого порядка слов, который был зафиксирован как обязательный в XVII в. и составил затем отличительную черту французского синтаксиса.

Французские лингвисты, даже нашего времени, хотят видеть в прямом порядке слов особую логичность,⁶ ясность,⁷ свойственную именно французскому языку и отличающую его от других романских языков.

Впрочем, подчиняя свою речь установленной норме, не все филологи и писатели делали это с большой охотой. Время от времени раздавались критические голоса, оценивавшие обязательность прямого порядка слов не как достоинство французского языка, а скорее как его недостаток. Стоит вспомнить письмо, обращенное в конце XVII в. к Французской Академии талантливым и смелым писателем и филологом Фенелоном, который писал в нем о скучной монотонности французской фразы, в которой неизменно соблюдается прямой порядок слов, нарушение которого считается ни в коем случае недопустимым и непростительным.

Прямой порядок слов, отражающий лишь чисто логические связи между словами предложения, игнорирующий требования мелодики речи, а также не принимающий во внимание субъективный момент, неизбежно в ней присутствующий и выражающийся в отношении говорящего субъекта к предмету высказывания, которое может быть более или менее сильно окрашено эмоционально, игнорирующий коммуникативную цель высказывания, — такой порядок слов оказывается недостаточным при построении содержательной и выразительной речи.

При размещении слов в предложении говорящий неизбежно стремится руководствоваться не только грамматической нормой, но и желанием точно и ясно передать свою мысль, связать ее с предыдущей и последующей, стремлением к тому, чтобы информация была правильно понята адресатом, схвачена им во всех ее логических и экспрессивно-эмоциональных оттенках.

Для того чтобы полностью обрисовать все особенности слово-расположения французской фразы, необходимо изучить влияние каждого из упомянутых выше факторов, проявляющееся в любом тексте.

⁶ Brunot F., Bruneau Ch. Précis de grammaire historique de la langue française. Paris, 1949, p. 497.

⁷ Fischer M., Hacquard G. A la découverte de la grammaire française. Paris, 1959, p. 496. Доза А. История французского языка. М., 1956, с. 344.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОРЯДКА СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Грамматическое, нормативное, значение порядка слов проявляется в определении синтаксической роли некоторых членов предложения, связанной с их позицией в предложении, и в определении типа предложения как повествовательного, вопросительного, восклицательного и т. д.

Посредством порядка слов в отдельно взятом предложении выражаются отношения синтаксической зависимости между словами. Связывая слова между собой, порядок слов в то же время указывает на содержание этой связи. В результате каждый член предложения получает определенное, фиксированное грамматической нормой место в предложении (хотя под влиянием других факторов это место может изменяться!).

Прямой порядок [подлежащее — (его определение) → сказуемое — (его определение) → дополнение (прямое) — (его определение) → дополнение (косвенное) — (его определение)] как общий синтаксический закон предполагает следование ему каждой синтаксической группой предложения.

Однако именно здесь нарушение закона прямого порядка проявляется в первую очередь, и происходит это в силу несовпадения линейного характера речи и логических связей между членами высказывания (членами предложения).

Не случайно Ш. Балли заметил, что «французское предложение, несмотря на тенденцию к прогрессивной последовательности слов, остается гибким, капризным, готовым принять любые исключения, способным передавать тонкие оттенки смысла».⁸

Несмотря на общую тенденцию к сохранению единства синтаксической группы, все чаще наблюдаются случаи ее расчленения другими членами предложения:

Les deux dans le souvenir sont devenus inséparables. (Stil)

Germaine aperçut entre les branches, loin, une minuscule lueur vacillante qui pouvait être le briquet de son mari. (Calef)

Claire avait réussi, après d' autres essais, heureux ou décevants, à affirmer une certaine maîtrise et la marque d' une personnalité dans le choix et la finesse des émaux. (Bruzeau)

Et ils atteignaient une petite place aux pavés ronds, avec, dans son centre, une délicate fontaine Renaissance. (Simenon)

Причины, обуславливающие возможность расчленения синтаксической группы, оказываются самого различного характера — это требование смыслового или эмоционального выделения (коммуникативное членение, эмоционально-экспрессивный характер высказывания), иногда стремление к сохранению ритмико-мелодического равновесия предложения.

Расположение определенных членов французского предложения может быть связано с тем, какой частью речи они выражены.

⁸ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка, с. 228.

Так, когда прямое и косвенное дополнения выражены существительным, они располагаются (в эмоционально нейтральном предложении, и если они не должны служить средством связи внутри сверхфразового единства) позади сказуемого.

Bellefroy tourna lentement son regard vers Clairon. (Jouglet)

Если же дополнения выражены местоимениями, их место иное: будучи неударными, они ставятся перед сказуемым:

Maria prend des cigarettes dans sa poche. Elle en prend une et la lui tend. (Duras)

Для простого повествовательного предложения характерна постпозиция глагола-сказуемого по отношению к подлежащему. Обратный порядок слов имеет грамматическое значение, определяя вопросительные, восклицательные, вводные и из придаточных — условно-уступительные предложения. Для этих типов предложений обратный порядок является нормативно фиксированным.

Вопросительные предложения. Литературная норма французского языка требует инверсии подлежащего (постановки его позади сказуемого) в некоторых типах общевопросительных и частновопросительных предложений, например, если подлежащее выражено личным местоимением или неопределенно-личным *on*:

Pouvez-vous me dire la façon dont ce papier est tombé entre vos mains? (Benoît)

Sait-on cependant jamais ce qu'il peut advenir au milieu de ces louches affaires? (Benoît)

В частновопросительных предложениях, в которых вопросительное слово стоит на первом месте и при безличном глаголе: *Pourquoi aurait-il senti le besoin de ricaner sur mon passage si ce n'est qu'il est au courant de tout?* (Anouilh)

Quel dérivatif cherche-t-il? A quelles idées noires veut-il donc se soustraire? (Benoît)

D'où viens-tu, mon petit bonhomme? (Saint-Exupéry)

Cela vous ennuirait-il que nous allions prendre une minute de repos? (Benoît)

Вопрос может также выражаться при помощи специальных вопросительных формул *est-ce que*, *n'est-ce pas*, фамильярного оборота *c'est que* при сохранении прямого порядка слов, вопросительных частиц *si* и *ti*.

Однако в наше время, в сущности, инверсия подлежащего уже перестала или перестает быть релевантным признаком вопросительного предложения. Все чаще и в устной, и в письменной речи вопросительное предложение сохраняет прямой порядок слов повествовательного предложения. Единственным внешним показателем вопроса служит интонация подъема в устной речи, вопросительный знак — в письменной.

Tu viens donc d'une autre planète? (Saint-Exupéry)

Ta mère n'aurait pas voulu pour son fils, d'une princesse? (Salacrou)

L'accusateur public est mort? Et alors tout est arrangé, le grand-père est sauvé? (Salacrou)

Vous allez loin? demanda-t-il. Vous voulez me rendre service?
(Giono)

Некоторые лингвисты высказывали предположение, что вопросительные конструкции с прямым порядком слов возможны лишь в случае ожидания утвердительного ответа.⁹ Это наблюдение неточно. Прямой порядок возможен и при отрицательном ответе:

- Comment? Vous le saviez?
- Je ne le savais pas. (Maurois)
- Vous avez peur de moi, Phoebé?
- Non, c'est de moi que j'ai peur. (Green)

Впрочем, получение отрицательного ответа еще не свидетельствует о том, что ожидался именно отрицательный ответ. Говорящий мог ожидать и положительный ответ.

Дамурет и Пишон объясняют причины перехода к прямому порядку слов в общевопросительных предложениях. Согласно их утверждению, в конструкциях с инверсией подлежащего (тип: venez-vous?) имеет место расхождение между смысловой и интонационной структурой предложения: в сильном конечном положении оказывается местоимение, тогда как вопрос касается глагола. Прямой порядок в вопросе разрешает это противоречие:¹⁰

Robert vous a chargé pour moi d'un message? (Maurois)

Nestor serait parti avec ce livre? (Gamarra)

Отчетливо разговорное происхождение имеют частновопросительные конструкции, в которых вопросительное слово не начинает, а заканчивает предложение, оказываясь тем самым во фразе в сильном (ударном) положении:

Mais je lui dirai d'aller où? (Romains)

Ils sont là depuis quand? (Romains)

On fait comment? (Giono)

Et le bateau était fait pour combien? (Courtade)

В конструкциях такого типа имеет место совпадение интонационного и смыслового построения.

Интересно отметить, что в то время как прямой порядок слов французского предложения все чаще нарушается, ибо он стесняет свободу коммуникативного членения, а следовательно, снижает выразительность речи, в вопросительных предложениях все больше закрепляется именно прямой порядок — в ущерб инверсии, которая служила нормативным знаком вопроса.

В тех случаях, когда подлежащим вопросительной фразы является существительное или любое местоимение, кроме *оп* и *се*, сохраняется так называемая сложная инверсия:

⁹ Brunot F. La pensée et la langue. Paris, 1936, p. 484.

¹⁰ См. исследование М. К. Сабаневой, которая показывает, что на современном этапе развития языка общевопросительные конструкции с прямым порядком слов возможны как при подлежащем-местоимении, так и при подлежащем-существительном (Сабанева М. К. Структурные и стилистические условия построения вопросительных предложений в современном французском языке. — В кн.: Методы сравнительно-сопоставительного изучения романских языков. М., 1966).

Un bagnard, reproche-t-il à un autre bagnard d'être bagnard? (Salacrou)

Frédéric: *M-elle Diane est-elle descendue?* (Anouilh)

Восклицательные предложения. Релевантным признаком восклицательного предложения нормативно является инвертированный порядок следования подлежащего и сказуемого:

Que ne peut-on obtenir de la vanité des gens! (Benoît)

Combien de fois ai-je entendu cette reflexion! (Bazin)

Помимо инвертированного порядка слов, в восклицательных предложениях, как правило, употребляются специальные структурные компоненты, типа: *que, ce que, qu'est-ce que* и т. п.¹¹

Ce que c'est, la vie! (Clavel)

Наиболее распространены восклицательные предложения, вводимые словами *combien, comme, quel, comment, que*, которые выражают высокую степень качественной или количественной оценки.

Ah! quelles merveilleuses plaidoiries l'Europe va lire! (Humanité)

В современном языке восклицательные предложения, как правило, стремятся к сохранению прямого порядка слов. И здесь, как и в вопросительных предложениях, инверсия перестает быть релевантным признаком:

C'est une folle, oui! (Anouilh)

J'étais ici, moi, avec vous! J'ai un témoin! Si on a parlé, ça sera les autres, ça ne sera pas moi! J'ai un témoin, moi! (Anouilh)

Вводные предложения. Выполняя грамматическую функцию, инверсия подлежащего характеризует вводные предложения:

Savez-vous comment on vous appelle dans le pays? grommelait-il. «Le moine-soldat». (Gary)

При глаголах суждения, высказываемого от первого лица, впрочем, инверсии может не быть:

Seuls, je pense, les fumeurs peuvent s'attabler là sans être incommodés. (Benoît)

В разговорной речи фамильярного типа вводные предложения сохраняют прямой порядок, но начинаются с частицы *que*, которая сигнализирует начало нового (вводного) предложения:

J'ai fait les comptes, qu'il disait. (Romains)

Условно-уступительные предложения. Обратный порядок слов наряду с формами субъюнктива (или кондиционала) является обычным для этого типа предложений:

Eût-elle dû y trouver la mort, qu'elle n'aurait pas reculé. (Lafitte)

Впрочем, сам этот тип предложений имеет весьма ограниченное употребление и принадлежат они исключительно литературной письменной речи.

¹¹ См. подробнее: Шигарева Н. А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. Л., 1970.

РИТМИКО-ИНТОНАЦИОННЫЙ ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ПОРЯДОК СЛОВ

Порядок слов в значительной мере зависит от ритмико-мелодического рисунка предложения. Некоторые романисты начала XX в. рассматривали ритмико-мелодический фактор как основной при определении порядка слов каждого данного предложения.¹²

Того же взгляда придерживался О. Бегагель,¹³ формулировавший ритмические законы на материале немецкого языка, как 1) продвижение неударных слов к началу предложения, 2) постепенное возрастание объема членов предложения и 3) чередование сильно и слабо ударенных слогов.

Два первых закона приложимы к французскому языку. Ему также свойственно продвижение в начало неударных слов и постановка более объемных синтаксических групп после менее объемных.

Размер групп подлежащего и сказуемого может диктовать их взаиморасположение в нарушение правила прямого порядка и в соответствии с требованиями коммуникативного членения. Когда сказуемое состоит из одного глагола, то, находясь в конце предложения, такое сказуемое получает очень сильное ударение, что возможно только в том случае, если сказуемое представляет собой рему, и если эту рему желательно очень сильно подчеркнуть. После такого сказуемого создается сильная ритмическая пауза. Если это построение не вызвано созданием требуемой смыслом предложения экспрессии, фраза рассматривается как нежелательное нарушение мелодического рисунка. Существует даже специальный стилистический термин «*phrase boiteuse*». Отсюда подлежащее, к которому непосредственно относится придаточное предложение, предпочтительно располагается в инверсии; как правило, хотя это и не обязательно, в таких предложениях первое место занимают обстоятельство, именная часть сказуемого или косвенное дополнение, так что глагол оказывается на своем «законном» втором месте:

Plus digne d'être relevé est le fait que la femme jouissait dans les temps crétois d'une liberté et d'une considération bien supérieures à celles de la femme grecque au Ve siècle. (Bonnard)

A ces deux guerriers s'est joint le vieillard qui éleva l'enfance d'Achille, le touchant Phénix, qui lui fait entendre la parole et comme l'appel insistant de son père. (Bonnard)

A cette minute, l'obsédait seul le souvenir du dernier voyage qu'il fit à Bordeaux avec Mathilde. . . (Mauriac)

¹² Richter E. Zur Entwicklung der romanischen Wortstellung aus der Lateinischen. Halle, 1903; Ettmayer K. Analytische Syntax der französischen Sprache mit besonderer Berücksichtigung des Altfranzösischen. Halle, 1930, Bd I.

¹³ Behagel O. Deutsche Syntax. Heidelberg, 1932, Bd IV.

Enfin *éclata* le scandale vite étouffé grâce au proviseur, aux Lachassaigne, aux Coustous, et dont Mathilde ne sut jamais rien, sinon que la police y mit le nez et qu'il fallait montrer beaucoup de gratitude aux Lachassaigne de ce qu'ils avaient pu embarquer Jean pour le Sénégal où les Coustous ont des comptoirs. (Mauriac)

L'ensemble était une fugue géométrique irrégulière, une ligne brisée avec une tache noire à chaque angle.

Le premier point représentait le conseiller de police von Sternberg, tué dans sa cabine. *Venait* ensuite Ernst Ericksen, qui existait malgré tout en chair et en os. . . (Simenon)

Стоящие в начале предложений косвенное дополнение и обстоятельство служат в приведенных выше примерах средством связи данных предложений с предыдущим контекстом, а подлежащее представляет собой рему сообщения. Постановка его в конце предложения сохраняет в то же время плавность мелодической линии последнего.

Таким образом, в подобных случаях требования коммуникативного членения, необходимость цементирования сверхфразового единства путем постановки в начале предложения связующего звена и стремление к сохранению мелодико-ритмического равновесия фразы действуют в одном направлении.

Постановка в конец предложения сказуемого, состоящего из одного глагола, при распространенной группе подлежащего используется в стилистических целях для максимально сильного смыслового выделения сказуемого:

Et le pilier massif, sur eux d'un coup, *croula*. (Rolland)

Et dans le même instant, le gros pilier auquel ils étaient adossés *remua*; et, jusque sa base, l'église entière *trembla*. (Rolland)¹⁴

De la pièce voisine la voix aiguë de madame Gorzone leur *parvint*. (Roblès)

В подобных структурах ритмический фактор уступает требованиям коммуникативного членения, в угоду которому нарушается мелодическая линия, но зато сильно выделяется в смысловом отношении сказуемое, являющееся ремой.

Размер группы играет роль также при расстановке прямого и косвенного дополнений, когда они встречаются в одном предложении. Согласно грамматической норме французского языка, прямое дополнение должно предшествовать косвенному.

Но если группа прямого дополнения значительно объемнее группы косвенного, последняя ставится впереди:

Le barman désigne *de l'index* un point situé derrière le dos de Gomez. (Sartre)

Marguerite sentait *sur elle* ses yeux inquiétants, trop grands, trop pâles. (Stil)

В конечном положении прямое дополнение находится в сильной позиции и служит ремой.

¹⁴ Примеры заимствованы из статьи Т. А. Абросимовой «Смысловая функция порядка слов в современном французском языке» (Учен. зап. Ин-та им. Герцена, Л., 1964, № 241).

Грамматическая норма французского языка, устанавливающая прямой и фиксированный порядок слов как обязательную черту его синтаксиса, в известной и даже, может быть, в довольно значительной мере препятствует выражению коммуникативного членения при помощи перемещения ремы на сильное место предложения. Напоминаем, что сильным местом французского предложения является последнее место, так что если речью оказывается сказуемое или дополнение, то коммуникативный порядок слов может полностью соответствовать грамматическому порядку, который отводит подлежащему первое место предложения, а сказуемому или дополнению (если таковое имеется) — последнее.

В языках аналитического строя с фиксированным порядком слов коммуникативное членение может выражаться другими языковыми средствами, прежде всего интонацией, паузами в устной речи, — специальными синтаксическими конструкциями.

Но европейских языков, в отношении которых можно было бы говорить о чисто аналитическом или синтетическом строе, видимо, не существует. И когда романские языки называют языками аналитического строя, то, в сущности, имеют в виду наличие в них многочисленных черт анализа, сосуществующих в них с элементами синтеза. А когда говорят о твердом и прямом порядке слов во французском языке как о его грамматической норме, то никто не думает, что эта норма никогда не нарушается, ибо она лишь относительно устойчива. Разумеется, в предложениях экспрессивно нейтральных, в которых лишь констатируется некий реально наблюдаемый факт действительности, в предложениях, которые не предполагают ни сообщения собеседнику или читателю чего-то особо важного или нового, ни выражения личного отношения говорящего субъекта к факту, им сообщаемому, порядок слов будет отвечать грамматическому порядку, т. е. будет совпадать с ходом логического развертывания мысли: сперва будет выражен предмет речи, за этим последует некое о нем сообщение. Действительно, нетрудно себе представить, что в более или менее объемном отрезке речи (или текста), содержащем описание какой-либо ситуации, описание ландшафта, описание устройства какого-либо объекта, именно такой порядок слов окажется уместным. Но как только на сцене появляется субъект речи с его отношением к содержанию сообщаемого, как только речь оказывается адресованной слушателю, на которого она должна произвести определенное впечатление, может быть, убедить его в чем-нибудь, вступает в силу коммуникативное членение, разделяющее все сообщение на тему и ремю с зависящими от них членами высказывания.

И именно потребностью выражения коммуникативного членения, не совпадающего с грамматическим членением, объясняются нарушения фиксированного прямого нормативного порядка слов. Ибо отношения между грамматическим членением и коммуникативным членением далеко не постоянны. Всякий член пред-

ложение является носителем двух значений: грамматического и коммуникативного, и порядок слов, как выразитель последнего, зависит от того, каким элементом коммуникативного членения является данный грамматический член предложения, входит он в тему или в рему.

Любой член предложения может входить как в тему (включая в это понятие «ситуативные элементы» темы), так и в рему, т. е. в ядро сообщения, которое, в свою очередь, может сопровождаться непосредственно от него зависящими элементами, хотя и не являющимися основной целью сообщения, но обладающими различной степенью коммуникативного динамизма, т. е. способности продвигать сообщение.

Под «ситуативными» элементами темы понимаются условия, в которых протекает сообщаемое и на фоне которых оно развивается. Чаще всего ситуативные элементы выражены обстоятельствами или косвенными дополнениями, хотя, разумеется, и эти члены грамматической структуры предложения могут в других случаях относиться к реме.

Рассмотрим порядок расположения членов грамматической структуры предложения, когда они выполняют различные коммуникативные функции, входя в тему или в рему.

Члены предложения в составе темы и место, ими занимаемое.

П о д л е ж а щ е е.

В тех случаях, когда подлежащее входит в тему сообщения, оно стоит в начале предложения, т. е. занимает ту синтаксическую позицию, которая полагается ему в соответствии с нормой прямого порядка слов. В этом случае грамматическое членение совпадает с коммуникативным; предложение экспрессивно нейтрально и сообщает тексту описательный характер:

L'idée monte en lui, comme un orage. Elle écrase toute sa raison. Elle fait mal. (Giono)

Грамматическими сигналами отнесенности подлежащего к теме служат определенный артикль при существительном, притяжательные и указательные прилагательные (хотя, конечно, не во всех своих употреблениях, а только в анафорическом), наконец, выражение его прилагательным личным местоимением.

Определенный артикль в индивидуализирующей функции связывает существительное с ситуацией речи, превращает его в отправной пункт сообщения, делает его «известным» (если не обоим участникам речи, то, во всяком случае, говорящему), а следовательно, исключает возможность его вхождения в рему:

Les violons du bal mirent fin au long repas, et rien qu'à les entendre les deux garçons frémirent comme des chevaux neufs. Le cadet, un peu gris, resta. Mais l'aîné, à bout d'efforts, disparut. (Collette)

Во всех приведенных предложениях подлежащее входит в тему и существительные сопровождаются индивидуализирующим артиклем, включающим их в ситуацию речи.

Такую же функцию индивидуализации выполняют притяжательные и указательные прилагательные, которые так же служат признаком того, что определяемое ими существительное представляет собой тему:

L'hôpital se trouvait un peu en dehors de la ville, au milieu des arbres où chantaient des oiseaux. Ces notes joyeuses serrèrent le coeur à Wilfrid. (Green)

Il y a trois chambres dans notre maison; celle de mon grand'père, celle de ma grand'mère, celle des «enfants». Dans *ma* chambre on a mis un lit de jeune fille. (Sartre)

Сигналом подлежащего-темы служат также личные, указательные и притяжательные местоимения. Они не могут входить в рему, ибо лишены денотативной функции и не имеют конкретного содержания вне контекста или речевой ситуации, а зависят от предыдущего контекста.

Le puits que nous avons atteint ne ressemblait pas aux puits sahariens. Les puits sahariens sont de simples trous creusés dans le sable. *Celui-là* ressemblait à un puits de village. (Saint-Exupéry)

J'aurais dû ne pas l'écouter, me confia-t-il un jour, il ne faut jamais écouter les fleurs. Il faut les regarder et les respirer. *La mienne* enbaumait ma planète, mais je ne savais pas m'en réjouir. (Saint-Exupéry)

В подобных случаях значение местоимений может быть раскрыто только из контекста, а следовательно, за ними кроется что-то уже известное, входящее в тему.

Состав темы не обязательно ограничивается одним существительным. Оно сохраняет за собой функцию центрального элемента темы, окружающие его дополнения и обстоятельства образуют ее «ситуативный элемент». Последний, выраженный обстоятельством, как правило, начинает предложение, ибо он выполняет еще одну функцию — служит средством связи с предыдущим предложением в рамках сверхфразового единства.

Après le dîner Gilbert gagna sa chambre. (Cabanis)

Ситуативный элемент может заканчивать группу темы. Выражая в таком положении обстоятельство, он, в то же время, относится к подлежащему в значении, приближающемся к определению:

Delcos dans la cuisine écoutait la radio anglaise. (Cabanis)

Les Italiens en Grèce prenaient une bonne frottée. (Cabanis)

Выбор порядка подлежащее—обстоятельство—сказуемое диктуется различными соображениями: связью между подлежащим и обстоятельством, стремлением сохранить определенный ритмический кадавс предложения, различной степенью коммуникативной значимости составных элементов темы.

Прямое дополнение. Нормальное место прямого дополнения, выраженного существительным, после глагола — грамматически значимо. Не имея формальных морфологических показателей выполняемой им в предложении синтаксической функции (современному французскому языку неизвестно склонение

ние существительных), существительное определяется как подлежащее или как прямое дополнение только по своему положению во фразе относительно сказуемого. Подлежащее нормативно предшествует глаголу, прямое дополнение, выраженное существительным, следует за глаголом. (Косвенное дополнение сопровождается предлогом). Если прямое дополнение выражено местоимением, его нормативное место — перед сказуемым (между подлежащим и сказуемым). Прямое дополнение-местоимение непременно является элементом темы: без предыдущего контекста было бы непонятно, что за ним кроется.

Je regardais les bottes rangées dans un coin près du buffet. Elles devaient être sèches. Il *les* mettrait tout à l'heure pour marcher dans la neige, dans le parc du château. (Courtade)

Прямое дополнение-существительное тоже может входить в состав темы. Это наиболее отчетливо проявляется в случаях наличия этого существительного в предыдущем предложении.

Elle . . . fit glisser les glaçons dans *les verres*. Dominique posa *les verres* sur la table. (Gyleroi)

Чаще роль прямого дополнения как элемента темы подчеркивается приемом сегментации предложения. Дополнение-тема выносится вперед и повторяется затем местоимением:

L'amour, on ne *le* dispute pas. Il est. (Saint-Exupéry)

Ce conseil, Jeannette était résolue à ne *le* suivre qu'à moitié. (Dabit)

Cette planète, nous l'avons crue humide et tendre. (Saint-Exupéry)

Такое вынесение дополнения на первое место с последующим его повторением местоимением носит в грамматике название «репризы».

Возможна и другая конструкция — «антиципация», преследующая ту же цель подчеркивания темы. В этом случае прямое дополнение сперва появляется в виде местоимения, а затем уже следует само существительное:

Je *le* revois *cet appartement* à l'angle de l'avenue et d'une petite rue calme, comme si j'y étais. (Bruzeau)

La preuve. Je *la* tiens, *la preuve*. (Aragon)

Je *le* sconnais bien, *ce pied-de-biche*. (Bazin)

Обе структуры — реприза и антиципация — служат выделению темы, но носят различный стилистический характер. Первая имеет характер экспрессивно нейтральный. Вторая отчетливо эмоциональная, предполагает сильное ударение на существительном.

Обе структуры возникли, по-видимому, в силу того, что простому перемещению существительного в роли прямого дополнения препятствует грамматическая функция занимаемого им в предложении места. При репризе, как и при антиципации, роль существительного как члена предложения всякий раз подтверждается местоимением.

При репризе существительное стоит в начале, как бы выры-

ваясь вперед, так как психологически оно занимает ведущее место в предложении. При антиципации оно стоит на интонационно сильном месте предложения.

Косвенное дополнение является его положением в предложении после глагола или после прямого дополнения, если таковое имеется. Но очень часто можно видеть косвенное дополнение на первом месте предложения,¹⁵ иногда перед прямым дополнением.

Косвенное дополнение нормально стремится занять начальное положение — положение темы — если оно обозначает лицо или предмет, известные из контекста, связанные с данной ситуацией, не представляющие ничего ни нового, ни неожиданного:

Le souvenir de Juliette reprit Gilbert. *Avec Juliette* il avait maintenant son pain quotidien. (Cabanis)

Nos moyens ne nous permettaient pas d'introduire une grande variété dans nos menus.

Pour mon père et pour moi, j'achetais des filets de hareng et du gros pain. (Troyat)

Косвенное дополнение, в обоих случаях входя в состав темы, выполняет одновременно функцию связующего звена между компонентами сверхфразового единства.

Принадлежность косвенного дополнения к теме, как правило, подтверждается наличием в предложении местоимения, определенного артикля, притяжательного или указательного прилагательных.

La mère s'était promis de ne pas aller au carrefour. *Pour elle*, l'attente eût été bien plus pénible encore. (Clavel)

A *notre* dialogue se mêlaient les voix d'Agadir, de Casablanca. (Saint-Exupéry)

Chez *le* commissaire, la fille l'avait chargé. (Carco)

Косвенное дополнение в начале предложения может входить в состав темы, наряду с другими членами предложения, или быть единственным ее элементом.

Ils se sont battus contre les gouvernements et les hommes que le monde, aujourd'hui, regarde avec dédain. *Avec eux* se dégage maintenant *le visage de la véritable France*. (Laffitte)

Il entra et s'arrêta sur le seuil. Jacques baissait les yeux. L'abbé s'approcha, et lui pinça l'oreille. «C'est du joli», — fit-il. Mais l'aspect buté de l'enfant lui fit aussitôt changer de manière. *Avec Jacques* il agissait toujours prudemment. (Du Gard)

Относясь к теме, косвенное дополнение часто помещается между подлежащим и сказуемым или между глаголом и его прямым дополнением.

La théorie, *chez lui*, est indissociable d'une large et méthodique praxis. (Curtis)

¹⁵ Ср.: *Blinkenberg A.* Op. cit., p. 168; *Georgin R.* Comment s'exprimer en français. Paris, 1969; *Müller-Hauser M.-L.* La mise en relief d'une idée en français moderne. Genève. 1943; и др.

Il leva sur elle un regard chargé de lassitude et de mépris. (Troyat)

В последнем случае такому расположению членов предложения способствует относительно большой объем прямого дополнения.

Косвенное дополнение относительно легко располагается в разных местах предложения, уступая требованиям как коммуникативного членения, так и представляя связующее звено между компонентами сверхфразового единства или в ответ на требование соблюдения ритмико-интонационного рисунка предложения, т. е. в зависимости от объема синтаксических групп. Но все же косвенное дополнение, относящееся к теме, располагается по преимуществу в начале фразы.

Обстоятельства (места и времени). В отдельном предложении нейтральной стилистической окраски обстоятельства имеют свое фиксированное место — позади сказуемого, к которому они непосредственно относятся, или позади дополнения, если оно имеется в предложении. Некоторые исследователи высказывали предположение, что обстоятельство во французской фразе не имеет точно определенного места. Это мнение основывалось на том, что на практике — как в устной, так и в письменной речи — обстоятельства очень часто находятся в дистантном положении по отношению к сказуемому, то следуя за ним, то предшествуя ему.¹⁶ Однако никакое перемещение обстоятельства, или отрыв от сказуемого не происходят без достаточного к тому основания, просто по прихоти говорящего. В большинстве случаев это происходит под влиянием коммуникативного членения,¹⁷ зависит от того, в какую часть сообщения обстоятельство входит — в тему или в рему.

Обстоятельство времени или места, начинающее предложение, служит прежде всего средством связи его с предыдущим предложением или с более широким контекстом, затем оно входит в тему, выполняя роль ее ситуационного элемента:

Au-delà, se dressait, à gauche et à droite de la route, une muraille sombre de forêt. (Mauriac)

В приведенном примере рема-подлежащее занимает сильное конечное положение, тогда как обстоятельство *au-delà* входит в состав темы и, начиная предложение, связывает его с предшествующим.

Dans la période qui nous occupe la séparation des fosses existait et la préfecture y tenait beaucoup. Au fond de chacune d'elles, une grosse épaisseur de chaux vive fumait et bouillonnait. (Camus)

В обоих приведенных предложениях ситуативный элемент темы, определяя время и место совершения событий, служит отправным пунктом сообщения. В этой роли обстоятельство может, как и косвенное дополнение, выступать в связи с другими элементами темы или же быть единственным:

¹⁶ Ср.: *Абросимова Т. А.* О месте обстоятельства во французском языке. — В кн.: Структура предложения и лексико-грамматические отношения. Л., 1972, с. 105.

¹⁷ Ср.: *Blinkenberg А.* Op. cit., I, p. 208.

Elle était meublée de chaises et de chevalets en forme de X. Deux d'entre eux au centre, supportaient une bière. *Près de la bière*, il y avait une infirmière en sarrau blanc, foulard de couleur vive sur la tête. (Camus)

Обстоятельство в начальном положении оказывается существенным представителем тематической группы в случаях, когда подлежащее, являющееся ремой, перемещается в сильное конечное положение:

Soudain, Fisquet releva la tête. *D'entre ses paupières plissées* jaillit un regard clair, aigu, telle une lame. (Troizat)

Очень свойственна обстоятельству роль «интродуктора» темы-подлежащего. При этом существительное, как правило, следуя за начинающим фразу обстоятельством, сопровождается «сигналами» темы: определенным артиклем, указательным и притяжательным прилагательным и т. д., если оно не является именем собственным:

En un mois tout Paris sut, sans avoir lu, qu'il était inutile de lire. *Aux devantures des librairies*, les belles couvertures jaunes devinrent citron pâle, puis noircirent lentement. (Maurois)

Pendant ce temps Maigret allait et venait, impatient, de mauvais poil. (Simenon)

В начальном положении обстоятельство может входить в состав темы вместе со сказуемым, в то время как подлежащее находится в сильном конечном положении ремы:

J'ai ouvert le sac brodé en forme de coussin qui orne la tête du lit. *A l'intérieur* se trouvait la chemise soigneusement pliée. (Gamarra)

Когда подлежащее-тема начинает предложение, связи обстоятельства места или времени со сказуемым ослабляются и возникает новое, атрибутивное отношение между ним и существительным-темой:

L'hôtel Palermo, *sur la plage*, tout noir, ressemblait à un grand paquebot échoué. (Roblès)

La plage *à quatre heures de l'après-midi* était couverte de corps bronzés, de shorts, de maillots et de peignoirs multicolores. (Simenon).

Хотя по норме обстоятельство как будто должно было бы стоять позади прямого дополнения, если это прямое дополнение состоит из нескольких слов, то обстоятельство, осуществляя закон возрастающих членов, помещается перед ним во избежание нарушения ритмико-мелодического равновесия фразы:

Elle posa *sur la table* une bouteille de vieux marc, des boîtes de pâtés, du tabac, de chaussettes de laine. (Beauvoir)

Ситуативное обстоятельство, входящее в тему вместе со сказуемым, занимает конечное положение фразы, если тема-подлежащее начинает предложение, что имеет место при «субъективном» порядке следования членов коммуникативного членения:

Je me suis avancé jusqu'au seuil du jardin. Un poste à transistor était posé *sur le banc*. Un journal froissé gisait *au pied du palmier*. (Gamarra)

Сказуемое. Независимо от того, встать ли на точку зрения Л. Теньера¹⁸ и признать сказуемое главенствующим членом предложения, от которого зависят все остальные (в том числе и подлежащее), или разделить мнение тех исследователей, которые считают, что в грамматическом структурировании предложения сказуемое и подлежащее равноценны,¹⁹ приходится согласиться, что с позиций коммуникативного членения эти два члена предложения не могут быть равноценными в рамках одного предложения, но что каждый из них может быть в нем либо темой, либо ремой, так же как и всякий другой самостоятельный член предложения, в зависимости от того, чем передается ядро сообщения, а что является основанием для сообщения.

Так, в следующем примере (третья фраза) ремой служит прямое дополнение, а глагол-сказуемое *j'ai vu*, предваренное глаголом *regarder* — *j'ai bien regardé*, — служит темой:

J'ai bien frotté mes yeux. J'ai bien regardé. Et j'ai vu un petit bonhomme tout à fait extraordinaire qui me considérait gravement. (Saint-Exupéry)

В более или менее затруднительных случаях, когда не сразу становится ясным, какой член предложения служит в нем ремой, бывает достаточно поставить вопрос к предложению. Ко всякому предложению может быть поставлен только один спонтанный вопрос, ибо он всегда относится к реме, а рема — одна. Тема входит в вопрос.

Вопрос к рассматриваемому предложению звучал бы: *Qu'est-ce que j'ai vu?* — ответ (рема): *un petit bonhomme . . .*

Mon dessin ne représentait pas un chapeau. Il représentait un serpent boa qui digérait un éléphant. (Saint-Exupéry)

В этом случае, помимо возможного вопроса, тема, представленная сказуемым, подчеркнута повторением глагола предыдущего предложения, т. е. уже известного, уже включенного в данную ситуацию.

Примером предложений, в которых глагол представляет собой тему, а подлежащее — реме, могут служить сценические ремарки типа *Entre Pierre, Entre le professeur* и т. п. Глагол здесь не имеет большого значения и не может служить ядром сообщения. В ходе театрального действия естественно, что разные персонажи пьесы выходят на сцену, так что надо указать лишь, кто именно на ней появляется. Таким образом, центром сообщения является подлежащее. Согласно этому же рассуждению строятся любые предложения, в которых глагол имеет второстепенное значение по сравнению с подлежащим-ремой и представляет собой тему:

Suivirent quelques jours de détente, parce que le ciel s'était aussi relâché de son ardeur. (Mauriac)

¹⁸ Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959.

¹⁹ Адмони В. Г. *Введение в синтаксис немецкого языка*. Л., 1955.

Le condamné s'était fait du bourreau l'image d'un robot blême. *Se présente* un brave homme quelconque. (Saint-Exupéry)²⁰

Случаи помещения глагола в начале предложения (абсолютная инверсия) относительно редки. Они, как правило, возможны для глаголов, обозначающих передвижение и местопребывание. Практически, это глаголы *venir, arriver, rester, suivre, se présenter, entrer* и т. п.

Vinrent ensuite, l'un après l'autre, Mrs. Howard, Angus et Mr. Knight. (Green)

Сказуемое в таком положении оказывается единственным элементом темы.

Les bêtes disparaissaient. L'année qui suivit, il n'eut plus que le loulou de Mlle Dubloc et le calicot. L'hiver endeuilla Mlle Dubloc. *Resta* le basset. (Boulanger)

Le revolver avait roulé sur les pavés. On évitait d'y toucher. On le contemplait en silence. *Vint* un agent en uniforme. (Simenon)

Постаивка глаголов передвижения, в частности глагола *venir*, на первое место очень свойственна А. Сент-Экзюпери. Вообще частое употребление инверсии — особенность его литературного стиля, за что его упрекали некоторые французские критики и филологи. Так, Р. Ле Бидуа²¹ говорит о пристрастии, с его точки зрения отнюдь не похвальном, Сент-Экзюпери к постановке глагола *venir* в начало предложения. Он иллюстрирует свои критические замечания большим числом примеров из романа «Цитадель», которые он считает структурами «искусственными» и «вызывающими чувство досады», например: *Vint* celle-là qui se plaignait avec violence (с. 129); *Me vint* une lassitude extrême (с. 220) и мн. др. При этом Ле Бидуа замечает, что в большинстве примеров *venir* употреблено в переносном смысле, что, по его мнению, еще менее оправдывает инверсию. Это мнение Ле Бидуа вряд ли можно считать убедительным.

Во всех случаях подобной инверсии возникает конфликт между грамматической нормой, согласно которой подлежащее должно начинать повествовательное предложение, и требованием коммуникативного членения, выдвигающего в начало предложения малозначительное сказуемое, служащее темой, и ставящего на конце подлежащее-центр сообщения. Очевидно, именно этот конфликт привел к появлению в языке конструкций с безличным местоимением *il*, формально выполняющим роль подлежащего или, может быть, вернее, антиципирующим следующее за глаголом подлежащее-рему.

Mais *il vient* un moment, dans le poème, où le poète s'arrache à l'affection qu'il exprimait avec sincérité. (Bonnard)

Cependant *il me vint* le problème de la saveur des choses. (Saint-Exupéry)

²⁰ См.: *Le Bidois R. L'inversion du sujet dans la prose contemporaine* (1900—1950). Paris, 1952.

²¹ *Ibid.*, p. 428—431.

Природа и назначение этой безличной конструкции, получающей в наше время все большее и большее распространение, неоднократно служили романистам предметом обсуждения. Некоторые утверждали, что это — способ выделения сказуемого.²² Это мнение совершенно неубедительно. Большинство склоняется к тому, что целью подобных конструкций является выделение подлежащего.²³ Действительно, в этих случаях глагол предложения мало информативен, он служит неким безличным динамическим признаком ядра сообщения, сигнализирующим его появление:

Il tombe une pluie fine et très froide. (Laffitte)

Il s'établit de nouveaux contacts et de nouveaux échanges. (Romain)

Les cartes tombent sur le tapis de laine, en tournoyant. *Il tombe toujours d'autres cartes, les mains vont et viennent. (Sartre)*

В известной мере формальная роль глагола сказывается и в том, что он сохраняет форму единственного числа даже при существительном, стоящем во множественном числе. Отсутствие согласования свидетельствует о формальности структуры, о нарушении грамматических связей между глаголом и существительным, о превращении ее в нечто вроде штампа.

Члены предложения в составе ремы и место, ими занимаемое.

Так же, как любой грамматически самостоятельный член предложения может служить темой в рамках коммуникативного членения, любой может играть роль ремы. С этим связано его положение в предложении.

П о д л е ж а щ е е. Подлежащее, входя в состав ремы, перемещается на конец предложения и получает особую экспрессивность, во-первых, так как стоит в сильной конечной позиции, и, во-вторых, так как положение это для подлежащего необычно, а все необычное привлекает к себе особое внимание, ибо из-за необычности структуры в предложении создается особое «напряженное ожидание»:

Anne-Marie me fit asseoir en face d'elle, sur ma petite chaise; elle se pencha, baissa les paupières, s'endormit. De ce visage de statue sortit *une voix de plâtre. (Sartre)*

Как правило, в создании подобных структур действуют согласно две-три причины; в данном случае это: 1) коммуникативная необходимость выделить подлежащее как ядро сообщения; 2) стремление связать предложение с предыдущим в рамках сверхфразового единства, поместив второстепенный его член в начало предложения в качестве связующего звена. Средством подчеркивания ремы служит также не только постановка подлежащего в конец предложения, но и сопровождение существительного неопределенным артиклем, интонация.

²² Brunot F. La pensée et la langue, p. 290. Wartburg W. v., Zumthor P. Précis de syntaxe du français contemporain. Berne, 1947, p. 20.

²³ Blinkenberg A. Op. cit., I, p. 85; Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale, p. 43.

Существительное, входящее в рему, необязательно должно сопровождаться неопределенным артиклем, указывающим на то, что им обозначен какой-то новый объект речи, который прежде не упоминался. Ядром сообщения может быть известный ранее и говорящему, и слушающему предмет, который, однако, в данной ситуации появляется впервые:

Elle s'assit près de la fenêtre. Elle essuya la buée des vitres. Dans un cercle limpide apparut *la route* déserte, interminable. (Troyat)

Juste à ce moment est entré *mon deuxième* voisin de palier. (Camus)

Прямое дополнение. Прямое дополнение в своей нормативной позиции — позади глагола, — как правило, является ремой, даже если оно отделено от глагола другими членами предложения:

Lui aussi n'a qu'une chambre, avec une cuisine sans fenêtre. Au-dessus de son lit, il a *un ange en stuc blanc et rose, des photos de champions et deux ou trois clichés* de femmes nues. (Camus)

Devant eux se tenait, jambes croisées, un homme assez triste, en fin de carrière. Il tenait *un paquet* de pâtisserie sur les genoux. (Boulangier)

Denise entra dans la pièce et posa devant lui *un bol de café*. (Beauvoir)

Дистантное расположение прямого дополнения по отношению к глаголу часто мотивируется его значительным объемом, т. е. ритмико-мелодическими требованиями:

Il leva sur elle *un regard chargé de lassitude et de mépris*. (Troyat)

Etienne prit sur la table *une mince brochure à couverture saumon*. (Troyat)

Значительный разрыв между глаголом и прямым дополнением создает усиленное «напряжение ожидания», в результате чего дополнение получает особо сильное ударение:

Il posa sur Lucile qui sirotait un porto *un regard tendre*. (Dabit)

Je savais reconnaître, du premier coup d'oeil, *la Chaîne de l'Arizona*. (Saint-Exupéry)

Косвенное дополнение. Находясь на своем нормативно фиксированном месте, после сказуемого или после прямого дополнения, косвенное дополнение, как правило, входит вместе со сказуемым в рему, и попадает в конечное положение:

Il mangea là, à côté du feu, *avec Matelot*. (Giono)

В дистантном положении и на конце предложения косвенное дополнение оказывается наиболее сильно подчеркнутым элементом ремы.

Обстоятельства (времени и места). Конечное положение обстоятельства времени или места, отвечая норме прогрессивной последовательности, делает его с точки зрения коммуникативного членения ядром сообщения:

Ils allèrent s'asseoir *contre la fenêtre*. De là ils pouvaient voir le fleuve *en bas dessous, à la sortie du pont*. (Giono)

A l'heure où Raymond vient de retrouver sa femme, Michel, lui, avance à pas pressé: il est en retard. Il devrait être rentré *depuis longtemps*. (Laffitte)

В этом предложении обстоятельство служит не просто временной характеристикой действия, а несет на себе весь основной смысл сообщения.

Обстоятельства в конечном положении при глаголе бытия входят — грамматически — в сказуемое, коммуникативно — в ремю:

Tous les Français *sont là, autour de moi*. (Laffitte)

Il avait vu souvent ces camions-là, rouges et verts, traverser la ville en direction des grand'routes, et il n'avait jamais su où ils avaient leur port d'attache. *C'était là-bas, près du canal, rue Terrage*. (Simenon)

С к а з у е м о е. Сказуемое, следующее за подлежащим и полагающееся в конце предложения, служит ремой:

Simplement, il avait mal. Dans sa poitrine, son coeur *se serait*. (Green)

Elle regarda Denise. Sous les cheveux en désordre, son visage *était rouge de fièvre*. (Beauvoir)

Сказуемое может составлять ремю вместе со всеми зависящими от него членами предложения:

Beaucoup de femmes s'étaient perdues pour lui, à coup sûr pour que cette petite tête bien ronde se tournât vers elles et que cette jolie bouche leur sourit. A présent, tout cela *pourrissait dans une boîte, sous les calmes rayons de la lune*. (Green)

Если основная информация заключена в глаголе, сопутствующие члены предложения служат ее уточнению, расширению. Часто в этой роли выступают наречия, частицы, модальные глаголы:

Elle occupait *toujours* le même banc. (Bazin)

Certes, je *pourrais* rester chez la mère Polin. (Bazin)

Je n'étais *jamais* entré dans ce bois. (Audoux)

Находясь в крайнем конечном положении и состоя из одного глагола или вообще будучи небольшим объемом, сказуемое получает особо сильное ударение и является ядром сообщения:

Elisabeth, au plus creux du fauteuil, *tremblait*. (Bruzeau)

Les normaliens, poursuivis, jusque dans les dortoirs, par cet horrible viscère (sans parler d'un pancréas, en forme de vis d'Archimède et d'une aorte égayée de hernies), *étaient peu à peu frappés de terreur*. (Pagnol)

В таких структурах в целях получения наибольшего эффекта в результате сильного выделения сказуемого нарушается закон последовательного нарастания синтаксических групп.

Ces étrangers, je les *ai* vaguement *aperçus* une fois, lors du jubilé du défunt. (Bazin)

При субъективном (эмфатическом) словорасположении предложения, когда подлежащее-рема начинает предложение, сказуемое, хотя и стоит в его конце, является темой.

Le jour était haut. Là-bas devant un cheval attelé à une charrette légère trottait en secouant des grelots. *Un petit groupe de piétons* venait du sud. *Des chèvres* criaient dans la montée avant le plateau. *Des trompes de bouviers* sonnaient du côté des bois. (Giono)

Такое распределение рематического и тематического компонентов при «соположении». Существительные в роли подлежащих оказываются ремой, хотя начинают предложение, заканчивающееся «тематическим» сказуемым; как правило, соположение чаще всего применяется при описании статической ситуации, где в качестве ремы выступают перечисляемые явления:

Le printemps du sud montait des forêts et des eaux. . . on ne sentait plus le froid. *Les poissons* sautaient. *Un renard mâle* appelait d'une petite voix plaintive. *Des tourterelles* grises volaient contre le soleil et le bout de leurs ailes s'allumait. *Les martins-pêcheurs* couraient sur l'eau. *Des grues* lancées vers le nord comme des flèches passaient en criant. *Des nuages de canards* écrasaient les roseaux. *Un esturgeon* à dos de cochon nageait sur l'eau. . . (Giono)

Имеется еще одно построение, стилистически в высшей степени эффектное, при котором сказуемое, начиная предложение, представляет собой ядро сообщения.

Традиционно считается, что эта структура имеет библейское происхождение. Она состоит из сложного сказуемого — глагола связи и прилагательного, — в котором прилагательное стоит на первом месте, предшествуя глаголу-связке, за которым уже следует подлежащее, являющееся темой.

Bienheureux, mais rares sont les jours où la bru permet au petit-fils d'accompagner son grand-père. (Blanzat)

Выше были рассмотрены соотношения порядка слов как грамматической нормы, устанавливающей обязательность прогрессивного следования членов предложения, и как порядка, диктуемого коммуникативным заданием, которому не может не подчиняться речь (и текст, который служит письменной ее фиксацией), ибо речь предполагает наличие говорящего субъекта и собеседника, для которых содержание сообщения делится на тему и рему. Характер этого соотношения неизбежно приводит к идее Ф. де Соссюра о необходимости разграничения языка и речи и к мысли Гюстава Гийома, что существует два вида синтаксиса, которые он называл «синтаксис генетивный» и «синтаксис результативный».

Не подкрепленная конкретными исследованиями — ученый высказал эту идею на склоне своей жизни и не успел практически ее разработать и иллюстрировать — идея двух синтаксисов может на первый взгляд показаться не совсем понятной.

Думается, что рассмотрение порядка слов французского предложения в речи и в текстах и сопоставление возможных его речевых вариантов с существующей официально нормой проливает на идею Г. Гийома новый свет.

Нормативный прогрессивный порядок слов французского языка — это не что иное, как норма словорасположения пред-

ложения, относящаяся к системе языка и исключая, естественным образом, всякие экспрессивно-эмоциональные оттенки, всякий субъективный момент — ибо в системе языка нет говорящего лица, а есть лишь объективное языковое отображение предметов реального мира и существующих между этими предметами отношений.

Все отклонения от прямого порядка слов, который выражает логические объективно существующие отношения между предметами, вызываются в условиях речи присутствием говорящего и слушающего (в тексте — пишущего и читающего) с их экспрессивно-эмотивным отношением к содержанию речи и текста. В речи все диктуется коммуникативным заданием, которое, в свою очередь, учитывает ряд необходимых обстоятельств: осведомленность слушающего о предмете речи, степень новизны всего комплекса сообщаемого, необходимость выделения основной его части — ремы, соблюдение ритмико-мелодической нормы речи, отношение самого говорящего к высказываемому и т. д.

В результате говорящий не может всегда располагать слова в предложении, следуя грамматической норме. Практически это возможно лишь при объективных описаниях состояний, серии действий или статической картины бытия.

Во всех случаях, когда появляется хотя бы минимальный момент субъективного отношения говорящего к содержанию высказывания, порядок слов изменяется, представляя собой частный случай коммуникативного синтаксиса, важнейшего составного элемента грамматической речи или текста.

ПОРЯДОК СЛОВ В СВЕРХФРАЗОВОМ ЕДИНСТВЕ

• Расположение слов в предложении, связывая между собой его компоненты, служит одним из способов формирования сверхфразового единства.

С точки зрения собственно порядка слов можно говорить о двух приемах такого связывания: 1) параллельные синтаксические конструкции, о которых речь шла выше, и 2) выдвижение на первое место предложения связующего члена. Как правило, таким связующим членом является обстоятельство или косвенное дополнение.

Наибольший интерес для выяснения роли порядка слов в центрировании сверхфразового единства представляет рассмотрение первого места в предложении. Исследователи, советские и зарубежные, занимавшиеся им, согласны в том, что именно первое место предложения играет решающую роль в этом вопросе.

Член предложения, начинающий его, выполняя связующую функцию, входит в состав темы, чаще всего в качестве ситуативного элемента. Это не мешает, разумеется, тому, чтобы при субъек-

тивном порядке первое место предложения могло быть занято ремой.²⁴

В последовательно расположенных предложениях, присоединенный компонент, входя в сверхфразовое единство, содержит связующий элемент, стоящий, как правило, на первом месте предложения и соотносящийся с каким-либо элементом предыдущего предложения или даже просто предшествующего контекста.

Эта связь выражается наличием в предшествующем тексте (или предложении) «опорного» слова или группы слов, непосредственно соотносимых со связующим элементом, находящимся в следующем предложении. Связь осуществляется употреблением в связующем элементе опорного слова, опорной группы или ее части, употреблением определенного артикля при существительном, личных местоимений, указательных и притяжательных прилагательных и местоимений, лексических синонимов любого типа и т. п.

Первое предложение сверхфразового единства является, естественно, автосемантическим, последующие предложения, представляющие собой компоненты сверхфразового единства, являются синсемантическими.

Компоненты сверхфразового единства связываются соотношениями их синтаксических структур. Существуют два типа синтаксической связи предложений — компонентов сверхфразового единства: а) цепная и б) параллельная.²⁵

а. Структурная соотносительность осуществляется последовательным развертыванием структуры какого-либо члена предыдущего предложения в последующем или в присоединительной конструкции, или повторением синтаксической структуры первого предложения во втором, или имеет место «синтаксический параллелизм». Синтаксические связи между компонентами сверхфразового единства обуславливаются их смысловыми связями.

Мысль, лежащая в основе предложения, имеет субъектно-предикатную форму, и развитие структуры речи может происходить путем развертывания одного из элементов предложения в последующем.²⁶

При цепной связи предикат предшествующего предложения превращается в субъект следующего.

C'était une salle très claire, blanchie à la chaux et recouverte d'une verrière. Elle était meublée de chaises et de chevalets en forme de X. (Camus)

Формой связи второго предложения с первым оказывается постанова на первое место подлежащего-местоимения, являю-

²⁴ В работах А. Блинкенберга и Р. Ле Бидуа отмечается полифункциональность первого места предложения. В. Г. Адмони перечисляет три функции члена предложения, занимающего первое место: 1) выражение логической последовательности в развертывании содержания предложения, 2) выражение связи с предыдущим контекстом, 3) выделение понятия, обозначенного этим членом.

²⁵ Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. М., 1973, с. 32.

²⁶ Коллинз П. В. Диалектика, логика, наука, М., 1973, с. 236.

щегося темой и повторяющего предикат-рему предыдущего предложения.

Переход предиката или одного из элементов предиката предыдущего предложения в субъект последующего является наиболее часто встречающимся типом последовательной соотнесенности предложений. Возможен также переход субъекта предыдущего предложения в элемент предиката последующего. С точки зрения коммуникативного членения он будет выступать в качестве ситуативного элемента:

Elle était assise à la table de jeu et disposait une patience. Derrière elle, Maria, grimpée sur un tabouret, époussetait farouchement les corniches. (Troyat)

Nous arrivâmes sur une pelouse. Au milieu de la pelouse il y avait une grande piscine pleine d'une eau bleu claire qui me gela d'avance. (Sagan)

Общим для всех типов последовательной связи компонентов сверхфразового единства является соотнесенность через предикат.

Компонент, последовательно присоединенный к предыдущему предложению, может иметь прямой порядок слов, если связующим элементом служит подлежащее:

Elle tourna la tête vers lui. Il la fixait. (Sagan)

Ils allèrent frapper à la porte de Gise. La jeune fille était couchée. (Du Gard)

Опорное слово — косвенное дополнение первого предложения; связующий элемент — подлежащее второго предложения.

Опорным словом, так же как и связующим звеном, может быть любой член предложения, но если последнее представлено не подлежащим, естественно, что присоединенный компонент не может иметь прямого порядка слов:

Il faisait toujours bon dans la chambre de David. Dès le seuil, une tiédeur exquise vous enveloppait comme un vêtement impalpable et vous faisait sourire de bien-être. (Green)

Ils allèrent s'asseoir contre la fenêtre. De là ils pouvaient voir le fleuve en bas dessous, à la sortie du pont. (Giono)

La salle était séparée en trois parties par deux grandes grilles qui la coupaient dans sa longueur. Entre les deux grilles se trouvait un espace de huit à dix mètres qui séparait les visiteurs des prisonniers. (Camus)

Il est sorti, est revenu, a disposé des chaises. Sur l'une d'elles il a empilé des tasses autour d'une cafetière. (Camus)

Il aimait Mathilde au point de l'avoir ressuscitée et se persuadait de sa présence en lui, hors de lui. De cette présence lui venait une paix, que, sous le règne de sa mère, il n'avait jamais connue. (Mauriac)

В тех случаях, когда связь между компонентами сверхфразового единства осуществляется второстепенным членом предложения — обстоятельством или косвенным дополнением, — часто имеет место инверсия подлежащего. Второстепенный член, непосредственно примыкая к глаголу, притягивает его к себе.

Глагол, следуя за начинающим предложение второстепенным членом, оказывается стоящим впереди подлежащего; опорой для связующего звена может служить все предыдущее предложение в целом:

La Grèce ignorante se livra au soleil, à l'eau dérégulée, à la pierre . . . *Sur ce sol dur, sous ce ciel capricieusement implacable, réussissaient le mieux* oliviers et vigne, moins bien les céréales . . . (Bonnard)

«Prière à Monsieur le Précepteur — disait un papier à en-tête de Chancellerie ducale — de vouloir bien trouver ici le premier trimestre de ses honoraires . . .» *A cette gracieuse invitation étaient joints* trois mille cinq cents marks. (Benoît)

Une sorte de tribunal fut immédiatement constitué . . . *Y furent convoqués d'urgence* les membres les plus représentatifs des familles offensées. (Benoît)

Между компонентами сверхфразового единства существуют определенные логические отношения, так как последующее предложение всегда служит продолжением развития мысли, заключенной в предыдущем.

Между последовательно объединенными компонентами существуют, преимущественно, отношения уточнения, дополнения, пояснения:

J'exerce donc à Mexico-City, depuis quelque temps, *mon utile profession*. Elle consiste d'abord, vous en avez fait l'expérience, à pratiquer la confession publique aussi souvent que possible. (Camus)

Чем шире лексическое значение опорного слова и чем меньше оно определено непосредственно в самом предложении, тем больше высказывание нуждается в последующем уточнении:

Le frisé cracheur de pépins était là tout seul à *une table*. *Sur la table* il y avait un nerf de boeuf et rien d'autre. (Courtade)

A la même heure, Sandro *remontait de la plage* vers Salina. *Sur cette plage*, l'été, il venait se baigner avec Magda. (Roblès)

Наиболее типичны структуры, в которых опорное слово представляет собой существительное, а соотнесенный с ними член следующего предложения — местоимение. Местоимения не имеют собственного денотативного значения, поэтому предложение, введенное местоимением, обязательно зависит от предыдущего, в котором находится слово, обозначающее понятие, кроющееся за местоимением:

Il vit *une femme*, haute, grasse, vêtue d'une jupe noire, et d'un caraco violet sombre . . . Elle avait un visage laiteux, aux lourdes bajoues et considérait le jeune homme avec fixité. *Derrière elle*, Mlle Pastif égrena un rire flûté . . . (Troyat)

Связующее звено — подлежащее предполлагает прямой порядок слов второго предложения. Если связующее звено — второстепенный член предложения, он выходит на первое место. Инверсия подлежащего в этом случае факультативна.

б. Связь компонентов сверхфразового единства может осуществляться параллельно — точным повторением синтаксической структуры предшествующего предложения в последующем.

При этом возможно как повторение прямого порядка слов, так и вынесение второстепенного члена предложения на первое место в качестве связующего звена:

Deux ou trois médecins s'exclamèrent. Les autres semblaient hésiter. (Camus)

En 1813, il revient à Paris.

En 1816, il est parvenu à la toute-puissance.

En mars 1820, il épouse Mlle Roquelaure, fort belle et qui a dix-huit ans. (Sartre)

Между параллельными структурами компонентов сверхфразового единства иногда, хотя и довольно редко, можно установить то же отношение пояснения и уточнения, которые более свойственны последовательной структуре.

Les deux nouveaux arrivés n'avaient pas l'air de policiers. L'un était grand et fort, avec une barbe très fournie. L'autre était petit, mince, délicat. (Gamarra)

Чаще всего параллельно соотнесенные компоненты находятся в отношениях сопоставления, противопоставления, сравнения и перечисления.

Возможен как прямой порядок слов, так и постановка связующего элемента — второстепенного члена предложения на первое место:

C'est dimanche: derrière les docks, le long de la mer, près de la gare aux marchandises. Tout autour de la ville il y a des hangars vides et des machines immobiles dans le noir. Dans toutes les maisons, des hommes se rasent derrière leur fenêtre. Dans les églises, à la clarté des cièrges, un homme boit du vin devant des femmes à genoux. Dans tous les faubourgs, entre les murs interminables des usines, de longues files noires se sont mises en marche, elles avancent lentement sur le centre de la ville. (Sartre)

A midi, j'aime bien ce moment. Le soir, j'y trouve moins de plaisir . . . (Camus)

Chez les uns, la peste avait enraciné un scepticisme profond dont ils ne pouvaient pas se débarrasser. Chez les autres, au contraire, et ils se recrutaient spécialement chez ceux qui avaient vécu jusque-là séparés des êtres qu'ils aimaient . . . (Camus)

On peut déterrer les idoles de bois et ressusciter les vieux mythes qui ont, tant bien que mal, fait leur preuve. on peut ressusciter les mystiques de Pangermanisme, ou d'Empire Romain. On peut enivrer les Allemands de l'ivresse d'être Allemands et compatriotes de Beethoven. On peut en saouler jusqu'au soutier. (Saint-Exupéry)

On ne répondait pas. Sur le canapé, il n'y avait personne. En bas, il y avait Max et l'épouvantable vieillard. En haut, au dernier étage, il y avait peut-être quelqu'un. (Green)

Структура синтаксического параллелизма, как правило, сопровождается лексическими повторами, употреблением одинаковых временных форм и т. д. Они обладают несомненной стилистической яркостью и создают семантическое и ритмическое внутреннее равновесие всего сверхфразового единства.

Параллельные построения компонентов могут служить простому перечислению:

Cinq ou six mineurs étaient installés autour des tonneaux devant des chopins. Quelques autres se pressaient devant le comptoir. Deux s'étaient assis devant la fenêtre. (Gamarra)

Порядок слов внутри сверхфразового единства имеет свои особенности, заключающиеся в том, что он участвует в его цементировании и часто вступает в конфликт с грамматической нормой. Происходит это в тех случаях, когда связующим звеном оказывается любой второстепенный член предложения, который в этой своей роли должен находиться на первом месте предложения. Когда эту функцию выполняет подлежащее, сохраняется прямой порядок слов, ибо первое место предложения отводится подлежащему и по грамматической норме. Как последовательная, так и параллельная связь между предложениями может оформляться прямым и непрямым порядком слов, независимо от типа логических отношений между компонентами сверхфразового единства.

* * *

Подытоживая сказанное выше, можно заключить, что порядок слов французской фразы определяется четырьмя факторами, каждый из которых может выступать на первый план в отдельных конкретных случаях. Этими факторами являются: 1) грамматическая норма, предполагающая постановку подлежащего в начале предложения и отводящая определенные места для всех прочих членов предложения; 2) требование коммуникативного членения постановки ядра ремы в сильном положении (а наиболее сильным является последнее место предложения), что приводит к конфликту между грамматической нормой и коммуникативным членением, в котором последнее берет верх; 3) мелодико-ритмическая структура предложения, не допускающая положение большой по объему группы подлежащего впереди краткого сказуемого, состоящего из одного или двух слов, и наконец, 4) построение сверхфразового единства, в котором члены предложения, служащие для цементирования единства, должны занимать первое место предложения.

В первой части данной работы рассматривалась единица текста, каковой является сверхфразовое единство. Сверхфразовое единство, содержащее ограниченную микротему, отвечающую отдельному высказыванию, представляет собой структурно-смысловое единство и включает ряд компонентов, разделенных в речи паузой, на письме — точкой. Компоненты сверхфразового единства связаны между собой семантически, грамматически и лексически, причем в каждом отдельном случае может доминировать любой из этих видов связи.

Каждое сверхфразовое единство или сочетание двух и более единств входят в ткань общего потока текста, являются его составным элементом, но и обладают известной самостоятельностью содержания, которое может быть замкнуто в формальную языковую рамку. Поток текста создает общую перспективу содержания текста, которая членится на более мелкие отрезки, представляющие собой небольшие отдельные микротемы, заключенные в сверхфразовых единствах. Они находятся в разных отношениях к основному сюжетному стержню. Одни являются семантическими элементами основной сюжетной линии, продвигают повествование или описание, другие находятся вблизи центральной линии текста, третьи лежат на периферии, относительно самостоятельны, лишь косвенно связаны с сюжетной линией. Но всякое сверхфразовое единство, обладая определенной семантической структурой, обуславливающей его вхождение в данный текст, обладает и особой формальной, языковой структурой, с внутренними языковыми скрепами и пограничными сигналами.

Вторая часть работы посвящена рассмотрению грамматического построения предложений как компонентов сверхфразовых единств и связного текста в целом. Здесь представлено функционирование временных форм глагола как основных форм повествовательного текста, употребление форм наклонения в зависимости от коммуникативного членения, наконец, порядок слов в предложении, непосредственно зависящий от того же коммуникативного членения и участвующий в структурировании сверхфразового единства.

В условиях текста, входящие в него морфологические формы и синтаксические структуры попадают в зависимость от ряда

факторов, определяющих их значение в каждом конкретном случае.

Так, творческая позиция автора, стремление к наиболее полному и точному выражению мысли во всех ее оттенках, стремление к созданию текста, отвечающего художественно-эстетическим представлениям автора, определяют выбор форм повествования, употребление лексических и грамматических единиц, наконец, их взаиморасположение в предложении.

Результаты проведенного исследования позволяют считать, что лингвистическая характеристика текста складывается из целого ряда специфических особенностей его построения, которое подчиняется своим особым законам и правилам. Основным принципом формирования любого отрезка текста является по возможности точное выполнение им коммуникативной функции, отражающей движение мысли автора, с учетом системных значений языковых единиц — лексических, называющих понятия и явления реального мира, и грамматических, выражающих отношения между ними.

Цепь высказываний, образующая в конечном счете текст, оформляется в виде отдельных предложений и сверхфразовых единств, которые состоят из серии предложений, связанных между собой по смыслу и формально — лексико-грамматическими средствами. Сверхфразовые единства, передающие отдельные высказывания, имеют начальную и конечную границы, выраженные лингвистически. Наконец, входя в сюжетную основную линию или одну из побочных линий текста, сверхфразовые единства связываются между собой непосредственно или дистантно. Входящие в текст грамматические единицы принимают в нем значение, определяемое сочетанием лексического значения слов и системного значения грамматических форм. Важная роль в образовании связного текста принадлежит коммуникативному членению, отражающему отношение автора к содержанию высказывания и его стремление довести до сведения читателя свою мысль во всей полноте ее содержания и в первую очередь то, что является в нем основным — его рему. Рема, каким бы членом предложения она ни была выражена, должна занять наиболее сильное место предложения, каковым во французском языке является последнее место, или она может быть выделена каким-либо иным способом.

Для текстов современной французской художественной литературы характерно расширение употребления глагольных временных форм в повествовании не только в зависимости от жанра произведения, но и от субъективного отношения автора к повествуемому. Если автор является участником повествуемых событий, и, следовательно, рассказ ведется от первого лица, в тексте могут быть использованы в качестве форм повествования презенс и сложный перфект. Стремление к картинности при описании прошлых событий делает из имперфекта одну из чрезвычайно

распространенных в наше время форм повествования, вытесняя из него традиционный претерит.

Заключая данное исследование, быть может, можно высказать предположение, что изучение лингвистического построения текста как произведения речевой деятельности, отражающей процесс созидającego движения мысли, позволит глубже заглянуть в этот процесс, выявить механизмы, которые позволяют мысли облекать себя в слова и формы, предоставляемые ей языковой системой, с тем чтобы перевести самое себя в речь и письменно фиксировать ее в виде текста, осуществляя тем самым социальную функцию языка, функцию общения человека с человеком.

Les linguistes de nos jours s'adonnent avec un intérêt soutenu à l'étude de la structuration linguistique du texte, ce qui constitue l'objet de la présentation ci-dessus.

La première partie du livre traite de la structuration de l'unité du discours (=du texte) qui porte le nom d'«Unité superphrastique» et de la façon dont ces unités se lient entre elles en formant un texte continu.

Pour s'exprimer la pensée humaine se revêtit de formes linguistiques des propositions, mais ne se contente que rarement du cadre d'une seule proposition, dépassant dans la majorité des cas les limites de celle-ci. Le plus souvent, un énoncé sémantiquement clos embrasse toute une série de propositions consécutives, nonobstant les points qui les séparent formellement. Cette série est de caractère ouvert puisque le nombre des constituants ne peut pas être fixé d'avance et dépend de l'intention du sujet communicant et du volume de la communication même. En formant un texte continu, les unités superphrastiques contiguës qui le constituent se lient entre elles non seulement sémantiquement, mais aussi par des signes formels. Les éléments de liaison qui s'expriment linguistiquement peuvent se situer à la fin de la première unité, au début de celle qui la suit ou, enfin, entre les deux.

La succession des unités superphrastiques composant un texte continu n'est pas toujours linéaire. Une unité peut être interrompue par une autre pour reprendre quand celle-ci sera terminée. Les unités superphrastiques intercalées représentent habituellement des réflexions venant de la part de l'auteur, des descriptions supplémentaires, d'autres digressions qui interrompent le cours de la narration, en l'enrichissant en même temps. L'entrelacement des unités superphrastiques manifeste parfois un dessin assez compliqué. Les liens qui les unissent effectuent la continuité du texte.

La seconde partie du livre est consacrée à l'étude de la vie des formes grammaticales dans le texte, des valeurs sémantiques différentes qu'y assument certaines formes grammaticales (morphologiques et syntaxiques) et des fonctions de ces formes qui en découlent. Les valeurs des formes grammaticales dans les textes sont déterminées par l'interaction de la valeur qui leur est propre dans le système de la langue et le sens lexical des mots revêtus par ces formes. La signification qui en résulte prend part à la composition du sens du texte.

Ainsi, dans cette partie du livre est passé en revue l'emploi de différentes formes temporelles du verbe — passé simple, imparfait, passé composé et présent — en tant que formes de narration. Sont étudiées ensuite les multiples valeurs que peuvent assumer les formes verbales temporelles employées dans un texte continu. On fait remarquer que ces valeurs ne transgressent pourtant jamais les limites que leur prescrit leur valeur systématique. Quant aux formes dites modales du subjonctif, l'analyse de leur emploi dans le texte permet d'affirmer qu'elles ne possèdent aucune valeur modale (ce qui d'ailleurs était déjà le cas des formes du conjonctif du latin classique, employées dans les propositions subordonnées). Les formes du subjonctif français desservent la prédication communicative et, en exprimant les éléments secondaires de la communication, entrent dans le thème communicatif et constituent ainsi le support du rhème.

Ensuite est démontré que l'ordre des mots dans la phrase française est défini par quatre facteurs: la norme grammaticale, la prédication communicative, les exigences posées par la structuration des unités superphrastiques et le dessin mélodique de la phrase. Celui-ci veut qu'un sujet de grand volume se place après le prédicat, tandis qu'un prédicat relativement court se transfère au début de la phrase. Ainsi s'explique quelquefois l'inversion du sujet.

Les recherches effectuées et décrites ci-dessus donnent la possibilité de voir quels sont les moyens grammaticaux et lexicaux aptes à satisfaire les exigences de la structuration du texte continu sujette à des lois particulières.

Il est à espérer que l'étude des procédés formateurs du texte continu pourra contribuer à pénétrer plus profondément dans les mécanismes du fonctionnement de la langue en tant que moyen de communication, les mécanismes qui reflètent les mouvements de la pensée humaine.

СПИСОК ИССЛЕДОВАННЫХ ТЕКСТОВ

- Ajar
Anouilh J. L'angoisse du roi Salomon. Paris, 1979.
La sauvage suivi de l'Invitation au château. Paris, 1958.
Becket. Paris, 1959.
Le voyageur sans bagage. Paris, 1958.
- Antoine G.
Aragon L. La Coordination en français, I—II. Paris, 1959—1962.
Aurélien. Paris, 1944.
La Semaine Sainte. Paris, 1959.
- Arnaud G.
Aymé M. Le salaire de la peur. Paris, 1953.
Le Chemin des Ecoliers. Paris, 1946.
La jument verte. Paris, 1933.
Le nain. Paris, 1934.
Les Tiroirs de l'Inconnu. Paris, 1960.
Passe-Muraille. Nouvelles. Paris, 1943.
- Balzac H. de.
Bazin H. La Peau de Chagrin. Moscou, 1958.
La mort du petit cheval. Paris, 1972.
Vipère au poing. Paris, 1966.
- Beauvoir S. de. Le sang des autres. Paris, 1945.
Une mort très douce. Paris, 1964.
- Benoît P. Les Mandarins. Paris, 1954.
Koenigsmark. Paris, 1922.
M-elle de la Ferté. Paris, 1951.
Pour Don-Carlos. Paris, 1920.
- Bernanos G. La Joie. Paris, 1929.
Nouvelle histoire de Mouchette. Paris, 1937.
Un Crime. Paris, 1935.
- Blanzat J.
Bommart J.
Bosco H.
Boulanger D.
Bruzeau M.
Butor M.
Cabanis J.
Calef N.
Camus A. Le Faussaire. Paris, 1964.
La Dame de Valparaïso. Paris, 1972.
Malicroix. Paris, 1948.
Vessies et Lanternes. Paris, 1971.
Le Dieu pâle. La Pyramide. Paris, 1961.
La Modification. Paris, 1962.
L'âge ingrat. Paris, 1952.
Ascenseur pour l'Echafaud. Paris, 1956.
La Chute. Paris, 1956.
La Peste. Paris, 1947.
L'Etranger. Paris, 1957.
- Carco F. Jesus-la-Caille. Paris, 1964.
La Rue. Paris, 1930.
- Cendrars B.
Cesbron G.
Chabrol J.-P.
Chevallier G. L'Or. Paris, 1925.
Les Innocents de Paris. Paris, 1944.
Le Bout Galeux. Paris, 1955.
Miss Taxi. Paris, 1961.
Olympe. Paris, 1959.
Sainte-Colline. Paris, 1937.
- Clavel B.
Le Clézio J.-M.-G.
Cocteau J. Celui qui voulait voir la mer. Paris, 1963.
Le Procès-Verbal. Paris, 1963.
Les Enfants terribles. Paris, 1925.
Les Parents terribles. Paris, 1938.
- Colette Sido. Paris, 1961.

- Cotte J. L. Les semailles du Ciel. Paris, 1970.
Courtade P. Les Circonstances. Les Animaux supérieurs. Moscou, 1966.
- Cressot M. Le style et ses techniques. Paris, 1959.
Curtis J. L. Le Roseau pensant. Paris, 1971.
Les Justes Causes. Paris, 1954.
- Bonnard A. Civilisation grecque. De l'Illiade au Parthénon. Paris, 1954.
- Dabit E. Train de vies. Moscou, 1973.
Damourette J. Des Mots à la Pensée. Essai de la Grammaire de la Langue française, I—II. Paris, 1911—1940.
et Pichon E. Les Carnets du major Thompson. Paris, 1954.
Daninos P. Bateau en Espagne. Paris, 1964.
Delory M. La Brute. Paris.
Des Cars. Le Pays où l'on n'arrive jamais. Paris, 1955.
Dhôtel A. Les Grandes Familles. La Chute des Corps. Paris, 1964.
Druon M. Rendez-vous aux enfers. Paris, 1951.
Les Rois maudits, I—VI. Paris, 1955—1960.
- Du Gard R.-M. Les Thibaut. Paris, 1955.
Duras M. Des Journées entières dans les arbres. Madame Dodin. Paris, 1954.
Dix Heures et Demie du Soir en Eté. Paris, 1960.
- Erlanger Ph. Diane de Poitiers. Paris, 1955.
Falbert P. Le Compte en Banque du Docteur. Paris, 1964.
Flaubert O. Madame Bovary. Paris, 1889.
France A. Jocaste et le Chat maigre. Paris, [s. d.].
Gamarra P. L'Or et le Sang. Paris, 1970.
Gary R. La Promesse de l'Aube. Paris, 1960.
Les têtes de Stéphanie. Paris, 1974.
- Gascar P. Les Moutons de Feu. Paris, 1963.
Giono J. Le Chant du Monde. Paris, 1934.
Le Moulin de Pologne. Paris, 1952.
Regain. Paris, 1932.
- Gracq J. Les Rivages des Syrtes. Paris, 1952.
Green J. Chaque homme dans sa nuit. Paris, 1960.
Le Voyageur sur la Terre. Paris, 1930.
- Gyleroi M. Vingtième Vendange. Paris, 1961.
Hériat Ph. Famille Boussardel. Paris, 1946.
Les Enfants gâtés. Paris, 1939.
Les Grilles d'Or. Paris, 1957.
- Jouglet R. Le Mal du Siècle. Paris, 1960.
Laffitte J. Les Hirondelles du Printemps. Paris, 1950.
Nous retourneront cueillir les Jonquilles. Moscou, 1951.
Ceux qui vivent. Moscou, 1950.
- Lanoux A. Le Commandant Watrin. Moscou, 1962.
Le Rendez-vous de Bruges. Paris, 1958.
Quand la Mer se retire. Paris, 1963.
- Lapierre H. Le Mort du Lac. Paris, 1964.
Leblanc M. Arcène Lupin, gentleman-cambrioleur. Paris, 1962.
Maupassant G. de. Le Rosier de m-me Husson. Paris, 1900.
Mauriac Cl. Le Dîner en Ville. Paris, 1959.
Mauriac F. Genitrix. Paris, 1924.
Thérèse Desqueyroux. Paris, 1927.
- Maurois A. Une Carrière et autres nouvelles. Moscou, 1965.
Bernard Quesnay. Paris, 1926.
Climats. Paris, 1928.
Pour Piano seul. Paris, 1960.
- Meersch M. v. d. Invasion 14. Paris, 1935.
Merimée P. Colomba. Oeuvres complètes. Paris, 1933.

- Merle R. La Mort est mon métier. Paris, 1952.
Week-end à Zuydcoote. Paris, 1949.
- Modiano P. Rue des Boutiques obscures. Paris, 1978.
Villa triste. Paris, 1975.
Le Nuage. Paris, 1960.
- Monod M. Alerte à Lisbonne. Paris, 1964.
- Nemours P. Double crime sur la Ligne Maginot. Paris, 1951.
- Nord P. La gloire de mon père. Paris, 1957.
Le château de ma mère. Paris, 1958.
Le temps des secrets. Paris, 1960.
- Parmelin H. Le peintre imaginaire. Nouvelles des auteurs contemporains. Leningrad, 1968.
- Peguy Ch. A nos amis, à nos abonnés. Cahiers de la Quinzaine. Paris, 1900.
- Plisnier Ch. Mariages, I—II. Paris, 1945.
- Prou S. Les Demoiselles sous les Ebéniers. Paris, 1967.
- Queneau R. Pierrot, mon Ami. Paris, 1943.
- Rémy J. Si tous les Gars du Monde. Paris, 1961.
- Robbe-Grillet A. Dans le Labyrinthe. Paris, 1962.
- Rouquette J. La Littérature d'Oc. Paris, 1963.
- Roblès E. Cela s'appelle Aurore. Paris, 1952.
La Remontée du Fleuve. Paris, 1964.
Les Hauteurs de la Ville. Paris, 1960.
Les Copains. Paris, 1922.
La petite Hutte. Paris, [s. d.].
Dans un Mois, dans un An. Paris, 1963.
La Chamade. Paris, 1965.
La Robe mauve de Valentine. Paris, 1963.
Les merveilleux Nuages. Paris, 1961.
Un certain Sourire. Paris, 1956.
- Saint-Exupéry A. de. Oeuvres. Vol de Nuit. Terre des Hommes. Le petit Prince. Moscou, 1968.
- Saint-Laurent C. La Bourgeoise. Paris, 1974.
- Salacrou A. Boulevard Durand. Paris, 1960.
Les Fiancés du Havre. Paris, 1946.
- Sartre J. P. La Nausée. Paris, 1938.
Les Chemins de la Liberté. Le Sursis. Paris, 1945.
Les Mots. Paris, 1964.
- Sauerwein J. 30 Ans à la Une. Paris, 1962.
- Simenon G. Cécile. Paris, 1942.
L'aîné des Férchaux. Paris.
La Marie de Port. Paris, 1938.
La neige était sale. Paris, 1951.
La première Enquête de Maigret. Moscou, 1968.
La Vérité sur Bébé Donge. Paris, 1945.
La veuve Couderc. Paris, 1942.
Le Bourgmestre de Furnes. Paris, 1940.
Crime impuni. Paris, 1969.
Le destin des Malou. Moscou, 1972.
Le Passager de Polarlys. Paris, 1965.
Le petit Docteur. Paris, 1943.
Le Testament Donadicu. Paris, 1937.
Les Clients d'Avrenos. Paris, 1935.
Les Dossiers de l'Agence O. Paris, 1943.
Les Pitard. Paris, 1935.
Les 13 Mystères. Paris, 1959.
Maigret et le Clochard. Paris, 1963.
Maigret et le corps sans tête. Moscou, 1968.
Oncle Charle s'est enrhumé. Paris, 1945.
45° à l'Ombre. Paris, 1936.

Soupault Ph.	En joue. . .! Paris, 1925.
Stil A.	La Seine a pris la Mer. Praha, 1964.
Téry S.	Du Soleil plein le Coeur. Paris, 1949.
Triplet E.	Les Fantômes armés. Paris, 1947.
Troyat H.	Faux Jours. Paris, 1940.
	La Pierre, la Feuille et les Ciseaux. Paris, 1972.
	La Tête sur les Epaules. Paris, 1951.
	Le Vivier. Paris, 1961.
Vailland R.	La Loi. Paris, 1957.
Vaillant-Couturier P.	Enfance. Moscou, 1979.
Vercors	Le Silence de la Mer. Paris, 1951.

Введение	3
Часть I	
Структуры сверхфразового единства	14
Присоединение	14
Соположение	38
Параллельные и цепные синтаксические структуры	44
Лексико-семантические повторы в сверхфразовом единстве	51
Лексико-грамматические границы сверхфразового единства	69
Сверхфразовое единство и абзац	81
Многочастные сверхфразовые единства	91
Сочетание сверхфразовых единств	97
Часть II	
Глагольные формы в тексте	111
Временной план повествования	111
Значение временных форм в тексте	127
Употребление форм наклонения в тексте	150
Порядок слов	178
Грамматическое значение порядка слов в предложении	181
Ритмико-интонационный фактор, определяющий порядок слов	185
Коммуникативное членение и порядок слов	187
Порядок слов в сверхфразовом единстве	200
Заключение	206
Résumé	209
Список исследованных текстов	211

Елизавета Артуровна Реферовская
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии наук СССР

Редактор издательства *Л. М. Романова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *А. П. Чистякова*
Корректоры *Л. М. Бова, А. И. Кац и Н. П. Кизим*

ИБ № 20743

Сдано в набор 12.10.82. Подписано к печати 15.07.83.
М-36780. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 13^{1/2}. Усл. кр.-отт. 13.75. Уч.-изд. л. 16.19.
Тираж 2900. Тип. зак. № 1366. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.